

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО ПО СРЕДСТВАМ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ,
ОБЩЕСТВЕННЫМ И РЕЛИГИОЗНЫМ
ОРГАНИЗАЦИЯМ КБР
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Нина Емузова
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

6. 2014 НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Салих ГУРТУЕВ

ГОРЕНЬЕ

Алиму Кешокову

Горит сухое дерево в печи,
Тепло столетий людям отдавая.
И угли согревают дом в ночи,
И долго дом стоит, не остывая.

...Я слышу хруст красивого седла.
Как на коне, Алим, сидишь ты ловко!
Пошел в карьер и бросил удила.
Твой конь летит. Не скоро остановка.

О, знаменитый кабардинский конь!
Отыщется на свете лучший друг ли?
Алим, ты скачешь. Сердце, как огонь.
Стихи – не остывающие угли.

Уместится ль в объятиях годов
Твой славный путь, дорога заревая?
Вперед ты скачешь и всегда готов
Сгореть, сердца людские согревая.

А над тобой времен клубится дым,
Летят над миром облака седые...
У Лермонтова служишь рядовым.
К тебе записываюсь в рядовые.

Перевод Владимира Приходько

Он был душой в родном краю...

Год Алима Кешокова венчает торжественное собрание, состоявшееся 14 ноября 2014 года в Музыкальном театре в столице Кабардино-Балкарии Нальчике.

Открывая вечер памяти, приуроченный к 100-летию поэта, министр культуры КБР Мухадин Кумахов отметил, что Алим Пшемахович является гордостью не только адыгской и российской, но и мировой культуры. Он рассказал о жизненном и творческом пути поэта, подчеркнул, что его литературное наследие принадлежит общемировой культуре, продолжая оставаться вершиной этнического духа. Нравственная сила слова, эстетическая высота всего творчества Кешокова – это призыв, обращенный к нам и грядущим поколениям: беречь родной язык и преумножать духовные и нравственные ценности, закрепленные в нем.

Памятные мероприятия проходили 14 ноября в г. Нальчике и 15 ноября на родине поэта – в сел. Шалушка. На эти торжества приехали гости из Москвы, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии-Алании, Южной Осетии, Калмыкии, Ростовской и Астраханской областей, Ставропольского и Краснодарского краев.

Гость из Москвы, заместитель председателя Союза писателей России Геннадий Иванов рассказал, что накануне отъезда в Нальчик он перечитал многие страницы из книг Кешокова, по-новому открывая для себя в его произведениях мудрость, исполненную высокой гражданской направленности. «Огромный талант большого писателя через героев

его книг стал уже работать на подрастающее поколение, – заметил Г. Иванов. – Это и есть, как я понимаю, великое служение народу».

Далее выступил друг и собрат по перу, народный писатель Адыгеи, отмеченный почетными званиями многих братских республик, Исхак Машбаш. Он сказал, что Алим Кешоков оказал большое влияние на его становление как писателя на избранном литературном поприще.

Нафи Джусойты, наш гость из Южной Осетии, патриарх кавказской литературы, говорил о поэте как о старом друге с тех давних пор, когда писатели-фронтовики писали о Великой Отечественной войне, а некоторые, как Алим Кешоков, «разбавляли огонь и пламя войны высокой и душевной лирикой». Когда, по словам Нафи Джусойты, он понял и высоко оценил в Алиме личность.

Главный редактор газеты «Литературная Россия» Вячеслав Огрызко поведал присутствующим в зале о том, что Алим Кешоков был в числе первых членов редколлегии газеты и одним из первых ее авторов. Вячеслав Огрызко отметил, что благодаря Алиму Кешокову в «Литературной России» еще тогда появились стихи Исхака Машбаша, Зубера Тхагазитова, Инны Кашежевой. Выступающий также подчеркнул, что, видимо, нынешним поколениям молодых писателей и поэтов не хватает дерзости и хватки Кешокова, чтобы подняться сегодня на Олимп по тропе литературы.

Торжественное собрание завершилось большим концертом, где прозвучала музыкально-литературная композиция, пронизанная сыновней любовью поэта к своей

земле.

На следующий день гости и жители Нальчика собрались у памятника поэту, установленному на улице, носящей его имя. Почтить память поэта пришли представители парламента и правительства КБР, администрации Главы республики, руководители творческих союзов, труженики города, родственники и друзья Алима Кешокова. Министр культуры Мухадин Кумахов провел торжественную церемонию, со многими выступающими, которая завершилась возложением цветов к подножию памятника.

После завершения церемонии присутствующие отправились в родное село Алима Пшемаховича – Шалушку, и посетили сельское кладбище, с возложением цветов

на могилу поэта. Далее торжества продолжались в школе и музее, где участников празднования встретили сельчане – музыкой и танцами, с традиционной чашей махсымы. Чашу принял гость из Москвы Геннадий Иванов и затем станцевал зажигательный адыгский танец.

Затем музей Алима Кешокова, организованный в школе, открыли Каншобий Ахохов, Геннадий Иванов и Мухадин Кумахов.

Здесь гостей принимали глава местной администрации Чегемского муниципального района Каншобий Ахохов, руководство сельского совета, писа-

тели, поэты и местное население.

В актовом зале школы продолжались выступления гостей и жителей родного села Алима Кешокова. Была показана музыкальная композиция, подготовленная школьниками, педагогами и артистами ансамбля «Чегемские водопады». В ее название вынесли слова, некогда сказанные Алимом Кешоковым: «К своим истокам я вернусь...».

Сопредседатель Лермонтовского комитета России Аскер Додуев вручил памятные медали Али Шогенцукова гостю из КЧР Лейле Бекизовой и Геннадии Иванову.

Выступившие затем директор школы Лиза Хутатова и глава администрации селения Шалушка Хачим Кунижев выразили благодарность и признательность гостям праздника и всем тем, кто сделал сегодняшний день ярким и незабываемым

не только для присутствующих, но и для всей республики, для молодежи, которая должна нести эстафету гуманизма дальше по жизни, по которой шли друзья – Алим Кешоков и Кайсын Кулиев, рука об руку, и на войне, и в созидании мира, – «горской песни два крыла», как называет их народ, – это и есть интернациональное единение кабардинцев и балкарцев, всегда живших и живущих как одна семья.

Материал подготовила Жанна Кандорова

Адам ГУТОВ,
доктор филологических наук,
профессор

ТАЛАНТ И ТРУД

Имя Андрея Ханашховича Хакуашева заслуженно и прочно обосновалось в ряду имен самых замечательных деятелей современной национальной культуры. Оно с глубочайшим почтением произносится и в кругах отечественных ученых, и писателями Северного Кавказа, и, что особенно Примеча-

тельно, несколькими поколениями студентов-гуманитариев и даже школьников. Понятно, что такого просто так не бывает.

В юности ему посчастливилось учиться в легендарной Нальчикской школе-интернате, где в те времена преподавала плеяда таких замечательных учителей, что эта, казалось бы, обыкновенная школа стала, ни много ни мало, кузницей кадров первого поколения послевоенной национальной интеллигенции. Того самого поколения, на плечи которого выпало в течение нескольких последующих десятилетий представлять чуть ли не всю интеллектуальную сферу в нашей республике. Учились в этой школе в основном дети из малосостоятельных семей, каковых в сороковые послевоенные годы было особенно много. Но поскольку это были не просто дети, а люди, у которых первые впечатления в жизни связаны с войной, фашистским нашествием, а для многих еще и сиротством, учиться в интернате почиталось делом престижным, а о преданности своему делу и педагогических талантах его директора и учителей говорила в те годы вся республика.

Конечно же, замечательный педагог – это хорошо, но в случае, если семена знания упадут на неплодородную почву, им не дано прорасти и продолжить жизнь. Тогда и от стараний лучших учителей толку не будет, если их подопечные окажутся неспособными усвоить преподаваемый урок. Однако ученики оказались на редкость достойными, что очевидно хотя бы по тому, что огромное число выпускников интерната регулярно и успешно поступало в ведущие вузы страны. Затем, через определенное время, в республику начали возвращаться десятки высококвалифицированных инженеров, учителей, ученых, агрономов, зоотехников, в чем республика тогда особенно остро нуждалась. Многие из выпускников стали впоследствии известными писателями, замечательными врачами, журналистами, военными, общественными деятелями высокого ранга. Вот и Андрей Хакуашев, сын крестьянина-колхозника из отдаленного селения

в Малой Кабарде, получив аттестат зрелости, стал вместе с еще четырьмя своими одноклассниками студентом филологического факультета Ленинградского университета.

Это сейчас легко сказать – стал студентом, а тогда уехать в далекий холодный город за знаниями было равносильно подвигу. Во-первых, прошло всего несколько лет, как окончилась страшная война, страна еще не поднялась с колен, повсеместно народ голодал и холодал. Поэтому фактически никакой реальной материальной поддержки со стороны семьи ожидать не приходилось. Дома родные сами еле концы с концами сводили, и одно то, что семья отпускает на учебу здорового молодого парня, который в тяжелую годину мог бы стать хорошей опорой, было уже немалой жертвой. Во-вторых, в далеком и чужом городе у студента не было никаких других средств, кроме скудной стипендии, на которую нужно было исхитриться и прожить, и достойно выучиться. Ребята, закаленные трудностями сельской жизни военного и послевоенного времени и вооруженные полученным школьным багажом, были готовы ради приобретения нужных знаний на многие жертвы. И вправду, порою доводилось и голодать, и даже отсиживаться в общежитии, когда последняя обувь прохудилась или когда пальтишко пришло в негодность. Как и его друзья по школе, Андрей Хакуашев проявил завидную целеустремленность и высокую ответственность. Он сразу же оценил открывающиеся перед ним перспективы и с упорством взялся за учебу, чтобы извлечь из времени учебы наибольшую пользу для своего развития и обретения профессиональных знаний.

Помимо систематических профессиональных знаний, он из учебы в одном из самых знаменитых университетов почерпнул для будущего пристрастие к двум смежным направлениям: к изыскательской работе и педагогической деятельности. Надо сказать, далеко не всем удастся их совместить, и следствием

*Встреча Андрея Хакуашева с первым президентом КБР
Валерием Коковым*

этого является то, что многие авторитетные кабинетные ученые не могут найти себя на преподавательском поприще, а блестящие вузовские лекторы порою испытывают трудности относительно занятий научно-исследовательского плана. Хакуашев – один из тех немногих, кто в обеих этих областях обнаружил и реализовал огромный потенциал.

Все же рискну утверждать, что какими бы громкими ни были его успехи в науке, на первом месте для Андрея Ханашховича оставалось преподавание. Дело не только в том, что этим родом деятельности он занимается почти шестьдесят лет. И даже не в том, что за это время им самим или же под его руководством подготовлено и издано внушительное количество учебных пособий, учебников, учебных программ, методических руководств, а также выпущена чуть ли не целая армия специалистов филологического профиля. Главное, как мне кажется, это то, что он ощущает себя продолжателем того священного дела, которому посвятили себя легендарные деятели национальной культуры XIX-XX веков, уважительно именуемые высоким словом *просветители*. Как и они, Андрей Хакуашев всецело предан идее образования и воспитания новых поколений, как и они в свое время, он не жалеет для этого ни времени ни сил. Наконец, он кровно связан с ними тем, что на этом поприще он совершенно бескорыстен, а это обязательно ощущается всеми учениками и возвращается к нему их благодарностью и любовью. В течение многих лет он оставался чуть ли не единственным штатным преподавателем литературы на кафедре кабардинского языка и литературы, поэтому неудивительно, что многие и многие школьные учителя, журналисты, писатели, артисты, общественные деятели, ученые, окончившие наш университет, признают его своим учителем. Он читал общий курс истории литературы, вел почти все спецкурсы и семинары, руководил написанием первых квалификационных работ студентами, а затем и аспирантами. Он организовывал не только учебный процесс, но и вхождение студентов в мир художественного кабардинского слова. Не считая для себя чем-то чуждым и обременительным, он писал также учебники для общеобразовательной школы, участвовал в работе всяких комиссий и семинаров по преподаванию кабардинской литературы в школе, на протяжении более трех десятилетий он был членом Учебно-методического совета (сокращенно – УМС) Министерства образования республики, а многие годы – ее бессменным председателем. Надо при этом заметить, что ни в какой из перечисленных ипостасей Андрей Ханашхович не позволял себе быть «свадебным генералом»: всегда собранный, строгий и исключительно доброжелательный, он непременно вникал в суть каждого дела, был внимателен и принципиален во всех вопросах, находил оптимальный и наиболее безболезненный выход из самых сложных ситуаций. Особенно это проявилось в стиле его руководства упомянутым Учебно-методическим советом, через который в обязательном порядке проходили все рукописи школьных учебников по родным языкам и литературам, по историческому краеведению. Если кому-то думается, будто это обычная техническая работа, пусть представит себе, какие страсти в недавнем прошлом кипели относительно тех или иных вопросов истории нашего края и населяющих его народов. Не меньшими были и доньше остаются проблемы преподавания родных языков и литератур в школе. И если в таких очень сложных вопросах в республике сохранялся взвешенный подход, если до самих школ не доходили

какие-то крайности, в этом немалая заслуга мудрого, всегда уравновешенного и несклонного к конформизму председателя УМС.

Особая тема – его работа в вузе. Чтобы говорить об этой стороне деятельности профессора Хакуашева, надо хотя бы раз увидеть его в среде студентов. При всей широте его эрудиции, при всей взыскательности его к себе и другим, природная интеллигентность делает Андрея Ханашховича не академически отстраненным ментором, а добрым товарищем каждого из подопечных. С его появлением в аудитории воцаряется атмосфера совместного творчества и взаимоуважения. Поэтому всегда и всюду студенты тянутся к нему и находят с его стороны понимание и реальную поддержку. В последние годы он не ведет систематического курса, но и сейчас, стоит только ему появиться в коридорах Института филологии нашего университета, как тут же его окружает откуда-то появившаяся толпа бывших или настоящих учеников, сослуживцев или просто хороших знакомых. С каждым он не просто поздоровается, но и обнимет, успеет расспросить о здоровье и проблемах, даст совет, порою и деликатно сделает комплимент. Если вы вошли в здание вместе с ним, то лучше наберитесь терпения и сумеете смириться с тем, что на путь до второго этажа вам придется потратить не меньше получаса – быстрее его не отпустят. Кроме того, рядом с ним вам суждено остаться в тени, так как на вас никто не обратит внимания, все взоры и слух обращены в его сторону. Он, подобно мощному магниту, притягивает людей к себе и создает вокруг себя атмосферу редкостной благожелательности. Это тоже дар свыше, но дар, который мудрый человек довел до высокого совершенства.

Когда человек самой природой приближен к гармонии, органически сочетаются в нем все стороны его натуры. Быть настоящим учителем означает, прежде всего, иметь то, чему вы будете учить. Не окажется у вас глубоких знаний – и вы ни за что не будете признаны своими учениками. Успех в этом деле приходит к тому, кто счастливо сочетает природные способности, трудолюбие, целеустремленность и долю удачливости. Андрею Хакуашеву повезло с самого начала: еще в студенческие годы он интересовался жизнью и творчеством Али Шогенцукова, выдающегося поэта и гражданина. Это и предопределило его главное направление в науке. Считается, что если ухватить нужное звено, то можно выгащить целую цепь. Таким звеном и была избранная Хакуашевым тема. Али Шогенцуков в истории адыгов фигура поистине эпохальная, он аккумулировал опыт всей предшествующей истории народного искусства. Он впитал в себя красоту и магию всех видов национальной культуры, начиная с фольклора, который он самозабвенно любил и всю жизнь собирал. Он также высоко ценил и знал творчество адыгских джегуако – профессиональных поэтов, певцов и музыкантов-инструменталистов. Помимо этого, Шогенцуков был любимым учеником адыгских просветителей и ревностным продолжателем их традиций. А поэтому исследователю его творчества непременно следует проявить высокую компетенцию и в проблемах литературоведения, что само собой разумеется, и в вопросах народной культуры, и в истории просветительства. Кроме того, чтобы по-настоящему установить роль этого выдающегося явления не просто декларативно, а с убедительными аргументами, необходимо было добросовестно отслеживать текущий литературный процесс и его анализом устанавливать подлинное влияние Али Шогенцукова на формирование,

становление и последующее функционирование национальной литературы. Даже такой автономный феномен, как стихосложение, имеет прямое отношение к личности Шогенцукова, поскольку он явился подлинным революционером в области адыгской версификации.

В изыскательской деятельности Андрея Хакуашева это все выразилось трудами во всех названных областях. Из-под пера ученого вышли статьи, монографии и сборники фактических материалов по фольклору и просветительству, современному литературному процессу. Среди его трудов очерки о Бекмурзе Пачеве, Кильчуко Сижажеве и других поэтах-джегуако, разыскания в области истории становления современной кабардинской литературы, очерки жизни и творчества ведущих поэтов и писателей середины XX века и новейшего времени, рецензии на новые произведения наших поэтов и писателей. В этой систематической «широкозахватной» работе само собою получилось так, что в одном из направлений – исследовании адыгского просветительства – накопился такой материал, что он давно требовал пересмотреть официальный научный статус самого автора. И вот, в 1982 году за труд «Адыгские просветители. Первая половина XIX века» А. Х. Хакуашеву присваивается ученая степень доктора филологических наук. Квалификационной работе предшествовали отдельные очерки, в которых излагались результаты многолетних поисков в различных архивах и библиотеках страны. Устанавливались имена, восстанавливались биографии, в научный обиход вводились произведения ранее малоизвестных авторов, творивших сто-полтораста лет назад. Иногда результаты поисков, шедших несколько лет, умещались чуть ли не в нескольких строчках. Но этим строкам не было цены, потому что в них открывалось новое имя, достойное занесения в историю народа и его культуры, открывались ранее неизвестные замечательные публицистические и художественные произведения. Иными словами, стараниями ученого в истории национальной культуры появлялась не одна новая

Андрей Хакуашев среди академиков АМАН

страница. Такими страницами можно считать «Творчество Али Шогенцукова» (1958), «Первые адыгские писатели» (1974), «Адыгские просветители» (1978), «Истоки становления» (1984) и целый ряд других. Резонно было бы считать последнюю из названных книг сборником литературоведческих и литературно-критических статей. Но то, как логически стройно располагается материал, как вся книга подчиняется единой идее, как строго изложение подчиняется логике науки, побуждает считать книгу полноценным монографическим исследованием. Не будь автор ко времени ее написания доктором и профессором, за нее можно было бы присвоить ему и то, и другое.

Еще одной работой, способной претендовать на столь же высокое признание, стала монография «Адыгское стихосложение» (1998). Как известно, область версификации настолько специфична, что профессиональных специалистов здесь по всей стране впору искать, как говорится, днем с огнем. В кабардиноведении эту тему до выхода названной книги затрагивали всего несколько человек; а единственную монографию издал ученик самого А. Х. Хакуашева. Уже одно это обстоятельство заставляет отнестись к названному труду с полным почтением. И действительно, это работа, в которой подводится итог эволюции техники кабардинского литературного стиха от Али Шогенцукова до современных молодых поэтов.

Несмотря на солидный возраст, Андрей Ханашхович продолжает осваивать новые темы и проблемы. То он опубликует довольно принципиальный отзыв на новое явление в литературе, а то вдруг предложит читателю целую новую монографию. Одно из таких явлений последнего времени – монография, посвященная жизни и деятельности народного писателя Кабардино-Балкарии Хачима Теунова (2013). С учетом огромной фактической информации, которой насыщена книга, а также с учетом скрупулезного эстетического анализа произведений именитого писателя, эту книгу можно рекомендовать молодым исследователям в качестве хрестоматийного образца глубокого, разностороннего добросовестного научного исследования.

Писать и рассказывать о таких личностях, как Андрей Хакуашев, можно бесконечно долго и невозможно эту тему исчерпать. Если бы мне было дано полномочие говорить от имени литераторов моего поколения, я бы со всей ответственностью заявил, что все мы, филологи, окончившие КБГУ, счастливы тем, что имели возможность учиться у таких замечательных ученых и замечательных педагогов, как Андрей Ханашхович Хакуашев и его ближайшие коллеги. Их стараниями и их примером в нас заложены принципы преданности своему делу, основы системного мышления, навыки литературоведческого анализа. И если в нашем поколении есть личности, достигшие хоть каких-либо успехов в области литературы и литературоведения, большинство моих ровесников, я уверен, в ряду благоприятных обстоятельств назовет знакомство с профессором Хакуашевым и учебу у него. Это значит, что уже сейчас, к своему очередному юбилею, он вправе будет признать, что жизнь его, по большому счету, состоялась. У нас же есть надежда ожидать от нашего мэтра неисчерпаемой жизненной энергии, новых и столь же знаменательных трудов.

Светлана АЛХАСОВА,
доктор филологических наук,
член Союза писателей России

СВОЯ ПЕСНЯ БОРИСА КАГЕРМАЗОВА

«Каждому читателю, которому посчастливилось встретиться с настоящей поэзией, хорошо знакомо чувство радости от ощущения какого-то мажорного лада, тящегося часто в самом названии стихотворения или книги поэта. Такое название заранее обещает приятное общение. Правда, жизнь не состоит из одних отрадных явлений и побуждений. Как и творчество любого поэта. Но все же согласитесь: очень здорово, когда молодой кабардинский поэт, приглашая читателей в свою первую книжку, обращается к ним со старинным приветствием, пожеланием здоровья и добра, а через много лет, в зрелом литературном возрасте, перешагнувший через многие ступеньки Парнаса, с той же доброжелательностью и радушием хлебосольного хозяина зовет всех к себе: «Гостите у меня!», – пишет известный литературный критик и публицист Хачим Кауфов.

Между тем первым сборником Бориса Кагермазова на кабардинском языке и другим, наиболее полным собранием его стихов и поэм на русском, – расстояние в 33 года. Добавьте к ним книги, изданные в последующие десятилетия, и мы получим представление о большом творческом пути замечательного поэта, прозаика, журналиста, автора многих статей о литературе, о жизни и творчестве представителей русской классики, братских литератур.

Кагермазов Борис Гидович – поэт, публицист, прозаик, переводчик – родился в с. Лескен II Урванского района КБР в 1935 году. Окончив сельскую школу в 1953 году, работал учителем начальных классов в родном селе. В 1954 году поступил в КБГУ на филологический факультет и успешно окончил его. Работал учителем русского языка и литературы в сел. Лескен II. Первые стихи Бориса Кагермазова появились на страницах республиканских газет ещё в 50-е гг. В 1960-1961 гг. учился в Москве в Высшей комсомольской школе. С 1961 по 1965 гг. работал зав. отделом, ответственным секретарем, заместителем редактора газеты «Советская молодежь». С 1967 по 1986 гг. Кагермазов – корреспондент республиканской газеты «Ленин гъуэгу». С 1986 г. – зав. отделом прозы журнала «Ошхамахо».

Борис Кагермазов – поэт-«шестидесятник». Это во многом определило становление его как лирика и как писателя вообще. Он принадлежит ко второму поколению советских кабардинских писателей. Об-

стоятельства и условия советской системы 50-60-х гг. сформировали его как личность. Становление его поэтического мира было во многом закономерным. Лирику поэта можно определить как дидактически-риторическую, одной из отличительных черт которой является постижение бытия через вечно сущие слагаемые: родное кабардинское село, адыгский дом, адыгский очаг, лес, солнце, ручей. Стихи Б. Кагермазова обладают лиризмом народной песни; они ярко эмоциональны, музыкальны. Специфический признак звуковой организации стиха Кагермазова – продуманная эвфония, но не самодовлеющая, а всегда функциональная. Его стихи мелодичны и лаконичны. Важным компонентом звуковой организации стиха выступает рифма. Синтаксис его стихов отличается простотой, часто встречаются безличные, эллиптические, простые предложения. Кагермазов не знает декоративности и риторики, он всегда стремится к стиху сжатому и лаконичному. Его любовная лирика светла и гармонична.

Конкретность и устойчивость бытия в лирике Бориса Кагермазова зиждется на проверенных опытом поколений ценностях. И потому не случайно обращение поэта к истории и фольклору своего народа: «Сосруко», «Моя Адиух», «Мой отчий край», «Отцовский дом», «Слово адыгов» и др.

Часто он обращается к теме войны и мира. Мальчишеская память цепко сохранила военное время, когда в родное село возвращались фронтовики-односельчане. Но ещё глубже память отложила эпизоды, когда во многие дома почтальоны приносили «похоронки», не оставлявшие семьям никакой надежды. Перед глазами поэта всегда будут стоять образы тех юношей и девушек, его земляков, которые, по словам Кагермазова, «защищали не дипломы, а города», отдавали свои юные сердца и молодые жизни борьбе со злейшим врагом человечества – фашизмом.

Кагермазов продолжает развивать народные традиции устно-поэтического творчества. Выделяются отдельным пластом философско-сатирические стихи, в которых содержатся пословицы, поговорки. Это такие стихи, как «О внушении», «И заяц примется рычать, коль тигром станут величать», «Папахоноситель», «Ценили голову его: она несла папаху редкого руна» и др.

По идейно-художественному уровню и содержанию отличается сборник стихов и поэм «След солнца» (1984). В этих стихах поэт призывает называть вещи своими именами и пишет о тех, кто «на словах – летит, на деле – пытаются» и о тех, кто «честно прокладывает свой путь», о «сострадании к птице, поющей в клетке. Он призывает к тому, чтобы «не грешить даже в малом против правды, чтоб видеть мир таким, каков он есть». В других стихах поэт пишет о том, что основа жизни на земле – это труд, доброта, справедливость и доверие к человеку, уважение к его личности, правам человека на счастье. Он пишет о вещах не придуманных, а выстраданных самой жизнью. Особо следует отметить поэму «Эхо войны». Эта трагедия, развернувшаяся на фоне наших дней, далеко не житейская.

Сюжет поэмы таков: из тюрьмы автору приходит письмо-исповедь

от несправедливо осужденного молодого человека. Жизнь героя вначале складывалась удачно: учеба в институте, любовь к прекрасной девушке, близкая свадьба. Но свадьбе не суждено было состояться, так как эхо прошедшей войны настигло и поразило человека, даже рожденного после неё. Отец счастливого Мурата против того, чтобы тот женился на девушке Нальжан. И открывается страшная правда: во время войны отец Мурата Люта и отец девушки, Боля, попали в плен. Боля был отдан в рабство богатой бауерше Долффот. Людям в годы войны часто помогала интернациональная дружба: хотя Боля и попал в рабство, но остался с незапятнанной честью и несломленным духом. Иначе случилось с Лютой, который решил во что бы то ни стало выжить: сначала ценой предательства друзей, а потом и Родины. Всё это происходило на фоне трагической ситуации, на глазах у земляков. После войны предатель был наказан, отбыл срок и вернулся в родные места. Жизнь шла своим чередом, залечены раны войны, но не в душах людей. Люта не может допустить брака своей дочери с сыном идейного врага. Так Люта предаёт своего сына Мурата, спустя много лет после войны. Так эхо войны настигло и поразило новое поколение, хочет сказать нам поэт. Поэма «Эхо войны» напоминает людям о том, что нужно неустанно бороться за мир, потому что нет ничего безнравственнее войны, предательства и малодушия. Поэма трогает читателя до глубины души, заставляет задуматься о сложных людских судьбах. В этом и состоит призвание истинной поэзии, пронизанной гражданственностью.

Итогом поэтического творчества Кагермазова явился сборник стихотворений и поэм на русском языке «Гостите у меня» (1995). В книгу включены три поэмы: «Горе и гнев», «Черная луна», «Доброта». К жанру поэмы писателя привели тяготение к сюжетным произведениям, к обобщению жизненных биографий героев, стремление к отображению конкретных деталей, неторопливой обстоятельности.

Стихи в этом сборнике отмечены высоким гражданским пафосом, яркими, оригинальными мыслями, лаконичностью и мастерством, поисками новых форм выразительности.

У Кагермазова свой подход к любой теме. Обладая высоким поэтическим видением, свои мысли и чувства он преподносит свежо и оригинально. Поэт во многих своих стихах с нежностью и любовью обращается к родному краю, перед которым ощущает свой сыновний долг. Всё начинается с родного очага, отцовского порога. Началась здесь и та тропинка, которая повела поэта по большой жизненной дороге. Памятью сердца поэт нередко обращается к истокам своего творчества, к его корням.

С самого начала своего творчества поэт тяготеет к народной лирике, к фольклору, адыгским пословицам и поговоркам. Характерно его стихотворение «Своя песня», где он не соглашается с пословицей: «Пой песню того, на чьей арбе ты едешь!»:

Все пословицы чту я –

В них наша судьба.

А вот с этой

*Никак не могу согласиться.
Будь она хоть из золота,
Эта арба, –
Мне садиться в нее
Не годится:
Подпевалою быть,
Петь чужим о чужом –
Для меня эта доля
Нисколько не лестна!
Проезжай-ка, арба!
Я дойду и пешком –
Но зато я спою
Свою песню!*

Предметом раздумий и размышлений поэта становятся крупные общественные события и явления, происходящие не только в родном краю, но и во всей стране. Публицистический накал стихов поэта находит живой отклик в сердцах читателей. Поэт хорошо знает, что ничто не дается даром, что в «фундамент каждого события замешан пот обычных буден», что ничто на свете даром не даётся. Лирический герой Кагермазова всегда в движении – это человек, взваливший на свои плечи все заботы своего времени, своего века. Герой подкупает страстностью и убежденностью в своей правоте, честностью и добротой. Поэт много размышляет о смысле жизни, ценность которой определяется тем, что он успел сделать хорошего, и не для себя, а для людей. По мнению поэта, в душе каждого должен гореть огонь беспокойства: «Пусть нам души зажжёт беспокойства огонь!».

Богата и своеобразна любовная лирика Кагермазова. Он умеет запечатлеть в ней тончайшие движения души влюбленного. Поэт считает, что если любовь тебя настигла, значит, ты избранник, а не узник.

*«Любовь – это книга на всех языках?» – говорит он.
Ностальгия по ушедшей поре жизни у него чуткая и светлая:
Опять с собой не сладивши,
Уже на склоне лет,
Я покупаю ландыши
Для той, которой нет...
Куда ж любовь свою нести,
Прижав букет к груди?
Ведь не дойти до юности,
Хоть сотни лет иди...
Как студит время холодом!
Но на душе весна.
Ах, молодость,
Ах, молодость,
Прекрасная страна!*

Подчас в его стихах не только нотки любовной радости, но и трагические: он пишет о тех страданиях и тревогах, которые рождает неразделенная любовь.

Кагермазов пишет и для маленького читателя. Среди таких произведений особенно заметна книга «Дождевой телефон» (1994). Ему не чужды и прозаические жанры. Более всего талант писателя проявился в малом жанре – это рассказы и новеллы. Писателю важно найти свой взгляд, свою точку опоры, откуда окружающая действительность и его герои предстанут во всей своей полноте и значительности. Самобытность писателя складывается не только из умения вести доверительный, предельно искренний разговор с читателем. Его личная биография, его беспокойная память о судьбе обрели в его прозе подлинно художественную форму, стали стержневым началом. Это такие сборники рассказов, как «Следы жизни» (1965), «Голос дня» (1974), «Узлы» (1988) и др.

Кагермазов – автор многочисленных литературно-критических статей, в которых обозревается современное состояние национального литературного процесса, а также творчество кабардинских писателей. Например, такие статьи, как «Глубже показывать правду жизни», «Когда подарит красоту души», «Сеятель доброго» (о творчестве Хачима Теунова), «Желанное слово критики», «Пора зрелости» (о творчестве Анатолия Бицуева), «Талантливый лирик» (о творчестве Зубера Тхагазитова), «Счастье поэта» (о Бетале Куашеве) и др.

Кагермазов – известный переводчик. Им переведены на родной кабардинский язык стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, Т. Шевченко, Ф. Петрарки, К. Мечиева, К. Хетагурова и др. Особенно известны его переводы Кавказских поэм Лермонтова. Лучший из них – перевод поэмы «Беглец». На переводах Бориса Кагермазова можно убедиться, какое большое значение для переводчика имеет его оригинальное творчество, какими универсальными ресурсами располагает переводчик, у которого накоплено собственное поэтическое творчество. Помимо таланта и опыта переводчику необходима способность «проникать» в произведение, а для этого необходим тип поэта, близкий по своему мирозерцанию и способу восприятия действительности к творчеству оригинала. Особенно это важно для переводчика лирики. Это отразилось и в переводах поэта.

Поэзия Бориса Кагермазова давно перешагнула границы Кабардино-Балкарии. Лучшие его стихи и поэмы звучали на латышском, болгарском, эстонском, украинском, осетинском, белорусском и других языках. Борис Кагермазов – член Союза журналистов РФ с 1963 года, член Союза писателей России с 1972 года.

Долгого и счастливого пути Вам на духовном поприще, Борис Гидович!

Анатолий ПАРПАРА,
*секретарь Союза писателей России,
лауреат литературной премии России,
председатель Международного фонда
имени М. Ю. Лермонтова*

ЗАМЕТЫ. ДУМАЯ О ЛЕРМОНТОВЕ

Михаил Юрьевич Лермонтов – это огромная планета в космосе мировой культуры. И невозможно её изучить всесторонне и окончательно. Ибо каждый раз при встрече с творчеством великого поэта новым поколениям неожиданно открывается новая сопричастность его русской истории и современности. То ли через высказывание главного конструктора С. П. Королёва, то ли через незаконченную элегию композитора Г. В. Свиридова на стихотворение «Выхожу один я на дорогу», то ли через судьбу скульптора М. О. Микешина. Потому я и предполагаю, что русский гений и до сих пор не полностью известен нам. Если верить Л. М. Леонову, а я верю этому великому писателю, ибо имел честь неоднократно беседовать с ним, он держал в своих руках «Дневник Лермонтова», который принадлежал художнику И. С. Остроухову, а после смерти его исчез из дома. А сколько неожиданного для нас может быть заключено в нём!

Вот один из любопытнейших эпизодов могучей, всё более расширяющейся любви к поэту.

1991 год принёс много трагического на землю только что исчезнувшего Советского Союза. Особенно пострадала область культуры. Знаменитый государственный музей «Домик Лермонтова» в буквально смысле нищенствовал. Денег не было даже на охрану. Участились нападения на сам музей, у которого не было возможности оплатить даже охрану помещений, не говоря уже о зарплате сотрудников. На 150-летие памяти поэта в июле не приехал ни один из поэтов Москвы и Ленинграда...

Директор музея Людмила Ивановна Морозова пришла ко мне в железнодорожную клинику, где я лежал на излечении после нескольких операций, и попросила, несмотря на моё состояние, приехать к памятнику Лермонтову в Пятигорск. Так я подружился с дивным коллективом научных работников этого замечательного объекта отечественной культуры. На следующий год я организовал в Москве группу писателей, в основном уроженцев Ставрополя, и привёз в Пятигорск. К сожалению, их патриотизма не хватило даже на одно выступление – они тут же разъехались по родным местам. К счастью, в Пятигорск приехал из Черкесска друг музея, известный карачаевский поэт Назир Хубиев, с которым мы и провели несколько выступлений в школах и библио-

теках. Так я подружился с талантливым и благородным человеком. И нашей дружбе уже более двадцати лет.

Однажды я попросил его написать свои размышления о Лермонтове. Назир сделал превосходную статью, которая и была опубликована в «Исторической газете», издаваемой общественным международным фондом имени М. Ю. Лермонтова. В одной из наших бесед с поэтом и прозвучал поразивший меня своей незаурядностью разговор его с юным сыном, который к тому времени уже начинал задумываться о вопросах мироздания. И как-то спросил отца:

– Папа, есть ли Бог на свете?

– Есть, сынок!

– А ты его видел? – неожиданно спросил он. Назир Хубиев посмотрел в раскрытые глаза ребёнка и смело ответил:

– Видел, сынок!

– А ты можешь показать мне его? – не отставал в своём любопытстве мальчик.

– И что же ты ему ответил? – спросил я Назира настороженно.

– Ничего! Я показал ему портрет Лермонтова...

О законах бессмертия

С физической смертью Лермонтова высвободилась его поэтическая свобода. Созданное им отошло, как и душа, к горнему пределу от его тела, верного родной земле. Умерло тело русского офицера, но поэзия его стала жить по законам бессмертия. Её уже не сдерживали человеческие поступки создателя. Помните, о чем печалился семнадцатилетний поэт?:

Чем ты несчастлив? –

Скажут мне люди.

Тем я несчастлив,

Добрые люди, что звезды и небо –

Звезды и небо! – а я человек!..

Поэт был огорчен тем, что он дитя человеческое, несовершенное. А стремления его были к небесному совершенству. Потому и желания его были несбыточными:

Только завидую звездам прекрасным,

Только их место занять бы хотел.

Если Пушкин – это земля и воздаяние земному, то Лермонтов – мечта о небе. По сути же своего таланта Лермонтов – метеорит, долженствующий жить канонами земли. Но он, дитя неба, не подчинился смертному. Об этом – процитированные выше строки начального стихотворения «Небо и звёзды». Об этом же и «Выхожу один я на дорогу». Стихотворение, завершающее творчество поэта.

27 июля (15 ст. ст.) 1841 года день кончины – есть день рождения великого поэта, настоящий день рождения Лермонтова. Ему простилось всё земное, поступки и проступки, а небесное, которому он служил изначально, к чему тянулся так настойчиво, приняло его под своё

покровительство. Исполнилось то, о чём он мечтал. Он стал звездой первой величины в космосе мировой культуры.

Но мы-то помним о том, что он был человеком. Именно это роднит нас с поэтом и даёт нам неиссякаемую надежду на достижение небыточного. Может быть, кому-то ещё из нашего роду-племени удастся достичь таких же космических высот.

О «странной» любви поэта

«Люблю тебя нежданной страстью», – признается Лермонтов Вареньке Лопухиной.

«Для христианства «нездешнее» значит «бесстрастное», «бесплотное»; для Лермонтова наоборот: самое нездешнее – самое страстное; огненный предел земной страсти, огненный источник плоти и крови – не здесь, а там:

Я перенес земные страсти туда с тобой.

И любовь его – оттуда сюда. Не жертвенный огонь, а молния». Не является ли логически выстроенная цепь доказательств Дмитрия Мережковского применимой и для осмысления «странной» любви поэта к родине?

Люблю отчизну я, но странною любовью!

Не победит ее рассудок мой.

Может быть, эта любовь так глубинна, так природна –

Но я люблю, – за что, не знаю сам –

Ее степей безбрежное молчанье...

что и пришла она «оттуда сюда». Не случайно, что определение «странный» идёт от чужой, необычной страны. В словаре старорусских слов Измаила Срезневского среди многих значений слова «странный» есть такие: сторонний, боковой, чужой, чуждый, и даже отвратительный, заторный....

Но присутствуют и три поразительных эпитета: удивительный, необыкновенный, непостижимый. Знаменитый ученый приводит пример непостижимости: «Странно девам дети рожати».

Уж не удивительным ли, необыкновенным и непостижимым ли чувством любит Лермонтов отчизну! А если это так, то тогда становится понятным:

Но я люблю, – за что, не знаю сам...

ибо только такое чувство, природное и глубинное, может быть не объяснимым и не постижимым, и не обыкновенным.

Наблюдения мои за эпитетом «странный» в творениях выдающихся писателей пушкинской эпохи заставляют меня убедиться именно в таком для сегодняшнего дня неожиданном прочтении этого слова в начале девятнадцатого века.

Обратимся за примером, подтверждающим мою догадку, к знаменитому очерку А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» (1829): «Ручьи, падающие с горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мне похищение Ганимеда, *странную* картину

Рембрандта». (А. С. Пушкин. ПСС, изд-во «Правда», 1981. Т. 7. С. 305).

Разве не это же значение необыкновенности имел в виду наш поэт, характеризуя «Похищение Ганимеда»!

Власть и поэт

Необыкновенно интересна для исследователей эта тема. Не только прямыми отношениями государей с подданными, но и опосредованными временем. К примеру, Е. Гусяров и О. Карпунин издали интересную книгу «О Лермонтове в жизни». Говоря о Николае I, который, с их точки зрения, «люто ненавидел» Лермонтова, авторы утверждают, что о Михаиле Юрьевиче вспомнили лишь «через полвека после его гибели». Возможно, имея в виду открытие памятника ему в Пятигорске в 1891 году.

Но они забыли о том, что о скульптуре, увековечивающей память великого поэта, заговорили уже в 1859 году, то есть через 18 лет. Я говорю о проекте памятника «Тысячелетия России», куда в числе всего лишь 109 имён выдающихся людей России за целое тысячелетие был включен и Лермонтов. А «высочайше» список утверждён был 8 декабря 1860 года учеником знаменитого поэта Василия Жуковского императором Александром II, царствовавшим к тому времени уже пять лет.

В первоначальном списке Лермонтова не было, но появлением его имени мы обязаны, по моему мнению, поэту Тарасу Шевченко, который дружил с двадцатичетырёхлетним скульптором Микешинным. И боготворил Лермонтова. И писал о нём «Ты меж нами // Витаешь ангелом святым». При уточнении 22 августа 1960 года имена Грибоедова и Лермонтова были внесены в окончательный список.

И в этом, вне сомнения заслуга не только Шевченко, но и самого Микешина. Этот молодой человек оказался не только гениальным скульптором, но и мужественным человеком. Любопытно то, что, составляя свой список, он не нашел места для почившего в бозе императора Николая I. О реакции на это его решение Микешин рассказывал потом: «Когда дошли до Александра, государь спросил: “А батюшка?” Я встал со стула и молчал. Он увидел мое смущение, мою муку. Я продолжал до конца, а когда кончил, он взял меня за плечо и приблизил к себе».

Брату императора Константину Павловичу он все же высказал свое резкое мнение о Николае I: «Есть множество людей, которые в его правлении находят утешение русской мысли, а другие его страстно превозносят. Еще рано помещать его на монумент. Я это делать не буду. Впрочем, есть люди, которые это сделают, если им заплатят». Нашелся – скульптор Залеман.

Но в данном случае поражает достоинство, с которым он отстаивал своё понимание русской истории. И второе: поражает деликатность, терпимость, с которой принял решение Микешина Александр II.

Об изменчивости надежд

Теперь чуть ли не каждый школьник, цитируя строку Михаила Лермонтова «из **пламя** и света рожденное слово», упрекает его в малограмотности. Редактор Краевский, убеждал поэта изменить именительный падеж на родительный, но молодой сочинитель, в совершенстве зная русскую грамматику, оставил так, как было написано изначально. В итоге, умный редактор, подумав хорошенько, согласился с автором и до нас дошел этот «неверный» с современной точки зрения правил вариант.

Спустя годы писатель и философ Дмитрий Мережковский в своей статье «Поэт сверхчеловечества» вспоминал: «Я также узнал, что нельзя сказать “из пламя и света”, а надо – из пламени. Но мне нравилась эта грамматическая ошибка: она приближала ко мне Лермонтова».

Впрочем, у Лермонтова можно найти и другие строки, где нет должного согласования. К примеру «до **время** не проглянет седина». И о чем говорит этот пример? О безграмотности? Но что же делать тогда с Пушкиным, который не в стихах – а в них из-за ритмики бывает сложным исправление, но в знаменитом очерке «Путешествие в Арзрум», где легка замена, всё же написал «Граф Паскевич не дал ему (Гаки-паше. – А.П.) **время** распорядиться». Почему этот великий грамотей не написал «не дал ему **времени** распорядиться?». Да потому, что тогда еще действовали старые грамматические формы, хотя новые уже побеждали в тогдашнем словаре. Впрочем, эти, явно устаревшие сегодня формы все-таки всплывают и в современном языке, к примеру, в стихотворении Станислава Куняева:

*Всё тот же ветер над Окой,
всё те же звезды, багровея,
как и во **время** Птолемея,
горят над нашей головой.*

Впрочем, по-моему, нынешние критики уже не придираются к таким старорусизмам, если даже в «Избранном» поэта они опубликованы. А, может быть, глаз их устал от поэтических изысков?!

«Граф Паскевич не дал ему **время** распорядиться». Эта цитата из «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина наглядно свидетельствует о жизненности этой формы, архаичной для нас, но не во времена Пушкина. Потому не следует упрекать Лермонтова за его кажущуюся безграмотность: «До *время* не проглянет седина», «Из света и *пламя* рожденное слово». Это было всего лишь данью уходящей форме.

Небесная правда

Михаил Юрьевич Лермонтов был редким талантом, но не единственным, кто так ярко, сильно и стремительно вошёл в мировую литературу в раннем возрасте, и также рано ушёл из жизни. К примеру, Шандор Петефи, знаменитый венгерский поэт, который в 27 лет, по одним, принятым, сведениям погиб в ходе революции 1848 года, по другим, легендарным, сведениям был взят в плен русской армией,

как революционер-разрушитель австро-венгерской империи. Оказался в Сибири. Говорят, что там благополучно женился и благополучно и естественно закончил свои дни.

В Японии был блистательный поэт Исакава Такубоку, проживший также 27 лет. В 1904 году, узнав о гибели адмирала Макарова, который вместе с экипажем и неповторимым художником Верещагиным ушёл на дно морское, Такубоку написал стихи, посвящённые русскому флотоводцу, в которых провёл мысль о том, что да, это враг, но какой благородный враг! И сам поступил благородно, воздав должное противнику.

Вот такие поэты редкие. В жизни своей они, конечно, имели много врагов, что для таланта совершенно естественно, но жизнь их была правдивой и целеустремленной, как у детей родного языка.

И мы приходим сегодня к Лермонтову именно потому, что он умел говорить правду о жизни. Но ещё он знал небесную правду, которая многим из нас не доступна.

В своём стихотворении «Железноводск» я писал об этом:

*Теперь он знаменит тем городок привольный,
Что бескорыстно людям отдаёт
Ток солнечных лучей и воздух горный,
И жаркий ток своих подземных вод.*

*Но он еще не открывает тайны,
Которую домишко сохранил.
Ведь это в старом, в нём, поэт опальный
Часы последней ночи торопил.*

*Он видно что-то знал о жизни занебесной,
Коль бушевал в душе небесный шквал,
Коль откровенно и предельно честно
Под пулю друга сердце подставлял.*

*И нам ли клокотать со страстью иноверца,
Нам горячить ли слабые умы,
Когда мы своего не знаем сердца,
Когда своей души не знаем мы.*

*Но нам дано внимать бессмертью немо,
И различать движение светил,
Всерьёз благодаря святое небо
За то, что гений землю посетил.*

Перечитайте, друзья, хотя бы его последние стихи, созданные на Кавказе!

Корни конфликта

Много разных предположений по поводу драматического конфликта Лермонтова и Мартынова. Мне же кажется, что конфликт был один: между серым и ярким. Мартынов тоже писал стихи, но слабые. Поручик Лермонтов был остроумен, а майор Мартынов – косноязычен. Он, конечно, не мог пережить лёгкости лермонтовского таланта. Несколько дней назад более-менее известный поэт из бывшей столицы всерьёз говорил мне о том, что был ещё один Лермонтов, стихи которого приписали Михаилу Юрьевичу. В ответ на такую глупость я прочитал дивное стихотворение выдающегося русского поэта Леонида Мартынова, написавшего о Шекспире и его преследователе. Воспроизвожу по памяти:

*Я жил во времена Шекспира.
И видел я его в лицо.
И говорил я про Шекспира,
Что пьесы у него орянце.*

*И что не глажены манжеты,
И не этична борода,
И что заимствует сюжеты
Он где угодно без стыда.*

*Но говорил я про Шекспира
Лишь только потому,
Что был ровесником Шекспира
И был завистником ему.*

Это стихотворение – достойный ответ наговорщику и легковуру. Лермонтов был яркой фигурой. А каждый яркий человек раздражает умом своим, необычайными способностями глупых, но самоуверенных. То, что для серости – месяцы, годы труда, то для яркого таланта – стремительный взлёт. Он, как бы шутя, всё это делает. Но никто не знает, что стоит за этим «шутя». Какая великая, неодолимая нравственная и умственная работа! А зависть, как известно, – смертельное оружие в руках бывших друзей.

Вот откуда растут корни давнего, ещё со времён совместной учёбы, конфликта.

Об элегии на стихи «Выхожу один я на дорогу»

В дневниках Георгия Васильевича Свиридова – летучих записях, опубликованных его племянником А. С. Белоненко, под густым названием «Музыка как судьба», есть список произведений, датированных композитором, в котором указывается «Лермонтовский цикл с эскиза 1937 г. + Выхожу один я на дорогу. Элегия (ля минор)».

В комментарии к этой записи Александр Сергеевич пишет: «В личном архиве композитора сохранилось большое число рукописей и звукозаписей с вариантами музыкального текста элегии «Выхожу один я до-

рогу» на стихи М. Ю. Лермонтова. Свиридов постоянно возвращался к этому произведению, но так и не завершил его» (см.: ПСП, № 117, 251).

Можно себе представить какой внутренней силой должна бы обладать эта элегия, если гений столько лет обращался к стихам великого творца и не находил в себе силы поставить окончательную точку. Вот что он записал в своём дневнике от 13 января 1975 года: «Сижу один со своими мыслями, сочиняю, т.е. доделываю, шлифую сидящее во мне десятки лет. «Выхожу один я на дорогу», элегия для начала сочинения, концом которого должен быть отрывок из Есенина «Синий туман»».

Два любимых поэта. Их дивные стихи должны были слиться воедино светлой, жизнеутверждающей симфонией. Поистине остаётся только восхищаться мерой требовательности к своему таланту у Георгия Свиридова.

«А я скорблю о них»

Я работал тогда в журнале «Москва». В одном кабинете со мной сидела заведующая отделом искусства Наталья Борисовна Бабочкина, чей отец, знаменитый актёр Борис Бабочкин, был живым воплощением Чапаева. Однажды ко мне в отдел поэзии зашёл популярный тогда писатель Владимир Солоухин, принесший переводы молдавского поэта. Любивший байки Владимир Алексеевич неожиданно вспомнил, как в одной писательской компании обсуждали кинофильм «Чапаев». Зашёл разговор о драматическом эпизоде психологической атаки каппелевцев, в котором пулемётчица Анка расстреливала в упор белогвардейских офицеров. Один из писателей спросил: «Разве не жалко расстрелянных русских офицеров?». Другой запальчиво сказал: «Мне их не жалко!». А Владимир Солоухин с горечью произнес:

- А я скорблю о них!
- Но почему?
- Потому что расстреливали Лермонтовых.

«Лермонтов – шовинист?»

Профессор Литературного института им. М. Горького, критик Борис Леонов, остроумный человек, умеет увлекательно «травить» байки о своих коллегах. Вот один из запомнившихся мне рассказов о своём старшем товарище профессоре, литературоведе Архипове, лекции которого я имел радость слушать уже в шестидесятые годы, когда учился на факультете журналистики МГУ. Дело было вскоре после окончания Второй мировой войны. Владимир Александрович, будучи аспирантом в то время, уже вёл лекции по отечественной литературе студентам. Очередное семинарское занятие было посвящено творчеству Лермонтова.

Шёл интересный разговор о любимом поэте. И вдруг один из студентов с заметным акцентом заявил:

- Лермонтов был шовинист.
- С чего вы это взяли? – спросил Архипов.
- А это не издевательство над другим народом: «Бежали робкие грузины»?

Владимир Александрович тут же отреагировал:

– Правильно Лермонтов писал.

– Как это правильно?

– Бежали робкие грузины, а неробкие не бежали.

Кремнистая строка

Пишу в свой дневник: «Я, сын равнины, горы полюбил».

Да это так. Я действительно полюбил горы Северного Кавказа.

Вышел во двор. Свежо. Ветерок приятно обдувает сомлевшую за ночь головушку. Наконец-то звёзды, хотя и не в полном составе, но высыпали на небосвод. Небо чисто, но без той ясной глубины, которая поражала смотрящих на него из аравийских или русских пустынь. Понимается, как никогда, библейская простота лермонтовского стихотворения «Выхожу один я на дорогу» с его поразительно естественным «Я хочу забыться и заснуть», с его неожиданным, но ещё более поразительным желанием видеть и ощущать, следить этот дивный мир земли и космоса.

Только сейчас конкретно задумался над строкой «Кремнистый путь блестит». Конечно же, этот путь от гор Железная к Машуку по долине явно лежал между холмами Быкогорки и Верблюдки. Уверен, что, наблюдая его, или вспоминая его, Лермонтов написал эту кремнистую строку.

Истинный наследник

Лермонтов последние четыре года своей жизни стремительно занимал место Пушкина, первого поэта России, как истинный наследник. Он подружился с Львом Сергеевичем Пушкиным, вошёл в авторитетный круг Карамзиных, встретился с Натальей Николаевной Пушкиной. Он стремительно становился огромным поэтом, в голове которого задумывались великие планы. Лермонтов мечтал уйти в отставку, чтобы отдалиться полностью литературным задумкам. Он хотел написать несколько исторических романов, т.е. в своих произведениях исследовать историческую Россию. Но жизнь его оборвалась слишком рано. О нём скорбела вся думающая Россия. И Алексей Степанович Хомяков, выдающийся русский философ и поэт, и Николай Михайлович Языков, изящный поэт, который вначале не принял его, особенно как прозаика, и Юрий Фёдорович Самарин, уникальный подвижник в истории нашей культуры... Их оценки творчества поэта многого стоят.

Мудрость подсознания

Часто на выступлениях меня спрашивали: «Почему вы полюбили Лермонтова и создали фонд имени его?» И каждый раз мне было невозможно ответить искренне на этот, казалось бы, простой вопрос. Что-то мешало. И, скорее всего, это «что-то» было неосознанное мною до конца, не вытащенное из подсознания, не осмысленное здравым умом, но все же принятое когда-то мыслящей частью меня решение. Но когда я принял его, увлечен-

ный до того творчеством Пушкина, я не знал. И даже не задумывался о том.

И вот несколько дней назад, осматривая вывезенные когда-то из дома на дачу книги, я обнаружил однотомник избранных произведений М. Ю. Лермонтова 1946 года. (ОГИЗ ГИХЛ), формата 1\8 в 43 п.л. Открываю толстую обложку и читаю на первой странице следующее:

Этот день надолго останется в памяти всех участников драматического коллектива, в котором со дня его образования занимался ты, Толик. Спасибо тебе за всё хорошее, что ты сделал для процветания нашего коллектива.

Спасибо за большой, честный и плодотворный труд и за хорошую дружбу.

Желаем тебе отличной службы. Мы все верим в тебя, Толик.

Прими наш маленький подарок в день твоего ухода в Армию. Ждем от тебя хороших вестей.

14/10 – 59 г.

Драматический коллектив д/с Д/к им. Горбунова.

Вот такое замечательное оценочное и напутственное слово моих товарищей по драмкружку. Чувствуется, что писалось коллективно моими друзьями, но с доброй коррекцией удивительного человека, нашего руководителя Виктора Александровича Стратилатова, которого я по счастливой случайности встретил в Меривялье (под Таллинном), где они с Екатериной Николаевной отдыхали.

Какой же я наивный был тогда и глупый. Эту книгу мне необходимо было захватить с собой на службу и пронести через все четыре года, тщательно изучая, а я оставил ее дома. И все же провидение деликатно заставило меня полюбить Лермонтова не сразу, спустя три десятилетия, но полюбить и кое-что сделать для памяти этого великого юноши, сделавшего так много для русской литературы, как бы шутя. Это занятие, ставшее судьбой, делом его жизни, было как бы на периферии его деятельности. Но такое впечатление обманчиво. Возможно и у меня, предназначенного для серьезной судьбы, есть свое дело, которое я неосознанно еще работаю, и меня ненавязчиво кто-то (надеюсь, что ангел) подталкивает. Это знак – и не заметить его я не могу. Пора уже отличать знаки судьбы от призраков.

О тайне поэта нашего времени

Настоящее является нашим верным спутником до последних дней. Но корни настоящего времени уходят в глубины прошлого, чтобы кроной древа жизни шелестеть в будущем. Многие наши поступки могут быть скорректированы знанием истории человечества. И очень важно проникновение в тайны, надежно хранимые прошлым.

То, что Михаил Юрьевич Лермонтов – поэт мистический, знают все.

И об удивительных совпадениях знают многие: 100-летие со дня его рождения наложились на начало Первой мировой войны, а 100-летие со дня гибели совпало с началом Второй мировой, 150-летие памяти – с переворотом 1991 года... Из звезд, названных именами людей, самый высокий апогей у звезды, названной именем М. Ю. Лермонтова. Корабль, названный также его

именем, затонул в самой глубокой впадине Тихого океана. Ничего необычного? Всё сверх меры или точка сверхмерия!

Но жизнь творений Лермонтова продолжается непредсказуемо, таинственно, загадочно. Как современно звучат строки стихотворения «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана») или небольшой поэмы «Валерик»:

Нам был обещал бой жестокий.

Из гор Ичкерии далекой

Уже в Чечню на братний зов

Толпы стекались удальцов.

Может быть именно потому он – один из самых провидческих поэтов России:

Настанет год, России черный год,

Когда царей корона упадет...

Кто не помнит из нас эти строки пророческого стихотворения пятнадцатилетнего юноши? Это «Предсказание» о народных волнениях трагически подтвердилось октяблями 1905, 1917, 1964 и, конечно, 1993 годов. А что стоит за фактом гибели Лермонтова?

Может быть, когда удастся полностью раскрыть тайну жизни и смерти «поэта сверхчеловечества» (Д. Мережковский), мистические силы космоса оставят Россию в покое? А для этого надо вслушаться в слова своего пророка и внимать им.

И тогда его голосом заговорит истина:

Я думал: «Жалкий человек.

Чего он хочет!.. небо ясно.

Под небом места много всем,

Но беспрестанно и напрасно

Один враждует он – зачем?»

Я пишу замету о прошлом. Но оно ведь так плотно соединено с будущим. И «жалкий человек» по-прежнему «беспрестанно и напрасно один враждует...» Средства массовой информации приносят нам на тарелочке прямо в дом семена этой вражды. Половина Украины в огне... Россия пытается защитить своих близких от фашистских погромов, от вечно жадных мировых кампаний и дипломатических прислужников их. На глазах миролюбивого человечества конфликт разрастается в очередную мировую бойню. Неужели и этот юбилей Лермонтова закончится уже третьей мировой войной? Но что же останется от этого, такого прекрасного мира людям? И будут ли они на земле?

Умным для размышления

«Конногвардейцы исполнили свой долг и 19 фев. 1837 на основании воинского устава Петра I приговорили Дантеса к смертной казни через повешение. Но ещё до окончания процесса Дантес узнал, что смертный приговор не будет утверждён («Проведал чрез своих друзей, в чём суть-то»).

О перемене царского гнева на милость Дантес узнал, видимо, через барона Геккерна. А молодой дядя Столыпин мог рассказать так же

Лермонтову. Не с этим ли связано появление эпитафии в стихотворении «Смерть поэта»: «Отмщенья, государь, отмщенья!.. Будь справедлив и накажи убийцу, чтоб казнь его в позднейшие века твой правый суд потомству возвестила...»

Нусс

Оказывается, есть не только литературный герой, созданный пером Лермонтова, капитан Штос. но и Нусс, Яков Фёдорович заслуженный работник культуры РСФСР – советский и российский театральный деятель, первый директор Вологодского ТЮЗа. Создатель детского театра кукол «Теремок». Почётный гражданин города Вологды.

Переключка великих

«И слышит голос: что ж? убит». От этих строк Пушкина из «Евгения Онегина» идёт интонация лермонтовского «Убит поэт, невольник чести...».

Нельзя быть ниже народной культуры

В пятигорском государственном музее-заповеднике «Домик Лермонтова», кроме музея Михаила Юрьевича, есть ещё и музей Александра Александровича Алябьева, автора знаменитого «Соловья» и множества великолепных песен и романсов на стихи Василия Жуковского, Александра Пушкина, Николая Языкова, Антона Дельвига, Гёте, Беранже... «Мы знаем Алябьева только по его знаменитому “Соловью”. А ведь он был великим композитором. И как же хорошо, что Вы в “Исторической газете” дали большую статью о трагической судьбе этого русского самородка». Так мне говорил о выдающемся деятеле русской культуры бас Александр Ведерников, сам мировая знаменитость. Но кроме музыкальных и поэтических вечеров, тогдашний коллектив музея, состоявший из настоящих подвижников, регулярно устраивали выставки художников России и зарубежья тех, кого вдохновляет творчество Михаила Юрьевича Лермонтова,

Владимир Николаевич Кутявин, живущий на Украине, рассказал мне один забавный случай и этим рассказом я хочу поделиться с вами, дорогие читатели.

Происходило это лет пятнадцать тому назад. Собрав свои полотна для персональной выставки в музее-заповеднике Пятигорска, он погрузил их на поезд. Перед пересечением украинской границы к нему в вагон зашли местные пограничники и стали требовать оплатить вывоз произведений искусства валютой. На эти требования художник ответил, что это его картины и показал соответствующий документ. Пограничники были неумолимы.

– Ещё раз повторяю, что эти картины мои.

– Ну и что! Ты же будешь их продавать?

– Нет! Я везу их к Лермонтову.

– К Ле-е-ермонтову! – протянул старший наряда. – Тогда провози.

И художник благополучно добрался до Пятигорска.

Я спросил Владимира Николаевича не без подвоха:

– Неужели украинские пограничники так любят стихи Михаила Лермонтова? Вряд ли они помнят о том, что знаменитый их Кобзарь, ровесник поэта Тарас Шевченко так боготворил русского гения, что он просил прислать ему в оренбургские степи, где он был в ссылке, «Том поэзии чудесной» – поэзии Михаила Лермонтова?

– Да нет, конечно! Просто они не хотели быть ниже.

Я понял, о чём сказал художник...

Мне вспомнилось, как ещё в 1996 году я провозил поездом через Украину группу иностранных писателей на первый Международный праздник Лермонтовской поэзии в Железноводске. В этой группе, состоявшей из десяти поэтов, представителей разных стран: Сирии, Белоруссии, Македонии, Франции, Испании, Китая... бдительные украинские пограничники нашли у китайки и македонца какие-то неточности в их документах.

Как один из руководителей Союза писателей России и организатор праздника поэзии, я объяснял пограничнику на границе России и Украины, что мы не торговцы, а поэты, посланники своих стран, что мы любим Шевченко. Что мы едем на международный праздник лермонтовской поэзии. Что Тарас Григорьевич называл Лермонтова богом поэзии. Что...

Но сказанное мной не убеждало прапорщика. Тогда я достал из портфеля последний номер «Исторической газеты», открыл страницу, где была статья о Михаиле Грушевском. Я спросил его: «Кто это?» Тот отмахнулся: «Не знаю!» – «А вот Кучма, – упрекнул я, – ваш президент, знает его. И поблагодарил меня как редактора этой газеты за мощную статью о нём». И добавил, глядя в глаза этому настойчивому прапорщику: «Как ты можешь не знать первого президента незалежной Украины? Человек, любящий родину, не может быть ниже истории своего народа».

Пограничник вздрогнул от такого напора. Видимо ему не захотелось быть ниже истории своего народа. Он тронул за плечо своего напарника и махнул в бессилии рукой:

– Езжайте! Но если на следующей станции вас снимут, то я не виноват буду в этом.

Забытая песня

Первый Международный Лермонтовский праздник «Железноводские вечера поэзии» (сентябрь 1996-го года) мы начали с исполнения знаменитой песни «Выхожу один я на дорогу» (музыка Елизаветы Шашиной). Глава региона Кавказских минеральных вод Иван Иванович Никишин, умнейший человек и яркий администратор, очень хотел назвать наш международный фестиваль «Кавминводскими вечерами поэзии», но я, озвучив название вслух, легко убедил его в том, что имя конкретного города, где зародилась идея проведения его, благозвучнее. Он уловил фонетическую жёсткость звуков и сдался. Но стал упорствовать в нежелании

начинать хорошо подготовленное действо со знаменитой песни Елизаветы Шашиной, требуя начать с гимна России.

И тогда я рассказал бль, которую лет за десять до этого поведал нам с Михаилом Алексеевым в редакции журнала «Москва» наш давний автор, известный поэт и прозаик Владимир Солоухин.

В застолье американец русского происхождения жалуется своим советским друзьям, что не может вспомнить замечательную народную песню, которую ему пела мама в раннем детстве. Он рассказывал почти по-лермонтовски: «Мне было тогда года три. Это была песня, от которой плакал сердцем... К сожалению, я не могу теперь ничего вспомнить, но уверен, что если бы услышал её, она бы произвела на меня прежнее сердечное действие». А главное было в том, что он всю жизнь мучается от невозможности вспомнить её. А спросить было не у кого, да и забыл он все слова песни, кроме одного самого первого слова. Естественно, что друзья спросили: «Какое же это первое слово?» И тот с характерным акцентом выговорил:

– Ви-хо-жу...

И тогда хором запели ему:

– Выхожу один я на дорогу...

– Представляете, Иван Иванович, – сказал я – у скольких иностранцев русского происхождения (а к нам ведь приехали поэты из пятнадцати стран!) эта песня вызовет не только воспоминания, но и радость встречи с гениальным произведением!

И живое лицо Никишина тронула добрая улыбка.

Девять месяцев лермонтовской жизни

Учителя, исследователи, литературоведы и мы, грешные, часто пишем, что Пушкин прожил 37 лет, а Лермонтов, убитый также на дуэли – 26. К Лермонтову иногда добавляют – «неполных 27 лет». Но ведь и Пушкин прожил неполных 38 лет. До дня своего рождения он не дожил всего три месяца, но и Лермонтову тоже не хватило трёх месяцев...

К чему я это пишу! К уточнению, может быть, никому не нужному, к тому, что приблизительность иногда необходима, когда вращаются в обиходе большие цифры. А здесь, в недолгой жизни Лермонтова, когда каждый день учитывается, как великая драгоценность – всё иначе.

Мне, много лет интересующемуся краткой, золотоносной для нашей культуры, судьбою поэта, важно знать, что Лермонтову было отпущено не одиннадцать, а десять лет творческой жизни, то есть в два раза меньше, чем Пушкину.

Для меня, для моего сознания, для понимания возможностей русской словесности важен каждый год творчества. Отними 1841 год у Лермонтова – всего семь месяцев – и чего мы лишимся! Страшно подумать, как бы отошала лермонтовская творческая сума, какого богатства мы лишились бы. Одно стихотворение «Выхожу один я на дорогу» или «Пророк» стоило бы вечности, а не нескольких дней жизни.

В Железноводске любят Лермонтова, и каждый год не забывают

положить цветы к одному из лучших памятников поэту, созданному талантливым московским скульптором Леонидом Тасьбой. Но бывает и так, что дата гибели Лермонтова ложится на субботний или воскресный день. И тогда по воле местного руководства культурой города обряд посещения переносится на более ранний срок. Так было и в этом июле. Я принял участие в хорошо организованном в библиотеке дворца культуры Железноводска поэтическом концерте 25 июля, но отказался от традиционного возложения цветов к памятнику в этот день. На недоумённые вопросы я отвечал. «У меня есть ещё два дня для живого общения с любимым поэтом. Я приду к памятнику 27 июля. В день его гибели».

Вы поймите, уважаемые читатели, что год, месяц, даже один день жизни гения необычайно важны для сознания нас, живущих.

О переводах

В разговорах о переложении на другой язык случаются необычные происшествия, на которые редко обращает внимание широкий читатель. Перевод стихотворения Гёте «Горные вершины», сделанный Андреем Белым, точно передаёт, почти буквально вкладывает смысл поэта в ухо русскому языку, но его не считают подобным немецкому оригиналу. Почему же переложение, весьма вольное, Михаила Лермонтова тревожит читателя более, чем мастеровитая работа известного поэта Андрея Белого (Б. Н. Бугаев). Какие нюансы звуковые и смысловые сумел извлечь Михаил Юрьевич в отличие от него. Или в начале девятнадцатого века воздух был чище, нежели чем в начале двадцатого?

Я не жду ответа ни от кого. И сам не ищу его. Я слушаю звуки. И отличаю один от другого, как мелодии композиторов. И слух мой впитывает лермонтовскую мелодию полнее, чем иную. И я задумываюсь, очарованный тем, что узнал, тем, что родилось во мне, благодаря этой мелодии. Я ничего более не слышу. Душа моя переполнена волнением, грустью и мудростью познанного.

Мухамед ОГУЗОВ

Имя Мухамеда Огузова хорошо известно в профессиональной юридической среде – он действительный государственный советник юстиции 2 класса (что соответствует званию генерал-лейтенанта), начальник Управления Судебного департамента КБР, кандидат юридических наук, член-корреспондент Академии общественных наук России. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством 2-й степени».

Его вторая ипостась – творческая – также известна в республике и за ее пределами. Мухамед Огузов – член Союза писателей РФ. Нынешний сборник его стихов – третий по счету. Он приурочен к 60-летнему юбилею Мухамеда Назировича.

Один лишь перечень разделов книги «Мой путь» говорит о разнообразии поэтических пристрастий автора. Читатель найдет на этих страницах все, что угодно его душе: выражение любви к родному краю и отчужденности, пронзительную лирику, полную исповедальных признаний, размышления о смысле бытия и воздаяние хвалы Всевышнему. Особо хочется подчеркнуть равнодушие М. Огузова к живым проблемам сегодняшнего дня. Несмотря на возможную сиюминутность поводов, автору удастся подняться в этих стихах на уровень обобщений.

МОЙ ПУТЬ

Ничего не боюсь, на проблемы плевать,
А мой путь – лишь моя дорога.
Горы, реки, поля, океанская гладь –
Вся земля мне – подарок от Бога.

Ненадолго мы гости на этой земле.
Как и всяк, проживу я свой век.
Не имеете права указывать мне.
Я такой же, как вы, человек.

Свою правду в стихах не шептать, а кричать
Буду громко, как только могу.
Согласитесь, нечестно ведь подло молчать,
Затаиться, подобно врагу.

Я избрал себе путь и с него не сверну,
Сам себе выбрал эту дорогу.
На распутье, в сомненьях, я лучше умру,
Без сомнений мой путь ведёт к Богу.

ЧТОБ ГОРЫ НЕ ЗНАЛИ ПОЗОРА

Я тост еще в детстве услышал один,
Он мудрость моя и опора.
Его произнес аксакал-абазин:
«Чтоб горы не знали позора».

Вы вдумайтесь, люди, какие слова!
Верны они в радости, в горе.
Старинная фраза все так же нова:
«Чтоб горы не знали позора».

Если ты лжец, аферист или вор,
Если всегда козни строил –
Ты не достоин жить среди гор.
Значит, ты их опозорил.

Если на доброе дело в ответ
Плюнул ты в чистый колодец,
Я тебе дам очень дельный совет:
Не вспоминай, что ты горец.

Если из уст твоих лишь наговор
Льется на наши просторы,
То позабуди, что ты сын этих гор,
Тобой опозорены горы.

Если, напившись, несешь всякий вздор,
Горазд без причины подраться –
Это для горца стыд и позор.
Над тобой будут горы смеяться.

Коли в крови твои руки и взор,
Если ты подлый убийца
Нет тебе места среди горцев и гор,
Лучше б тебе не родиться.

Может, отца ты нарушил завет,
Стал наркоманом иль пьянью?
Не избежать тебе жизненных бед,
Слыть ты в горах будешь дрянью.

Если обидел родную ты мать,
Знаешь, что это такое?
В горах перестанут тебя уважать.
Мама для горца – святое.

Вдруг ты нарушил горский адат,
Нет уважения к старшим –
Свыше, поверь мне, тебя не простят
Станешь для них днем вчерашним.

Дорог для горца друг и кунак.
Праздник, когда в доме гость.
Если порог переступит твой враг
Забудь про обиды и злость.

Свята для горца всегда его честь.
Честь для кавказца – как знамя.
Готов за нее он не пить и не есть,
Пройти через воду и пламя.

Горец всегда был отважен и смел,
Если опасность грозила.
Если унижить кто-то посмел,
Уместны отвага и сила.

Будь же, земляк мой, лицом своих гор,
Что радуют душу и взоры.
И в своем сердце храни разговор:
«Чтоб горы не знали позора».

МОЙ ДОМ – КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Кабардино-Балкария – роза
на клумбе Северного Кавказа*

Одна строка – невысказанная проза:
«На клумбе распустившаяся роза».
Как горская княжна – всегда горда –
Мои Балкария и Кабарда.

Дороже нет на свете этом места.
Отсюда не стремлюсь я никуда.
Красивы, как на выданье невеста,
Мои Балкария и Кабарда.

Влюблен в эти долины, реки, горы,
В уютные селенья, города.
Всё это моей родины просторы –
Мои Балкария и Кабарда.

Живут здесь вместе разные народы,
Судьба связала дружбой навсегда.
Пусть обойдут вас беды и невзгоды,
Мои Балкария и Кабарда.

Наречена ты именем красивым.
Мира, добра тебе желаю я.
Пусть каждый день окажется счастливым.
Мой дом – Кабардино-Балкария!

MAME

Какое, мама, мне придумать слово,
Чтоб выразить к тебе мою любовь?
Мне кажется, не нужно никакого.
Лишь ты одна поймешь всегда без слов.

В моих глазах прочтешь ты все, что тайно
Храню в своей измученной душе,
И спросишь ненавязчиво, случайно:
«Сынок, меня не любишь ты уже?»

Как не любить тебя, мой самый главный,
Мой самый преданный и нежный друг?
Перед тобой одною, мама, я бесправный.
Не будь тебя, померкло б всё вокруг.

Мне много лет, ведь я уже не мальчик,
Но для тебя я все еще дитя.
Ты б и сейчас взяла меня за пальчик
И повела, куда глаза глядят.

Я пожелать себе хочу, о мама,
Ребенком оставаться много лет.
Ведь для детей немислимая драма,
Когда у них любимой мамы нет.

Живи же долго, тенью будь над нами,
Что защитит всегда от разных бед.
Своими добрыми и нежными руками
Готовь нам ужин, завтрак и обед.

Всевышний, я прошу тебя с мольбою –
Всем мамам долголетье даровать.
О, мама, знай, что я всегда с тобою.
Хочу родные руки целовать.

Юзейир ЖУЛАБОВ**БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ***(Главы из книги)***Среди людей**

Сентябрь 1946 года. Третий год на чужбине. Вечерами, ожидая возвращения коров с пастбища, мы, подростки, играем на улице в мяч. Днем же все мы работаем на колхозном поле. Трактор выкапывает свеклу, а мы срезаем ножами ботву и складываем клубни в кучи, чтобы потом погрузить их в машины. На этой работе задействованы все, от детей до стариков. К любому делу мы относимся серьезно, выполняем на совесть.

Пока вся свекла не будет отправлена в Жамбул, на сахарный завод, никому не будет ни передышки, ни отдыха. У детей «бригадиром» – я, со всеми вопросами они обращаются ко мне. Школу мы начнем посещать только после того, как закончим с уборкой. Старики-казахи доверяют мне больше, чем своим сыновьям. Я стараюсь оправдать оказанное мне доверие, беспрекословно выполняя все их поручения. Корова ли не вернулась из стада, лошадь ли забралась на поле – я тотчас сажусь на коня и галопом пригоняю ее домой. Кстати, если лошадь один раз отведала сахарной свеклы, очень трудно ее потом удержать: она будет раз за разом ходить на поле и поедать сладкие корнеплоды, выдергивая их из земли.

Работают в поле не только мальчики, но и девочки, в меру сил помогают своим матерям. А поля тут огромные! Большущий трактор на другом его конце кажется маленькой точкой.

На крайней улице села Теспе, куда нас забросила судьба, переселенцев около тридцати семей, на других поменьше. Две-три семьи заселили в бараки, где проживали немцы.

Дворы и участки у колхозников большие, по полгектара. Почти все выращивают белую кукурузу, дыни, арбузы. Земля здесь плодородная, надо только поливать. Но с водой проблем нет.

Коротко говоря, условия для жизни здесь замечательные: пахотные земли отличные, пастбища просторные, земля плодородная. У колхоза три табуна лошадей, стадо крупного рогатого скота, три стада овец, одно стадо коз, упряжные лошади, волы, телеги, один грузовик. Есть в селе и начальная школа, а также магазин. Единственное неудобство – далеко от районного центра.

...Однажды к нам во двор заглянули два старика-казаха, Косбай и Ногай.

– Завтра мы гоним колхозный скот на продажу в Аулие-Ата (г. Жамбул). Хотели попросить, чтобы ваш мальчик помог нам их перегнать, – сказали они.

Кто мог отказать аксакалам? Попросили у них только, чтобы на продажу погнали и нашу безрогую козу. Овцами мы тогда еще не обзавелись. Старики без лишних слов согласились: «Рахмет! Жюда рахмет!».¹

Я был страшно рад, что еду в город. Готовился к поездке, будто в театр собирался. Увидев мое состояние, домашние предупредили меня:

– Не шали, веди себя хорошо. Смотри, не угодишь старикам – пеняй на себя. Ни шагу в сторону без их разрешения!

Утром рано тронулись в дорогу, гоня перед собой стадо, голов в тридцать, овец и коз. Поклажу: запасную одежду, взятую на всякий случай, еду, армейские фляжки с айраном, – погрузили на двух ишаков.

– Говорят, до Жамбула сорок километров, – с улыбкой говорили старики по пути. – И кто его мерил?

По их словам, на окраине города есть колхозная гостиница. Там работает наш односельчанин Чохтай, которому после ранения на фронте отрезали ногу выше колена. Я его никогда не видел.

К сумеркам дошли до Жетибая (при Советской власти – Ново-Ивановка). Здесь проживали в основном русские, но были и казахи, а также немного немцев. Дома, дворы, огороды последних были очень аккуратны и ухожены. Тут же находилась МТС, где проводился ремонт всей сельскохозяйственной техники Свердловского района. Была здесь также русская школа, казахская школа-интернат, клуб, магазин, небольшой базар, почта, сыроваренный завод, парикмахерская, ателье по пошиву одежды...

Жетибай мне был уже знаком. На местный молочный завод весной возили молоко со всего района. У нас этим занимался старший сын моего брата Азрет, и я часто ездил с ним.

Остановились у ручья на окраине села. Овцы и козы, которые в жару сбивались в кучу и не могли как следует поесть, с жадностью набросились на еще не выгоревшую траву у ручья.

Я и Косбай остались охранять скот, а Ногай пошел в город искать ночлег. Вскоре он вернулся, и мы снова тронулись в путь. Дойдя до места, загнали животных в одну из комнат заброшенного дома, закрыли дверной проем чем-то вроде железной сетки и вошли в дом.

Пол в доме, где мы должны были ночевать, был покрыт войлочным ковром, поверх которого постелили стеганое ватное одеяло. Разувшись, мы расположились на нем, скрестив ноги по-восточному. Расселись согласно возрасту: на удаленном от двери конце комнаты сел Косбай, затем Ногай, потом хозяин дома Османкул, потом я. Расстелили дастархан². Принесли самовар, пиалы. Справившись о здоровье, расспросив, кто из какого рода-племени, попили чай. К чаю подали пшеничный курмач³, кусочки сахара, и курт⁴. Меня все называли «карачай бала» (карачаевский мальчик). Мои спутники лестно отзывались обо мне: «Жюдя тил алгыч». Что означало – исполнительный мальчик. Тепло улыбнувшись, Османкул сказал, глядя в

1 Рахмет! Жюда рахмет! – Спасибо! Большое спасибо! (казахск.).

2 Дастархан – скатерть прямоугольной формы, на которую выставляется еда.

3 Курмач – жареная кукуруза или пшеница.

4 Курт – высушенные на солнце маленькие твердые круглые сыры.

мою сторону: «Что это за народ, я узнал раньше других. У нас в интернате тоже учатся карачаевцы. И нужно признать, что лучшие ученики – они».

То ли потому, что карачаевцев выселили на пять месяцев раньше нас (7 ноября 1943 года), то ли потому, что знали, что мы с ними – один народ, казахи всех нас называли карачаевцами. Думаю, они не были неправы.

Наш гостеприимный хозяин оказался учителем литературы. Это был благочестивый, воспитанный, спокойный, щедрый человек с приветливым лицом.

Он сказал:

– Карачаевцы и балкарцы – один народ. Сам Аллах послал их нам, по Его велению они оказались здесь. Они мусульмане, наши братья по вере. Мы должны хорошо к ним относиться. У нас одни корни. По отношению к ним допущена большая несправедливость. Их оставили без родины, на которой они проживали веками, без имущества, накопленного долгими трудами. А как их разлучали с родиной, с их Вечной горой (Минги-Тау) я видел собственными глазами. Я служил тогда в войсках НКВД.

Я слушал его, а перед моими глазами стояли родные горы, Чегемское ущелье, Ёре Хынт.

– А теперь, – продолжил свою речь хозяин, – позвольте обратиться к вам с просьбой. Сегодня у меня в гостях трое мужчин. Гость, как известно, – посланец Аллаха. Согласно казахским обычаям, я должен зарезать для вас скотину. Но скот я не держу. – С этими словами он обвел нас взглядом, ожидая ответа.

Косбай, рассудительный, но любящий шутку человек, повернулся к Ногаю.

– Решайт, командир, – сказал он по-русски.

Все рассмеялись. Ногай некоторое время жил в городе, поэтому немного знал грамоту, а в нужный момент мог даже кое-как изъясняться по-русски. И он показал, что братья-казахи в нужный момент – люди решительные и щедрые.

– Османкул, брат мой, и ты, Юзейир, пойдите, выберите овцу пожирнее и зарежьте ее. Но мы пригнали сюда этих животных с желанием обродовать их хозяев. Поэтому цену назначь ты сам, Османкул.

Османкул вытащил из кармана деньги и, не считая, протянул их Ногаю. Тот так же, не пересчитывая, сунул их в карман.

– Юзейир, иди, помоги ему. Завтра, даст Аллах, надо выйти пораньше, а то в жару овцы будут сбиваться в кучку, не желая идти.

Человек опытный, Османкул, недолго выбирая, схватил за заднюю ногу и выволок во двор упитанную овцу. Поручив ее мне, он зашел в дом и вышел оттуда с ножом. Повалив овцу на землю, я повернул ее голову в сторону киблы¹, и Османкул, сказав: «Бисмилляхий»², – перерезал ей горло. Быстро содрав с нее шкуру, он расстелил ее на траве, вниз шерстью. Затем распорол овце живот, вытащил внутренности и положил их на шкуру. Дальнейшим у казахов занимаются женщины, поэтому жена Османкула отпустила меня:

1 Кибла – в исламе направление на Каабу к г. Мекка, соблюдаемое во время совершения молитвы и отправления ряда ритуалов.

2 Бисмилляхий! – во имя Аллаха!

– Иди, сынок, посиди с мужчинами.

Пока варилось мясо, Османкул развлекал нас, знакомя с казахским фольклором: сказками, песнями, преданиями, дастанами¹.

Мы провели замечательный вечер, общаясь с этим настоящим учителем, настоящим интеллигентом, настоящим солдатом.

На другое утро, проснувшись с первыми петухами, мы собрались в дорогу. Пожав друг другу руки, мы попрощались и уже собрались уходить, когда Османкул-мугаллим² попросил нас подождать минутку и зашел в дом. Вышел он, улыбаясь. Протянул мне толстую книгу и сказал:

– На землю казахов многие приходили и уходили. Но Казахстан никогда не был и не будет тюрьмой народов. Кто знает, может, и вы вернетесь к своим Кавказским горам, которые мне посчастливилось видеть. А тебе, выражая свою признательность за то, что ты так быстро выучил казахский язык, я дарю книгу великого Абая, может она тебе когда-нибудь сослужит добрую службу.

Старики, удивленные его поступком, несколько раз в пути затевали разговор на эту тему. Я же, смутившись, не смог тогда как следует выразить свою благодарность этому мудрому человеку. А может, я и недооценил тогда его подарок: в годы, когда сталинский геноцид косил балкарских стариков и детей, мы слишком мало внимания уделяли и книгам, и школе. Но Османкул оказался прав: его книга оказала мне в скором времени услугу.

Издана она была в 1945 году академией наук Казахстана. Это было полное собрание сочинений основоположника казахской литературы – великого Абая (Ибрахима) Кунанбаева, выпущенное к его 100-летию. Эта книга и сегодня в моей библиотеке, я часто ее перечитываю.

Можно сказать, что именно благодаря подарку Османкула у меня возник интерес к изучению тюркских языков, литературы тюркских народов. По сегодняшний день я с удовольствием читаю древние рукописи, героические песни, дастаны тюркских народов, вошедшие в сокровищницу мировой литературы, знакомлюсь с их обычаями и традициями. А произведения некоторых тюркоязычных писателей перевел на карачаево-балкарский язык.

На второй день мы достигли небольшого села Дихан и начали было думать о ночлеге, но Ногай сказал:

– Косбай, ты старше, я не могу тебе перечить. Но смотрите, видите те высокие тополя? Это село Уровна (Ровное). Если постараемся, до заката доберемся туда. Что скажешь?

– Хорошо, пусть будет по-твоему. Только давай договоримся, что ты опять не свяжешься с «иванами» и не засядешь с ними пить «горькую». Без тебя мы не справимся. Наш мальчик слишком молод, а я слишком стар. Хотя оба мы стараемся не утруждать ишаков и идем пешком, – пошутил старик.

– Давайте, поторопимся. Из-за жары мы слишком мало прошли сегодня.

К окраине села добрались поздно вечером. Я слышал, что здесь

1 Дастан – эпическое произведение в фольклоре.

2 Мугаллим – учитель (тюрк.).

живут наши родственники, но времени разыскивать их не было. Держа за поводья ишаков, Косбай остался сторожить наше стадо, а мы пошли искать ночлег. Войдя во двор первого же дома, Ногай, не обращая внимания на лай собачонки, крикнул по-казахски:

– Эй, есть кто дома?

– Есть. Кого надо? – С этими словами из дому вышел рыжеволосый коренастый мужчина-балкарец.

– Гостей принимаете?

– Конечно, принимаем. Гость – от Аллаха, – сказал приветливо мужчина.

– Как тебя зовут?

– Матгерий.

– Матвей?

– Нет, Матгерий.

– Ладно, пусть будет Матгерий. В таком случае, сегодня ночью мы под вашей защитой, а вам защитой пусть будет Аллах.

Загнав стадо в загон, вошли в дом. Матгерий завел нас в низкую, средних размеров комнату. Убранство ее отличалось от комнаты Османкула, оно было в «русском» стиле. У окна – стол с немного выцветшей краской, несколько стульев, две старых железных кровати, на стенах – тронутые молью гобелены. Кровати были застелены не совсем новыми покрывалами, поверх которых лежали две подушки и два стеганых одеяла.

Перед печью лежала охапка дров. У порога – веник. Я радовался, что мы в гостях у балкарцев, и в то же время, видя, что в комнате всего две кровати, думал, где же я лягу спать. Бедные старики, не привыкшие к стульям, напоминали сов. Уставшие в дороге, они уже впадали в дрему.

В комнату быстрым шагом вошла крупная женщина и поставила на стол поднос с горячими чуреками. Затем принесла три пол-литровых алюминиевых кружки с айраном. «Ешьте, ради Аллаха», – сказала она и вышла из комнаты. То, что она сказала «ради Аллаха», так пришлось по душе старикам, что они несколько раз повторили ее слова.

Честно говоря, мы были очень голодны. Лаваш, который положила в нашу торбу жена Османкула, мы съели на обед, запивая водой из фляжек, которая до того нагрелась в пути, что глотать ее было противно.

Я и Ногай поужинали с большим удовольствием. А Косбай съел только один кукурузный чурек – еда, которую он никогда раньше не пробовал, пришлось старику не по вкусу. Но свою долю айрана он допил до конца.

Матгерий, по горскому обычаю, помог старикам раздеться, уложил их, пожелал им спокойной ночи, а меня позвал с собой во времянку.

Времянка была полна людей: мужчины, женщины, подростки – девочки и мальчики. Мне опять предложили поесть, но я отказался: было стыдно есть отдельно от своих товарищей. К тому же я всегда помнил слова матери, не раз мной слышанные: «Никогда не ешь в гостях досыта».

Отказался я и от вареного початка кукурузы, который протянула мне женщина с приветливым лицом, вероятно, мать семейства. Мне хотелось

его взять, но початок был такой большой, что одной рукой я не смог бы его есть, а держать двумя руками мне казалось неприличным. Позориться же я не хотел, позор, как известно, ничем не отмоешь.

И все же эта женщина, чем-то напоминавшая мою мать, сломила мое упорство. Когда она предложила мне большую картофелину и кусок сыра, я не смог отказаться. Побоялся, что, упорствуя, буду выглядеть невежей, которого никто ничему не учил.

Я взял угощение, но есть не торопился.

– Кушай, почему ты не кушаешь? – спросили меня.

– Дайте мне нож, – попросил я.

Когда я стал есть, разрезая на столе картофелину на маленькие куски, присутствующие заулыбались, подталкивая друг друга локтями.

Они все с большим интересом присматривались ко мне.

Матгерий стал задавать мне вопросы. Я же от усталости и желания спать чуть не валился с табуретки.

– Как тебя зовут?

– Юзейир.

– А фамилия?

– Жулабов.

– Где жили на Кавказе?

– Про Актопрак слышали?

– Как не слышать? Я хорошо знаю все села в этих местах.

– Раньше мы жили в Жуунгу. Я родился там. Весь наш род жил там до девятого колена. Старики наши называли село – Шам Жуунгу¹.

Вспомнив поговорку, осуждающую «юношу говорливого, женщину – хромую», я решил быть немногословным. Но, Матгерий, казалось, хотел во что бы то ни стало разговорить меня.

– Говорили, что жителей Жуунгу и Тызгы переселил в Актопрак Калмыков. До прихода Советской власти там было село Балкаруково, по имени князей. Они там еще большой сад разбили. Что с ним стало теперь?

Я ответил, как знал:

– Во время войны в Актопрак прибыла уйма грузинских солдат, чтобы перебраться через Чегемский перевал в Сванетию. На машинах они привезли множество бомб, снарядов, патронов. Когда сложили их под деревьями, такие огромные кучи получились, чуть не до верхушек...

– Ладно, Юзейир, оставим это. Отец твой жив?

– Нет, он давно умер.

– А мать?

– Перед выселением, в 1943 году, узнав, что мой брат Гатан скончался в тюрьме, она умерла от разрыва сердца.

Матгерий тяжело вздохнул.

– А сейчас ты с кем живешь, кто у тебя есть?

Он затронул самое больное мое место.

– Сейчас я живу со снохой и двоюродными. Бабушка Бислихан, увечный брат Хаджи, сестра бабушки Айшат, моя сестра Хамилят, ее муж Асхат, их дочь Назифа, сын моего брата Исхак, сын моей тети Хасан – все

¹ Шам – священный; прекрасный.

умерли здесь. А сестра Зубаржият умерла в Киргизии.

Сидевшая в комнате молодежь все это время поглядывала на меня с иронией и шепотом обсуждала меня. Но после этих моих слов все притихли. Наступила пауза.

Затем Матгерий спросил:

– Юзейир, а кого-нибудь из Сарбашевых ты знаешь?

– Конечно! Знаю Геуюргю, который постоянно срывался со скалы, и приходилось вечно его искать. Его сыновья Исмаил и Каммат не вернулись с фронта. Четыре его дочери и мать скончались. А три сестры его живут в нашем колхозе.

Хоть я и был очень молод, я уже понимал, что нельзя говорить обо всем, что знаешь. Но врать я не умел, и сказал, что знаю еще Сарбашева Солтана (Длинноголового Солтана, как его все называли) из Кенделена, который был «штатным» лжесвидетелем, когда кого-либо арестовывали. Он, как и все осведомители, получал деньги за то, что губил невинных людей.

Слушатели мои зашушукались. Видимо, им стало неловко, что их родственник занимался таким неблаговидным делом. Хозяйка дома захотела положить конец разговорам:

– Ради Аллаха, хватит уже морочить голову ребенку, уставшему от дороги, дайте ему отдохнуть.

Присев рядом со мной, она сказала:

– Это они от скуки подшучивают над тобой. Но если завтра они опоздают на утреннюю дойку, Корней им задаст. Сейчас я их всех разгоню, и ты отдохнешь.

– Ладно.

Но вопросам все не было конца.

– Сколько классов ты закончил?

– Три с половиной.

Раздался смех.

– А почему с половиной? – спросил, улыбаясь, Матгерий.

– Когда арестовали директора школы Отарова Саида Аубекировича и моего брата Масхута, меня выгнали из школы. А потом и вовсе школу закрыли, некому было учить детей.

– Да, я немного знаю об этом, о том, почему их арестовали. Вы дети, вам это трудно понять... Вся причина была в банде, организованной в 1930 году в Чегемском ущелье по тайному распоряжению Калмыкова, – сказал Матгерий.

– Взрослые говорили, что по вине этой банды погибло более ста молодых парней из нашего села.

– Да, это правда, мы очевидцы этих событий, – вмешалась в разговор старушка, до сих пор сидевшая молча.

– Послушайте хорошенько, что я скажу! У вас, молодежи, вся жизнь впереди. Аллах знает, может это вам еще пригодится в жизни. Я объясню вам, как было дело. Хоть я и не видел своими глазами, но слышал от знающих людей. Дело было так. Чегемское восстание организовал сам Калмыков, чтобы отстранить от власти Ако Гемуева и Мухаммата Энеева.

Многих он еще загубил, не только их. Он оставил балкарцев без лидеров, чтобы творить, что хотел. Увы, были и балкарцы, помогавшие ему. Чем? Доносами. Бетал не жалел и другие нации, вместе с балкарскими лидерами было расстреляно, сослано в Сибирь и много кабардинцев. К счастью, деятельность его была остановлена 15 ноября 1938 года, когда по приказу Берии он и сам был арестован. Не случись это так, в республике не осталось бы мало-мальски стоящих людей. Такие вот дела.

Говорят: «То, что ты еще не видел, больше того, что ты видел; кто жив, тому много еще предстоит увидеть». Один Аллах знает, что еще произойдет в жизни. Надо быть ко всему готовым. Разве могли мы подумать, что окажемся здесь?..

Погрустнев, он немного помолчал, затем продолжил:

– Не помню, в каком году это было, возможно, году в 1937-м. Жена Калмыкова, Антонина, приехала в Чегемский район с санитарной экспедицией. В честь ее приезда был организован праздник. Райцентр тогда был в Нижнем Чегеме. Янिकой, Лячин-Кая, Каменка тоже входили в состав Чегемского района, но торжества решили провести в Актوپраке. Возможно, потому что он находился в центре района. А может, и потому, что погода там почти всегда солнечная. Да и само село было красивое, аккуратное, перед каждым домом – абрикосовые деревья, в середине села – школа, правление колхоза, почта, магазин. Сад Балкаруковых, опять же...

Заводилами на празднике были Адильгерий Сотгаев и Масхут Жулабов, исполнившие танец с кинжалами. Я хорошо знал их обоих. Это были уверенные в себе, энергичные, стремящиеся к знаниям люди. Сестра Масхута Зубаржият жила в Каменке. Масхут часто приезжал к ней, и стоило ему показаться в селе, сразу начиналось веселье. О его судьбе ты сам сейчас нам рассказал. А Адильгерий наверняка был призван на фронт. Надеюсь, он вернулся живым.

Я осмелился вставить фразу:

– Я и сам тогда видел Антонину. Она была в черной каракулевой шапочке.

На этом мой «допрос» окончился. Все разошлись. Хозяйка приготовила мне постель и сказала:

– Спи, сынок.

Несмотря на усталость, я долго не мог заснуть. Мысли теснились в голове, путались. Может, я был слишком откровенен, отвечая на их вопросы? Может, не стоило этого делать? В то время рассуждать о сотворенном насилии, о допущенной несправедливости никто не осмеливался, все боялись. Было видно, что даже Матгерий, несмотря на свою откровенность, говорит не все, что знает.

Что происходит? В чем причина наших нескончаемых бед? Шестеро моих братьев, а также другие родственники и знакомые, арестованные по доносам, были людьми, работавшими на благо колхоза. А их, не умевших двух слов связать по-русски, с семи-восемилетнего возраста ходивших за скотом, никогда в жизни не ездивших в город, никогда не переступавших через порог школы, никогда не державших в руках ручку,

не знавших ни лжи, ни хитрости, ни лицемерия, понятия не имевших о политике, живших, радуясь своим горам и гордясь тем, что они балкарцы, – погрузили, как скотину, в товарные вагоны и отправили в Сибирь, в тайгу, туда, «откуда нет возврата». Почему?!

По воле секретаря ВКП(б) Бетала Калмыкова, чьим распоряжениям подчинялись «тройки» ОГПУ в Кабардино-Балкарии, было арестовано 102 жителя нашего колхоза «имени С. Буденного». Часть из них была расстреляна, часть сгинула без вести. Были целые села, полностью обезлюдившие. Трупы расстрелянных сбрасывали в заранее вырытые рвы на окраине Нальчика.

Но не всем калмыковский режим был в тягость. У актопракских начальников было по две-три жены. Обычно девушек к женитьбе они склоняли, угрожая расправой над семьями в случае отказа. Поклонение Аллаху они заменили поклонением Калмыкову. Эти негодяи, двуличные мерзавцы, процветавшие в его тени, не жалели даже своих родственников – был бы только приказ сверху. Не бросили они свое грязное дело и во время войны, продолжая губить своих земляков. Первым после прихода фашистов от их рук пострадал Энеев Жагапар Хусеевич, прокурор Чегемского района. Когда немцы расстреляли его, ему было всего двадцать пять лет.

Семья его вымерла чуть не в полном составе. Два его брата, Хажисмаил и Мухаммадин погибли на фронте. Отец семейства Хусейн и его жена Минат умерли в Алма-Ате, а их дочь Пакиза – в Свердловском районе Жамбульской области, не вынеся тягот переселения. Старший их сын Дауут был приговорен к десяти годам тюрьмы. Обвинялся он в том, что якобы сказал: «Сталин выселил балкарцев, за которыми не было никакой вины». После семи лет заключения в тюрьме г. Норильска он приехал в Алма-Ату, где нашел живыми жену и двух своих сыновей. Потом у них родилась дочь Танзиля. Сейчас она и две ее дочки живут в Италии, один из сыновей Дауута – Азрет – живет в Шалушке, другой, Магомет, – в Нальчике.

Партизан Гочаев Магомет Бораевич работал заведующим Чегемским РайЗО, заместителем председателя исполкома. Ему было тридцать два года, когда немцы приговорили его к расстрелу. В одном нижнем белье ему удалось бежать в последний момент. Но дальнейшая судьба его неизвестна. Тело его так и не было найдено. Сам Бора умер в изгнании. Жена Сакинат, двое дочерей и сын выжили и вернулись на родину.

Еще один партизан, Жабелов Теммот Ахылауович, некоторое время до войны работал председателем правления колхоза «имени С. Буденного». Он тоже был расстрелян фашистами в двадцатисемилетнем возрасте, в 1942 году.

У Ахылауа было еще четыре сына: Мухаммат, Асхат, Харун, Мутай. Мухаммат вернулся с войны по ранению, Харун погиб на фронте в 1942 году, Асхат пропал без вести. Сам Ахылау и его жена похоронены в селении Мерке Жамбульской области. На родину вернулись их младший сын Мутай, жена Теммота Абий, его дочь Лиза и невестка Каммарият.

Тохаев Хажибекир Чимаевич был учителем. Ему было сорок два года,

когда он погиб от рук фашистов. Мать его Куллу умерла в переселении, могила ее осталась в казахстанских степях. Жена Дауумхан и дочь Фатимат смогли вернуться на Кавказ.

Перед глазами у меня стояли картины фашистских зверств, совершенных с 3 ноября 1942 года по январь 1943 года: расстрелы, разоренные села... Я вспоминал, как Жулабов Шаман, Энеев Хусей и Жабелов Ахылау в морозный день везли на воловьих упряжках из Нальчика в Актопрак покрытые замерзшим известковым раствором тела Жагафара, Теммота и Хажобекира. Пятнадцатилетний Шаман обморозил тогда ноги, обутые в чувяки. На похороны пришли не только односельчане, но и жители окрестных сел. В толпе, собравшейся вокруг их тел, выставленных на центральной площади села, не было никого, кто не плакал.

Все это мелькало у меня в голове, и я не мог заснуть.

«По чьей вине они погибли?» – думал я и приходил к выводу: по вине тех, кто бесился с жиру. Не зря говорят: «Откормишь худую скотину – будут губы в жиру, откормишь худого человека – будут губы в крови».

Председатель сельсовета Дажиев Зариф стал при немцах старостой Актопрака, Аккаев Суфьян – унтер-офицером фашистской армии, бургомистром села, Теунаев Ибрагим, бывший до войны секретарем партийной организации, – старшим полицаем. Были в селе и другие приспешники фашистов. Предав Родину, забыв о благодеяниях, сделанных им Советской властью, впоследствии они бежали с немцами в Германию.

Когда я проснулся, было уже светло. В нос ударил запах свежее испеченных кукурузных чуреков. Быстренько умывшись, я заглянул в комнату стариков. Они тоже уже были на ногах, одевались.

Горы в Казахстане довольно высокие, Ала-тау – один из самых величественных горных хребтов на земле. Но они в этих краях не так близки, как на Кавказе. Еще одно отличие: восход солнца здесь почти одновременен с рассветом. А почти сразу после заката наступает темнота.

Умывшись, мы сели за стол. Матгерий сел вместе с нами. Подали калмыцкий чай с чуреками. Мы с удовольствием позавтракали. Затем, выразив благодарность всем обитателям дома, выгнали свое стадо и тронулись в путь. Провожать нас вышли все. Матгерий, дай Аллах ему здоровья, еще прошел с нами некоторое расстояние, помогая нам. Затем простился, сказав, что к обеду мы будем уже в Жамбуле.

Действительно, к полудню мы добрались до колхозной гостиницы. Ногай, оказывается, знал, где она находится. И помещение для скота, и сама гостиница были просторны, чисты. Работники гостиницы встретили нас приветливо. Утром, даже не позавтракав, мы погнали свое стадо на базар. Пришли мы туда вовремя, хотя и не были первыми. Вскоре базар был полон скота и торговцев.

Верблюды с отвисшими губами лениво жевали жвачку; жеребцы и кобылы фыркали, выказывая недовольство; коровы стояли более или менее смиренно; козы, спасаясь от мух, махали хвостиками, топали ножками; овцы, в предчувствии жаркого дня, стояли, сбившись в кучу, низко опустив головы.

Раньше я только слышал слово «делдал», а тут увидел воочию, кто это такой. «Делдал» – посредник при торговле скотом. Он узнает у продавца цену, за которую тот желал бы продать свой товар, приводит ее в соответствие с базарной ценой, находит покупателя, и помогает им договориться. После того как все вопросы улажены, он вручает скот покупателю, а деньги – продавцу. С суммы сделки он берет свою долю – плату за труд. Это – традиция, идущая с давних времен. Никаких недоразумений, обид обычно не бывает.

Нашему «делдалу» было лет шестьдесят. Это был худой, жилистый, всегда стоящий на своем старик-узбек. За пару часов он распродал весь наш скот, сказал: «*Ха, инди сиз хам разы, мен ям разы*»¹, – пожал нам руки и исчез в толпе.

За скот и за деньги отвечал Ногай, он будет рассчитываться с хозяевами. Покинув базар, по крутой дорожке мы вышли на широкую улицу. Косбай сказал мне:

– Поторопись, шагай быстрее.

Затем указал палкой на Ногая:

– Он у нас вместо козла-вожака. Если отстанем от него, заблудимся.

Мне же все здесь интересно, я иду, глаза по сторонам, читаю таблички на стенах домов: «Абай кёшеси»², «Пушкин кёшеси», «Фурманов кёшеси». Косбай шагает быстро, и я не успеваю читать их все. Широкие улицы вымощены булыжником. Камни уложены не очень ровно, и шагать по ним очень неудобно. Косбай постоянно предупреждает меня:

– Смотри под ноги, сынок.

Чем ближе к центральным улицам, тем больше надписей, тем аккуратнее улицы. Чувствуется, что война закончилась, и жизнь стала налаживаться.

Мы подошли к зданию с надписью «Чайхана». Справа от него, в центре толпы, стоял симпатичный рыжеволосый мужчина с седой бородой и о чем-то оживленно рассказывал. Собравшиеся, в основном балкарцы, внимательно слушали. Рядом стояла телега, в которую был запряжен ишак. В телеге поверх соломы был расстелен кусок войлока, на котором лежали три ручные мельницы. Видимо, говоривший продавал их и расхваливал свой товар.

Старики вошли в чайхану, я же подошел к толпе, собираясь послушать, о чем идет речь. Но почти сразу кто-то подошел ко мне сзади и крепко схватил за локоть.

– Пройдем в комендатуру, – негромко, но властно сказал незнакомец.

Страшное слово «комендатура» испугало меня, и я сделал попытку освободиться. Но услышав: «Вы нарушили режим спецкомендатуры», – я покорился и безропотно пошел с ним.

Высокий худой мужчина все еще держал меня за руку. Говорил он по-русски, с татарским акцентом. Это я смог определить, потому что иногда приходилось слышать татарскую речь – в нашем селе проживала одна многолетняя татарская семья. На мой взгляд, и манеры, и речь, и даже походка этого человека были татарские.

1 Ха, инди сиз хам разы, мен ям разы – Итак, и вы и я довольны (узб.).

2 Кёше – улица (казахск.).

Я шагал рядом с ним, и в голове у меня звучали стихотворные строки:

Правда – в темнице, счастье в тумане,

Сильный – молчит, не защищает слабого...

Видимо, шел я нехотя, так как работник комендатуры всю дорогу подгонял меня: «Быстрее, шагай быстрее!». Собравшиеся вокруг продавца ручных мельниц, возможно, смогли бы вырвать меня из рук работника НКВД, но, увлеченно слушая говорившего, даже не заметили, что произошло.

Конвоир завел меня в комнату и запер за мной дверь. Я оглядел помещение. Деревянный топчан, табуретка. У окна – старый стол. Окна зарешечены. На столе ручка, чернильница. На стене в рамке за стеклом висит указ Молотова о правах и обязанностях спецпереселенцев. Образование мое ограничивалось тремя с половиной годами учебы в школе, но все же я прочитал его и постарался понять. Помогло «знание» русского, который я совершенствовал, общаясь с детьми немцев-переселенцев.

«Переселенцы, по достижении 16-летнего возраста, не имеют права отдаляться от места проживания более чем на 5 километров. Согласно настоящему указу, они обязаны регулярно, через каждые десять дней, отмечаться в комендатуре. Нарушители будут привлекаться к ответственности», – говорилось в указе.

До сих пор я ни разу не отмечался – мне еще не исполнилось 16 лет. Но, боясь всесильного коменданта, старшие все равно не отпускали молодежь за пределы села без сопровождения взрослых. И даже в этом случае старались получить разрешение у самого коменданта.

Работник комендатуры вернулся примерно через час и начал допрашивать меня. Никаких документов у меня не было, а по виду я вполне мог сойти за 16-летнего. Но дело у нас не шло. С грехом пополам я понимал, что он спрашивает, но ответить ему не мог, хоть и очень старался, используя и свой родной, и казахский язык. Тот тоже пытался понять меня, переходя то на татарский, то на ломаный казахский. Мне показалось, что он уже жалеет о том, что «арестовал» меня. В конце концов, поняв, что допроса не получится и связного протокола не написать, он повел меня к начальнику. Увидев, что начальник – казах, я обрадовался и, не обращая внимания на своего конвоира, громко поздоровался с ним, как с давним знакомым:

– Ассаламу алейкум, ага!

– Алейкум ассалам, джигит! – вежливо ответил он.

Татарин стоял смиренно и молчал.

Внимательно, не прерывая, выслушав мой рассказ, начальник сказал своему работнику:

– Иди в чайхану и найди его спутников.

Видно было, что он не усомнился в правдивости моего рассказа.

– Мы должны работать в рамках закона. Тебя не следовало задерживать. Но им говоришь, чтобы отрезали волосы, а они отрезают голову, – сказал он.

Увидев мою толстую книгу, он протянул руку, и я подал ее ему.

Он раскрыл ее наугад, и она, как на счастье, открылась на семнадцатой странице, на стихотворении «Жасымда гылым бар деп эсгермедим».

В это время вернулся запыхавшийся татарин.

– В чайхане нет этих людей, – доложил он.

– Ладно, ступай, – отпустил его начальник.

Затем протянул книгу мне.

– Читай, – сказал он, отодвинув в сторону бумаги, лежащие перед ним, и приготовившись слушать.

Первые четыре строки я прочитал наизусть, не заглядывая в книгу:

Жасымда гылым бар деп эсгермедим,

Пайдасын кёре тура тексермедим,

Ёр жетген сонг, тюспеди уысыма,

Кьолуму мезгилинден кеш сермедим.

(В молодости я не думал о знаниях,

Придавал им мало значения.

А когда повзрослел, они мне плохо давались,

Слишком поздно я спохватился.)

– Прочитай еще, – сказал он.

Я раскрыл книгу и начал читать:

Асау Терек, долданып, бууркянып,

Тауды тилип жол салгъан, тасты жарып,

Арыстандынг жалындай буйра толкын,

Айдахардай, бюктелип, жюз толгянып.

Это был перевод лермонтовского стихотворения «Терек».

Коменданта, как я узнал потом, звали Тюзелбай. Думаю, тот, кто дал ему имя, попал в точку¹. Было ему лет сорок.

– Ты в городе в первый раз, вряд ли сможешь добраться до колхозной гостиницы, до нее отсюда довольно далеко. К тому же, как видишь, уже поздно. Лучше переночуй здесь. Ничего не бойся. Ты не арестован, тебе не надо ничего подписывать. А завтра разыщем и твоих товарищей. Повторяю, ничего не бойся, двери за тобой запрут, а лампочка в комнате будет гореть, – сказал он и ушел, поручив меня татарину.

От его слов сердце мое стало на место.

«Османкул не зря сказал, что его подарок может мне пригодиться, так и случилось, он выручил меня из беды», – думал я, до самого утра читая книгу Абая.

Утром дежурный офицер открыл дверь моей «камеры» и выпустил меня. Я стоял на улице, не зная, что делать, куда идти, когда вдруг заметил наш колхозный грузовик, ГАЗ-51. Обрадовавшись, я подумал, что его прислали за нами. Но куда там! Подпрыгивая на неровной мостовой улицы Пушкина, грузовик проехал мимо. Я не стал дожидаться, когда он выедет на ровную дорогу, побежал, схватился за борт и запрыгнул в кузов. Шофер ничего не заметил. Машина тем временем выехала на шоссе и помчалась быстрее. Время от времени я осторожно поднимал голову и присматривался, желая определить, не в колхозную ли гостиницу мы едем. Вскоре, не доехав до разрушенной мечети, машина свернула на дорогу,

¹ Тюз – правильный.

ведущую в село Ровное. Поняв, что гостиница остается далеко в стороне и что шофер Баймахан вовсе не за нами приехал, я вскочил и забарабанил по кабине. Машина закачалась, как лодка на волнах, и остановилась, чуть не перевернувшись. Баймахан, выскочив из машины и увидев меня, долго стоял, не в силах вымолвить ни слова. Затем у него прорезалась речь, и он сказал:

– Твое счастье, что ты переселенец, а не казах. Иначе оторвал бы тебе башку!

Я столбом стоял в кузове, чувствуя себя виноватым. Баймахан произнес все ругательства, какие знал на русском, казахском, узбекском языках, а затем захохотал. Я понял, что наказывать меня он не будет.

– Слезай оттуда, балбес. Ладно, машина – колхоз себе другую нашел бы, но ведь мы сами чуть не убились из-за тебя! Откуда ты взялся, негодник? Вроде ты был со стариками, пригнавшими овец на базар? А где аксакалы?

– Не знаю.

– Как это не знаешь? Овец вы продали?

– Да, продали.

– Когда?

– Вчера.

– А потеряли друг друга когда?

– Вчера, после полудня. Я сейчас из тюрьмы сбежал. Старики зашли в чайхану, а меня арестовал помощник коменданта.

– Понятно. А что это у тебя за книга? В тюрьме теперь книги раздают? – засмеялся он.

Увидев в книге арабские буквы, он пожалел, что сквернословил и попросил у Аллаха прощения.

Я подробно рассказал Баймахану обо всем, начиная с того момента, как мы вышли из дома. Свой обед – айран в бутылке с деревянной затычкой и лаваш, который не успел еще съесть, он отдал мне. Сказать по правде, я был очень голоден. Пока я ел, он не промолвил ни слова. Затем весело рассмеялся.

– Не говори друзьям о том, что сбежал из тюрьмы, а то не избежать тебе прозвища «Беглец».

Убедившись, что я пришел в себя, он спросил:

– Интересно все же, где могут быть старики?

– Аллах знает, где они могут быть. Но они не уйдут, оставив меня здесь.

– Возвращаемся!

По дороге мы встретили Пахтая и его жену. Они сказали, что аксакалы у них.

– Бедные старики! «Мы потеряли мальчика, которого нам поручили. Как мы теперь вернемся в село? Нас было двое взрослых мужчин, за два дня пути мы не потеряли ни одну овцу. А человека потеряли! Как такое могло случиться?» – сокрушаются они. Не захотели ни есть, ни пить, так и сидят голодные.

Увидев, что мы входим во двор, старики обрадовались так, будто их

покойные родители вернулись с того света.

«В аул, в аул! Ишаков отправите назад с теми, кто придет на следующей базар», – заторопились они, и, закинув за плечи свои котомки, мы тронулись в путь. Пахтай проводил нас до сельсовета.

Когда, отряхивая с себя пыль, мы сошли с машины в центре села, там толпился народ. Подойдя поближе, мы увидели, что перед председателем стоит старая Анага и говорит ему:

– Пирсидатель, да возьми я твои болезни на себя, выслушай меня. Пятерых своих сыновей я отправила на фронт, от троих из них и сегодня нет никаких вестей. Отец их умер здесь. Старшая моя дочь живет в селе Энгбек. У нее пятеро детей, и муж ее тоже не вернулся с войны. Младшая дочь работает тут, в колхозе. У нее самой единственная дочь. Ее мужа, вот его близкого родственника (она указала на меня) расстреляли немцы на Кавказе...

Председатель Майлыкул посмотрел на меня и спросил:

– Это правда?

– Правда.

– Анага, говори, чего ты хочешь, – сказал Майлыкул.

– Клянусь Аллахом, если бы комендант разрешил мне выехать к сыну, я ни о чем не просила бы тебя. Но что нам, несчастным, делать – мы скоро умрем от голода. Коровы у нас нет... Да возблагодарит Аллах наших соседей-казахов, они дают нам и молоко, и айран. Но я хотела бы попросить немножко пшеницы...

Люди молчали, ожидая ответа Майлыкула.

– Бедная Анага, чем же мне помочь тебе? Все мы здесь – бедняки: и вон тот бедолага Шоктай, который никак не может завести свой трактор, и Пахтай, потерявший на фронте одну ногу, и даже Майлыкул, который днюет и ночует в седле, не в силах выполнить план по сдаче пшеницы, – сказал Майлыкул, и все засмеялись.

Затем он сказал:

– Анага, завтра я еду в Михайловку, я добьюсь разрешения для обоих твоих сыновей навестить тебя. А если хочешь, ты к ним поедешь. – Потом он повернулся к бухгалтеру: – Выпиши Анаге пуд пшеницы.

Майлыкул был хорошим человеком и хорошим председателем. Он одинаково уважительно относился ко всем рабочим людям, будь то казах или переселенец. К тому же он был настоящим мусульманином. Иногда он тайком заходил к нам и читал Коран, обычно суру «Йа-син». В нашем селе только молла Абдыкадыр и мы имели в доме Коран.

8 марта 1944 года, когда черные тучи застлали небо над всей Балкарией, в день, когда тревожно мычали коровы и выли собаки, предчувствуя беду, когда дети и старики, матери и вдовы плакали, не видя рядом отцов, сыновей, братьев, воюющих на полях сражений, когда для балкарских сел наступило светопреставление, я положил священный Коран в холщовую сумку, сшитую еще покойной матерью, повесил ее на шею и так ехал двадцать суток, пока мы не оказались в селе Теспе Свердловского района Жамбульской области Казахстана. Вот этот Коран, принадлежавший моей матери, и любил читать Майлыкул. Издан он был

сто сорок лет назад в Казани.

Баймахан рассмешил всех, рассказав, как меня арестовали и как я освобожден благодаря начальнику-казаху. Умолчал он только о том, что по моей вине чуть не перевернул машину.

Вечерело, и люди хотели уже расходиться, когда Майлыкул поднял руку, призывая к вниманию, и сказал:

– Я не знаю, что там думает комендант, но карачаевцам тоже надо пить-есть, надо жить. Их тоже создал Аллах. Я не хочу, чтобы из бескрайних степей Казахстана им был доступен только маленький отмеренный кусочек. Они должны иметь возможность жить и работать там, где хотят, пасти скот, пахать землю.

Он посмотрел на председателя сельсовета Кенжебека, как бы желая узнать его мнение.

Тот сказал:

– Мы договорились с комендантом, что карачаевцам разрешат посещать базар Тюймекента (Буденовки).

Все обрадовались.

Больше вопросов не было, и люди разошлись.

Зима 1947 года в Жамбульской области была очень холодная. Временами морозы достигали 40-45 градусов. Были случаи падежа скота, говорили, что особенно много пало овец и коз в Куме, где они зимовали на подножном корме.

Поэтому весной мне опять выпала дорога. Меня постоянно гоняли туда-сюда с различными поручениями. Может, потому, что меня некому было защитить? Правление колхоза послало Баймахана, молчуна Аманкула и меня в Кум, чтобы уточнить количество павшего и выжившего скота, а также привезти шкуры павших животных. Надо было ехать, пока еще стояли холода, иначе дороги развезет и машина застрянет.

К вечеру доехали до первого коша и заночевали там.

Нас встретил Жулабов Шаман, о котором я уже упоминал: он отморозил себе ноги, когда из Нальчика в Актопрак везли трупы троих доблестных сыновей Балкарии, погибших от рук немцев по наводке своих односельчан-предателей. Шаман недавно женился и на ферме работал со своей женой. В стаде у них было около пятисот овцематок. У них особо большого падежа не было.

На следующий день мы объехали три коша, посчитали остатки коз и овец, шкуры загрузили в машину и тронулись в обратный путь.

Мы ехали мимо Тюймекента, когда я заметил, что нас преследует какой-то всадник. Дорога была плохая, и ехали мы медленно. Было ясно, что он нас догонит, пока мы выедем на трассу. Стегая плеткой лошадь, всадник кричал: «Стойте! Остановитесь!» По тому, как он переваливался в седле из стороны в сторону, было видно, что он пьян. Лошадь у него была прекрасная.

Баймахан не любил людей в погонах. Долгое время он ехал, делая вид, что ничего не видит и не слышит. Я сидел в кузове, зарывшись в шкуры и нахлобучив по самые брови шапку-ушанку. Садясь в кузов, я боялся, что меня покусает клещи, которых много бывало у овец, но

опасения мои не подтвердились, видимо, они вымерли от холода.

В конце концов Баймахан не выдержал и остановил машину.

– Что нужно? – спросил он, выходя из кабины.

Всадник оказался работником комендатуры, казахом. Еле ворочая языком, он сказал: «Карашай, карашай».

Баймахан долго говорил с ним вежливо. Но тот не унимался. Судя по поганам и наглому поведению, он был не рядовым работником. В конце концов, отчаявшись что-либо объяснить ему, Баймахан собрался сесть за руль и продолжить свой путь.

Увидев это, пьяный работник комендатуры потянулся к кобуре. И тут Баймахан, человек решительный и смелый, не сдержался: он сдернул казаха с седла, повалил на мерзлую землю и отобрал у него пистолет.

Показав мне кивком, чтобы забирался в кузов, он сунул в руку казаха повод его лошади, завел машину, и мы поехали.

Аманкул, парторг, все это время сидел в кабине и ни во что не вмешивался. Он даже ни разу не посмотрел в сторону спорящих.

Из-за возникшего инцидента нам пришлось ехать в райцентр, сделав крюк в тридцать километров. Там мы нашли комендатуру, где сдали под расписку пистолет и семь патронов, предварительно написав объяснительную от моего и Баймахана имени. Меня ни о чем не спросили, никто не обратил внимания на то, что я был спецпереселенец. И опять молчун Аманкул все это время просидел в кабине.

В изгнании переселенцам от властей было мало пользы. Проявляли милосердие и оказывали нам помощь простые казахи и киргизы. Да и сами мы пытались жить, ни на кого не надеясь. Работали, старались учиться, с уважением относились друг к другу. Хорошую службу нам сослужило то, что язык наш был схож с местным, и то, что мы были единомыслители. Своих стариков, которые могли бы наставить молодежь, помочь нуждающимся, а также людей, на которых можно было опереться, в селе, где мы проживали, можно сказать, не было. Поэтому мы волею-неволею тянулись к местным жителям. А среди них, благодарение Аллаху, такие люди были.

Конечно же, не были одинаково хороши и добродетельны и сами переселенцы. Так, в нашем селе жили два брата, имевших весьма смутное представление о таких вещах, как честь, совесть, человечность. До переселения они были «штатными» осведомителями НКВД и лжесвидетельствовали против всех арестованных односельчан. Казахи сразу же раскусили их, поняли, что это – «курицы тех, у кого уродился урожай», и перестали считать за людей. Отвергнутые и своими, и чужими, так они и жили, унылые, словно упряжные волю.

Страдания, испытанные карачаевцами и балкарцами в 1943-1944 годах из-за сталинского геноцида, невозможно передать словами. Это может понять только тот, кто видел своими глазами.

Голод, нужда, насилие, побои, смерти, убийства – всего и не перечислишь...

Но рассказ мой будет неполон, если не скажу несколько слов о человеке, ставшем «виновником» моего ареста, о мужчине, продававшем

ручные мельницы. Прежде всего, меня поразил его голос – уверенный голос человека, убежденного в правоте своих слов. Он обладал какой-то невероятной притягательной силой.

Чем-то он напоминал мне голос Отарова Саида, моего учителя. В далеком Казахстане я не раз вспоминал его, человека, в первый раз посадившего меня за парту, научившего меня первым буквам.

Саид был среднего роста, симпатичен, хорошо воспитан; лицо его, казалось, излучало свет. В нем были сосредоточены все лучшие качества жителей Баксанского ущелья, откуда он был родом. Видя это, наши односельчане относились к учителю-поэту с большим уважением. И речь, и взгляд, и все повадки его были настолько приятны и достойны, что его нельзя было не любить, не уважать.

Но больше всего меня поразило то, о чем говорил продавец ручных мельниц: стоя на центральной улице большого города Жамбула, он без малейшего страха и смущения говорил по-балкарски собравшимся вокруг него соплеменникам о несправедливости, допущенной по отношению к ним, о тяготах жизни на чужбине, утешал их, призывал трудиться, не сдаваться, строить жизнь.

Откуда мне, мальчишке, не окончившему даже четыре класса, никогда не видевшему живьем ни одного поэта, кроме Саида Отарова, было знать, что этот человек, осмеливающийся говорить правду о несправедливых делах Сталина, Берии, Сулова, Кумехова, был – гордость Карачая, член Союза писателей СССР, награжденный орденом Трудового Красного Знамени, поэт-певец Исмаил Семенов? Откуда это было знать мальчишке, живущему в изгнании, говоря словами того же Исмаила, «как рыба, выброшенная на песок»?

Но это был он. Собрав вокруг себя людей, он говорил стихами, и каждая строчка его отпечатывалась в сердцах слушателей.

Позднее он сам написал о себе:

Было у меня такое время:

Ничего не боясь, вещал я правду,

Заставил я уважать карачаевский язык,

Далеко по свету разнес карачаевскую песню.

Стихотворное и песенное наследие Исмаила Семенова на протяжении пятидесяти лет было недоступно читателям. Более того, оно было разграблено. И огромной благодарности заслуживают люди, исправившие такое положение, издавшие его книги: Караева Асият, Кагиева Назифа, Лайпанов Билял, Суююнчев Азамат. Да и многие другие.

В августе 1948 года я и мой брат повезли молоко на сырзавод в Жетибай. На обратном пути неожиданно встретились с Османкулом. Он заставил нас зайти к нему домой, угостил, словно родной дядя. Наши братья казахи – очень гостеприимный и хлебосольный народ.

Османкул опять завел разговор о школе.

– Ты хочешь учиться, братишка?

– Конечно же, хочу.

Османкул достал ручку и тетрадь и начал что-то писать. Брат,

улыбаясь, подмигнул мне. Закончив, учитель подсел к нам поближе и сказал:

– Вот эту мою записку, не позднее чем через три дня отнеси и отдай директору интерната в Буденовке Лайпанову Алию. Заранее возьми в сельсовете справку, что ты сирота. Алий Каримович очень надежный человек. Я с ним встречался на августовском совещании учителей района и говорил о тебе. Он тебе поможет. А ты будь хорошим мальчиком, учись, торопись получить знания. Получишь образование – будешь жить, ни перед кем не унижаясь. Можно было бы тебе найти место и в нашем интернате. Но в Буденовке тебе будет лучше. («Никак не избавлюсь от этого Буденного», – мелькнуло у меня в голове.) Это поселок городского типа. Там живут русские, чеченцы, ингуши, казахи. В школах есть учителя-карачаевцы. К тому же, Буденовка недалеко от вашего села. На выходные сможешь ходить домой.

«Ассаламу гьалейкум, Алий-ага. Посылаю к тебе мальчика, о котором говорил. Не сомневаюсь, что поможешь. С уважением – Жылкыбаев Османкул, август, 1948 год», – говорилось в записке.

25 августа 1948 года я явился в Буденовку. На руках у меня не было никаких документов, кроме написанной по-казахски справки о том, что я сирота. Среди детей, стоявших в школьном дворе, я нашел еще несколько карачаевцев и балкарцев. Ахметова Хусея, Ахметову Байдымат, Сарыева Османа и Биджиева Солтана Алий Каримович записал в школу, меня – в интернат. Все пятеро будем учиться в одном классе. Но они будут ходить на занятия из дому, так как живут недалеко, а я же буду проживать в интернате.

Директор собственноручно вписал всех нас в школьный журнал.

На следующий день Алий Керимович отпустил меня на два дня домой, чтобы я поставил печать сельсовета на справке, которую он сам написал по-русски. Для того чтобы меня устроили жить в интернате, нужна была справка с печатью, что я сирота.

Когда мы жили на Кавказе, посыльным в актопракском сельсовете был некий Мырзабек, осетин. С приходом в село фашистов нашлись такие, кто устроил по этому поводу торжества. Мырзабек был одним из них. Даже мы, дети, понимали, что это плохо, и смотрели на происходящее с осуждением. Жанатаев Ахмат, самый маленький среди нас, спросил:

– Мырзабек, ты-то чему радуешься, ведь тебя советская власть вывела в люди?

Ответ Мырзабека всех рассмешил:

«Уйди отсюда, паршивец! Я столько танцевал под музыку советской власти, что все чабуры истрепались».

Несмотря на это, когда Кабардино-Балкарию очистили от фашистских захватчиков, за неимением других, еле умевшего расписываться Мырзабека назначили председателем сельсовета. Уже по одному этому можно было понять, до чего было доведено наше село.

Жена Мырзабека была балкаркой, и, не захотев расставаться с семьей, он по собственной воле переехал с нами в Казахстан. По слухам, печать сельсовета при переселении Мырзабек захватил с собой. Мои

родственники, почему-то решив, что для моей справки сгодится и она, посадили меня на лошадь и отправили к нему. Надо было проехать четыре села – Ынтымак, Юштёбе, Каракум, Кенгес, чтобы добраться до Кумбеля, где жил Мырзабек. Доехав туда, я разыскал его и объяснил, зачем приехал. Но этот нечестивец даже слушать меня не стал. «Ты думаешь, Советская власть отправила меня в Сибирь, не отобрав печать? Ты зря только потратил время, мальчик, нет у меня никакой печати», – сказал он и, повернувшись, вошел в дом.

Что было делать? Жалея о зря потраченном времени, голодный, с пересохшими от жажды губами, потеряв по пути одну подпругу, на уставшей лошади поздно ночью я вернулся домой.

На следующее утро, ни с кем не посоветовавшись, я пошел к председателю сельсовета Кенжебеку и объяснил ему, в чем дело. Ни слова не говоря (да воздастся ему на том свете за его добро!), он тотчас вызвал своего секретаря и выдал мне не одну, а две справки, с печатями и подписью. Одна была о том, что я сирота, другая – что проживаю в селе Теспе Свердловского района Жамбульской области.

Говорили потом, что Мырзабек сдал свою печать в соответствующие органы только по возвращении на Кавказ. Но никто ему за это спасибо не сказал, да и печать его, конечно же, никому была не нужна.

Однажды, как только прозвучал звонок, и учительница-корейка Наталья Григорьевна начала урок русского языка, меня вызвали из класса. Какой-то человек вручил мне повестку и сказал, что на следующий день я должен явиться комендатуру.

Я вернулся в класс, не понимая, в чем дело. Со мной за одной партией сидела казашка Айсулу. Толкнув меня локтем, она спросила, зачем меня вызывали. Я не ответил. Она переспросила еще. Учительница сделала ей замечание, но она никак не могла успокоиться. Прозвучал звонок, все высыпали на перемену. Выхватив у меня из рук повестку и прочитав ее, Айсулу сказала:

– Фи-и, да это помощник моего дяди майора Бейсова. Не бойся! Дядя, хоть и комендант, хорошо относится к переселенцам. Не веришь, спроси у Османа.

Ее слова меня несколько успокоили.

На следующий день, отпросившись у завуча, я отправился в Дихан, где была расположена комендатура. Заметив меня из окна, вчерашний парень, тот, что вручал повестку, махнув рукой, позвал меня в помещение. Во дворе стоял Мудар. Присутствие его здесь мне не понравилось, я сделал вид, что не заметил его, и зашел внутрь.

Дальнейшее подтвердило, что Айсулу говорила правду. Усадив меня на стул, майор Бейсов пригласил в комнату Мудара.

– Ты знаешь этого парня?

– Да, знаю, это Азрет.

– Как его фамилия?

– Жолабов.

– А как зовут его отца?

– Тапуш.

- Где он сейчас?
- Он арестован.
- За что?
- Не знаю, НКВД знает.

Бейсов протянул руку, и я подал ему свои документы: комсомольский билет и справку, выданную Кенжебеком. По ним выходило, что я вовсе не Жолабов Азрет Тапушевич, как утверждал Мудар, а Жулабов Юзейир Алиевич.

Комендант не спеша вытащил из ящика стола донос, написанный Мударом, и дал мне его почитать. Я не был удивлен этим. Еще на Кавказе я слышал от старших, чем занимался Мудар: доносил на односельчан, лжесвидетельствовал против них.

«Он из привилегированного сословия, они все ненавидели советскую власть, были кулаками. Этот юноша не достоин учиться в советской школе. Даже здесь он нарушает режим и выезжает без разрешения в город Жамбул», – говорилось в доносе. Написано было довольно складно и грамотно, было ясно, что писал он не сам, кто-то ему помогал.

Бейсов сказал Мудару:

– Даже если то, что ты написал, было бы правдой, мы должны помнить слова Сталина: «Сын за отца не отвечает». А этот юноша – вообще не тот человек, про которого ты пишешь. И имя, и фамилия, и отчество – все у него другое. Этот парень – комсомолец, хорошо учится. Никто не имеет права выгнать его из школы.

В подтверждение своих слов он зачитал характеристику, написанную директором школы Хасеновым, о существовании которой я даже не подозревал.

– Ты, – продолжил Бейсов, обращаясь к Мудару, – уже взрослый человек. И вместо того чтобы помочь молодежи, еле оправившейся от тягот войны, стремящейся получить знания, ты занимаешься таким грязным, недостойным делом! Если еще раз придешь ко мне по такому поводу, пеняй на себя! Именно из-за таких, как ты, ваш народ и выселили из родных мест. Ступай! – сказал он грубо, выгоняя его из кабинета.

Мне же он сказал:

– А ты, молодой человек, продолжай учиться, набирайся знаний, подтверждай свою характеристику. Не забывай: «Учение – источник знаний, знания – вечный свет».

С этими ласковыми словами он проводил меня.

Мудар, оказывается, ждал меня при выезде из села. Я, не останавливаясь, прошел мимо него. «Постой, не торопись, мы родственники с тобой, мне нужно тебе кое-что сказать», – заговорил он, но я только ускорил шаг.

Тогда он закричал мне вслед:

– Подожди еще, сван зобастый, я все равно сделаю так, что тебя выгонят из школы!

На мосту через Талас меня встретили Осман, Айсулу, еще несколько учащихся нашей школы. Когда я рассказал им о случившемся, все дружно рассмеялись. Во дворе интерната стояла встревоженная Сапыу. Кто-то ей

сказал, что меня вызвали в комендатуру, и она провела день, беспокоясь обо мне. Обрадовавшись, что я вернулся, она зовала меня домой, расспросила обо всем, накормила.

Больше меня никто не тревожил, и я без проблем доучился до восьмого класса, когда, как снег на голову, пришла неожиданная весть: интернат закрывают. В связи, как сказали, «с невозможностью обеспечить учащихся одеждой, едой, дровами» (была уже зима). «Если перед несчастным поставить еду, у него из носа кровь пойдет». Так и случилось.

Ближайшая школа была в Туюмекенте. От Теспе до Туюмекента – семь километров. Если перейти через речку, дорога короче. Летом это можно было сделать – вода доходит до груди. Зимой же переход через незамерзающий горный поток становится невозможен. А в обход выходит целых десять километров. Ежедневно проделывать такой путь мне было не по силам. А учиться надо. Хотя бы назло Мудару. Как говорится: «Кто ни с кем не соперничает, тот мужчиной не станет».

В воскресенье я отправился домой. На полпути меня верхом на лошади догнала односельчанка Гюльбала. Говорили, что еще осенью она по дешевке купила в Туюмекенте у своих родственников заброшенный домик для своих дочек, чтобы они имели возможность учиться в русской школе. Натянув поводья, она остановила лошадь и предложила мне подсесть к ней. Я с детства любил верховую езду, но слыханное ли это дело – садиться на одну лошадь с женщиной? Я отказался. Она поняла, почему я отказываюсь, и уже властным голосом, будто была моей родственницей, приказала: «Садись, я тебе говорю!» Пришлось послушаться. Лошадь была откормленная, круп у нее был мягкий, теплый. По пути я рассказал ей, что еду домой, чтобы сообщить родственникам о закрытии интерната. Эта умная женщина сказала, что любым способом надо попытаться закончить десять классов. При въезде в село я соскочил с лошади. Доехав до своего дома, Гюльбала спешила и сказала мне:

– Садись на лошадь и поезжай к себе. Накорми и напои ее. Седло не снимай, пока пот не просохнет. Если есть, дай ей торбу комбикорма. – Наставления ее были похожи на мужские. – Пусть кто-нибудь из ваших взрослых придет и встретится со мной. В домике, который я купила, есть отдельная маленькая комнатка. Ты сможешь жить там.

Вручив мне поводья лошади, она добавила:

– Будь здесь рано утром, чтобы не опоздать на занятия.

Домашние мои очень огорчились, узнав о закрытии интерната. Но когда я передал им слова Гюльбалы, Шаман вскочил и тотчас отправился к ней. Вернулся он, обо всем договорившись. Он обещал Гюльбале, что мы будем в год давать ей одну овцу и два центнера пшеничной муки. Кроме того, время от времени будем снабжать ее молочными продуктами. В то время, по сравнению с другими, мы жили довольно хорошо. Стадо овец в пятьсот голов, было, можно сказать, в нашем распоряжении. Было у нас и несколько коров. За молоко, за шкуры, за приплод нам платили по хорошему расценкам. В доме было так много пшеницы, что мы хранили ее в больших деревянных ларях. Мешками пользовались только тогда, когда ездили на мельницу. Жили мы в соответствии с требованиями

мусульманской веры, в мире и ладу с братьями-казахами, ко всем относились доброжелательно, трудились, получали трудодни на шесть человек. И, благодарение Аллаху, всего у нас было в достатке.

В понедельник утром, встретившись, как договорились, мы с Гюльбалой поехали в Тьюмекент. А после обеда, перетащив свои спальные принадлежности и книги, я уже обустроился на новом месте. При расставании наши наложили на меня много обязательств: жить согласно нашим обычаям, быть воспитанным, помнить, что честь и добропорядочность обязательны как для мужчин, так и женщин; хорошо учиться, поддерживать связь с карачаевцами, не курить. Всего и не перечислить.

Летние пастбища колхоза были расположены на берегу реки Талас. С мая по октябрь мой брат Азрет возил молоко с фермы на завод. И каждый раз он завозил Гюльбале ведро молока, иногда сметану. Она раз в два-три дня сбивала масло. Для женщины, живущей почти в городских условиях, это было большим подспорьем.

Через неделю учащихся интерната перевели в сельскую школу. Начались занятия. По русскому языку и литературе нас учил Алий Лайпанов, по физике – Кара Кипкеев, по математике – Магомет Тоторкулов. Национальный состав учащихся был пестрый, большинство – казахи и русские.

Кроме учителей, которых я назвал, были в селе еще карачаевцы, занимавшиеся кто чем. Все они были трудолюбивы, принимали активное участие во всех делах села. На отшибе жила одна семья из Баксанского ущелья. Были в селе также чеченцы, но они не любили работать в колхозе, в основном занимались торговлей.

Живя с братьями-карачаевцами (к слову сказать, моя прабабушка по матери – карачаевка, Дудаева), я чувствовал себя очень уверенно, у меня никогда не возникало чувство одиночества. Все они, старые и молодые, были очень добры ко мне, не жалели для меня ни хлеба-соли, ни добрых слов. По сей день я прошу у Аллаха райских куш для Тоторкуловой Апалач, Кипкеевой (Чипчиковой) Сапыу и многих других.

У казахов есть такая поговорка: «Сделаешь добро хорошему человеку – не забудется вовек. Сделаешь добро плохому человеку – не хватит и на один день».

Благодарение Аллаху, ежедневно опекаемые своими карачаевскими братьями, мы все, пятеро балкарцев, окончили десять классов наравне с другими и получили аттестаты.

Шел 1955 год. На дверях комендатур висели замки, переселенцам больше не надо было там отмечаться, в пределах республики они теперь могли передвигаться свободно, никакого разрешения ни у кого брать не требовалось. Я собирался поехать в Алма-Ату, поступать в университет.

Перевод с балкарского Хыйсы Джуртубаева

ЧЕРКЕС

Поэма¹

...Она ушла, и на пять дён²
Я перепутал явь и сон.
И караулку мерил шагом,
Но вдруг ко мне пришел Явор
Дурная весть, как на бумаге,
Читалась на лице его.

Казался поседевшим вмиг
Бедой измученный старик.
Он рассказал, как утром сонным
Бежала дочь по мглистым склонам.
Он долго ждал ее и сам
Искал, блуждая по холмам.
Ночь горы темнотой укрыла,
Но не пришла домой Людмила.
Тут все вскочили на коней,
И долго рыскали кругом.
Через завалы из камней,
Через утесы, бурелом.
Кричали имя наудачу,
Но горы отвечали плачем.

И даже луч дневного света
Не отыскал родного следа.
Наверное, оскалив зубы,
Терзал красу ее шакал,
А, может быть, в объятьях грубых
Медведь свирепый изломал,
А, может, в озере, на дне
Она почила в сладком сне.
А что теперь? В деревне чешской
Легко найдешь пустую хату,
В союзе с хмелем. Дико, дерзко
Ползут побеги через двери,
Явор во мгле зелено-серой,
Что твой паук над паутиной.
Главы уставшей седина
Над древней книгой склонена,

Оцепененье сводит спину.
Как будто из могилы взгляд
И отвечает невпопад.
Вот так. Душа моя объята
Тоской, и другу не спасти
Лозы бывшего винограда,
Что гложет червь в моей груди».

Путь продолжался, но без слов.
Уж солнце скрылось за горами,
И светло-розовый покров
Стал темно-рыжим под ногами.
На дне ущелий тьма чиста,
Леса дыханьем черным дышат,
И, поднимаясь выше, выше,
До звезд стараются достать.
Какая глушь! И лишь искра
Летит порою от подковы,
Да волки плачутся в горах
О волчьей участи суровой.

За валуном блеснуло. Гром
Загрохотал в лесу ночном.
Вскочили кони на дыбы
От свиста пуль и от пальбы.
В ответ словцо, что крепче плетки,
Да пара выстрелов коротких.
Старик узду свою рванул,
Слетел с коня и к валуну
С блестящей саблей над челом.

¹ Окончание (начало см. в № 5, 2014).

² Дён – (устар.) дней.

Юнец отточенным клинком
 Махнул крест-накрест пару раз,
 И схватка насмерть началась.
 Проклятья, крики, звон клинков,
 Да скрежет стиснутых зубов.
 Бой стих. Кого-то торопливо
 Приволокли два казака.
 Старик вздохнул, достал огниво
 И осветил его слегка.
 Высокий шлем, густые брови,
 Да очи, налитые кровью.
 Усы под крючковатым носом
 И зубы с белоснежным блеском.
 Казак ногою топнул оземь:
 «Неужто это бес черкесский!».

Поправив у коней подруги,
 Зажгли костер, и в ярком круге
 С высокомерным интересом
 Смотрели вместе на черкеса.
 Как он с трудом поднялся, сел,
 Как острый шлем его блестел.
 Как отсвет отраженный тек
 Вокруг небритых, бледных щек
 По бармице¹ – железной ткани,
 Нарочно сотканной для брани,
 Как крепкая его кольчуга
 Скрывала силу мышц упругих,
 И как в прорехе рваной вдруг
 Пестрел нательный архалук².
 Веревка руки за спиной
 Светла под буркой меховой
 В кровавых пятнах. Он напрасно
 Носил железо без числа:
 Из-под колена кровь текла,
 Покрыв доспехи краской красной.
 На поясе пустые ножны,
 А сабля на траву упала,
 Сверкая синевой тревожной.
 С ней рядом рукоять кинжала
 Гранатом огненным краснеет,
 Как око сказочного змея.

Винтовка длинная нашлась,
 И щит, а на щите том вязь
 Из букв, что в свете нет древнее.
 Сидит, не двигаясь, невольник,
 Расправив плечи широко,
 И ни отчаянья, ни боли
 Не видно на лице его.
 Застыла каждая черта,
 Как в мраморе, упрямой злобой,
 Блещут очи, им подстать
 Усмешка бродит возле рта
 С пренебрежением бессловным.

И долго так сидели вместе
 Глухим молчанием объята,
 Потом, устав от гордой спеси,
 Старик окликнул супостата:

«Ну что за бес тебя прислал
 В чертог безбожных этих скал?
 Орлы и волки правят тут,
 Да кости горские гниют?
 Ужель нет страха пред петлею,
 Да пред сибирскою землею?»

Черкес молчал. И мысль проворно
 Чертила за строкой строку
 На лбу. Он посмотрел задорно
 И так ответил старику:
 «Ну, что ж, гяур. Тебе откроюсь,
 Ведь ты состарился в седле.
 Клинки не раз горячей кровью
 Писали на твоём челе.
 Тебе положено по чину
 Знать счет героическим делам,
 Когда мы дрались за Отчизну,
 За землю, волю и ислам.
 Как вы здесь сеяли страданья,
 А мы – проклятья вместо дани,
 Да пули слали вам вдогон.
 И было войско ваше стадом,
 А флаг был черепом клеймен.

¹ Бармица – элемент шлема в виде кольчужной сетки, обрамляющей шлем по нижнему краю. Закрывала шею, плечи, затылок и боковые стороны головы; в некоторых случаях грудь и нижнюю часть лица.

² Архалук – от тюркского аркылык – кавказский плотно прилегающий к телу кафтан с высоким стоячим воротником. Для шитья архалуков использовали кашемир, атлас, сатин. На поясе архалук дополнялся кушаком.

О, как же память нынче рада
Вернуться в те бои былые.
И лишь солдат послушных рати,
Да ваши пушки громовые
Оружье вырвали у братьев.
Смирились мы, но не поддались,
Народ колен не преклонил
Ярмо отринул и на скалы
Слезу разлуки уронил.
И за море наш путь пролегал,
К единоверцам, на Восток.
Но я сказал: «На что мне воля
Без гор, где предков наших прах,
Пусть узнает подлый враг:
Я жить ему здесь не позволю!
За то, что изгнан мой народ,
Я покараю пришлый сброд.
Я кровной мести посвящу
Кинжал и жизнь, я отомщу!
Друг звал меня в чужие страны,
Но я поклялся на Коране.

Пришли фелюги от османов,
И я глядел во все глаза
На толпы в гавани туманной,
На мачты и на паруса.
Видал, как ходят по волне
Челны качающимся клином,
Костюмов пестрых мешанину
Еще на нашей стороне,
Как по веревкам, по канатам
На борт карабкались мужи,
Мелькали сабли и ножи,
Да старцев ветхие заплаты,
Как те в комок смешались пестрый,
Кого я знал наперечет:
Отец мой, мама, братья, сестры,
Весь наш аул, и весь наш род.
Еще на берегу явился
Последний образ предо мной:
Взмахнули черные ресницы
Над белоснежною чадрой,
Горам рукою непослушной
Был послан поцелуй воздушный.
Стал берег скорбным и унылым,
Лишь ветры парус запрягли,

А якорь заскрипел вдали,
Волна вскипела за кормилом,
В путь устремились корабли.

Я истуканом на вершине,
Недвижный и недостижимый,
Стоял и видел глазом острым
Сестер и братьев в давке пестрой,
Кого любил я всей душой.
И тут, в тысячегласном хоре
Над серым, безразличным морем
Напев родился громовой.
Горел закат. Под парусами
Они знакомой бухтой шли.
Вдруг море вздыбилось волнами
И тучи свет заволокли.
Гроза взревела, и мгновенно
Враждебной сделалась вода,
А вспышки высветили сцену,
Что не забыть мне никогда.
Небесный свод хлестал огнем,
А я следил за кораблем.
Горела мачта, к небу руки
Тянулись в ужасе и муке,
Как будто черную утробу
На миг отверз крутой утес,
К нему течение понеслось,
На людях вымещая злобу,
И всех своим крылом накрыл,
Спустившись с неба, Азраил.

Я снизу слышал рев прибоя,
И за селенье родовое,
За белый образ величавый,
За друга, за былую славу,
За братьев, за семью мою
Недвижно стоя на краю,
Я пел «Ясин», и все мы знаем,
Что этой суры письмена
Зывают ангельские стаи,
И те несут на раменах¹
Людские души в кущи рая,
Крылами ясными блистая...
Закончив, я достал кинжал,
Прижался жаркими губами,
И отомстить пообещал
В который раз пред небесами.

¹ Рамена – (старин. высок. поэт.) плечи

Я долго ждал, чтоб опустели
 И обезлюдели леса,
 Дымы исчезли, голоса,
 И в скалах прятался без цели.
 Потом спустился и в глаза
 Меня ударил мир просторный,
 Где вверх тянулся темный лес,
 Где в яркой синеве небес
 Кружился сокол точкой черной.
 Один я в этом мире был –
 Наследник дедовских могил.
 Бродил я долго по горам,
 У родников, где поутру
 Беспутный ветерок срывал
 Когда-то девичью чадру.
 По тропам, что укрыли травы,
 Бывал в аулах бездыханных,
 По кладбищам вчерашней славы,
 Где вьюн теперь плетет турбаны.
 Под саваном зеленым стынут
 Места, где резвые девицы
 Любили петь и веселиться
 Под звуки пестрых тамбуринов¹.
 Теперь здесь только мотыльки...
 Везде, куда носили ноги,
 Я нож от скуки и тоски
 Точил о старые пороги.
 Аллах Велик! Я напою
 Свой верный нож от жажды
 хмурый,
 Идите в сторону мою,
 Добро пожаловать, гяуры!

Вдруг скрипнули на голоса
 Кривой арбы два колеса.

Два грека ехали домой
 В красивых фесках с бахромой,
 Глаза раскрыты широко,
 Как у голодных канюков².
 Те двое – был мой первый дар:
 Птенцы добычей смерти стали.
 Один нарвался на удар,
 Другой упал от острой стали.

Скакал я по чужому следу,
 Вдруг вижу: армянин верхом
 В каракулевой шапке едет,
 В чухе, скрепленной серебром.
 Два рукава свисали прямо,
 Чуть задевая стремяна.
 Он молодой, прекрасной даме
 В тот миг принадлежал сполна.
 В Новороссийск невесту вел он,
 Красою дивной околдован.
 Овеян неземною силой
 Был свет ее огромных глаз,
 Ресницы этот свет глушили,
 Огнем играли всякий раз,
 Качаясь, тонкие подвески,
 И легче чем ночная мгла
 Вуаль на локоны легла,
 Спасая их от взглядов дерзких.
 Как обольстительно, как притко
 В седле качался тонкий стан,
 И как дразнил из-под накидки
 Украдкой розовый сафьян!
 Признаюсь, прежде я не знал,
 Сколь башмачок бывает мал.
 Ни облик дивный не сберег,
 Ни радостное воркованье.
 В лесу свершил обряд венчанья
 Мой окровавленный клинок.
 Волна у горного подножья
 Укрыла их на брачном ложе.

Полны пещеры мертвецами.
 Напрасно пожилой еврей
 Давал дрожащими руками
 Мне столько дорогих вещей!
 Кинжалы старого закала,
 С отливом, как туман под утро,
 И слезы млечных перламутров,
 И самоцветы, и кораллы
 Из Персии, из Индостана,
 В обмен на свой живот поганый!
 Порой урусам я без битвы
 Под сердце всаживал кинжал,
 Порой поповские молитвы
 Я в рот застывший загонял.

¹ Тамбурин – бубен.

² Канюки – хищные птицы семейства ястребиных.

И часто выстрелом удачным
Разил я головы казачьи.
Но пуля как-то раз прошла
В обход казачьего чела.
И мы сошлись к лицу лицом
У пропасти глубокой с краю,
То саблями наотмашь бьём,
То ненадолго отступаем.
Нам бездна не страшна теперь:
Сомкнув железные объятия
Мы стали, как единый зверь –
В глазах огонь, во рту – проклятья.
Уж перед взором кровь и муть,
Аллах Велик! И я на грудь
Колено ворогу поставил,
Ударил слева острой сталью,
Рукой правой не владел я...
Застыл навеки злобный глаз,
Я сбросил труп, окончил дело
И надо мною свет погас.

Когда ж очнулся, мир живой,
Недвижный, будто бы во сне
Увидел я, и голубой
Цветок звенел о чем-то мне.
Лазурь сияла превысоко,
И черепаха панцирь свой
Тащила по траве густой,
И мак смотрел пунцовым оком.
И свился в круг ползучий гад,
Одетый в радужный наряд...
На все смотрел я взглядом вольным
И дух парил над миром дольным.

Тут девушка явилась вдруг,
Затмив красою все вокруг.
В костюме странном. У виска
Дрожал луч солнца золотой,
Проста, невинна и легка,
Она светилась чистотой.
Ко мне Ризван, должно быть,
строгий
Ее направил по ошибке,
Но этот мир, что создан Богом,
И даже райские чертоги
Я б отдал за ее улыбку.
Меня увидев, отступила.

Глаза зажмурил – подошла,
И словно ангела крыла
Повеяли могучей силой.
Взглянул наверх и в синем зоре
Я утонул, как тонут в море.
И взгляд сочувствия был полон
Да так, что не хватало места,
А губ рубиновые волны
Глагол носили неизвестный.
Она промолвила: «Черкес», –
Потом к губам прижала перст –
Вовек не выдаст ангел друга –
Схватила шлем измятый мой,
Бегом пустилась за водой,
Вернулась скоро, кровь обмыла
И жажды пламень погасила,
Потом перевязала туго
В бою израненную руку.

Мой тяжкий подпирала шаг
К пещере старой, что тайком
Отшельник вырыл кое-как.
Устлала пол травой и мхом,
И бурку разложила вмиг.
Когда ж склонила чудный лик,
Мне слезы помогли понять:
Она сюда придёт опять.
Являлась утром. Шелестела
Ветвями, что скрывали вход
И посреди соцветий белых
Я видел лик ее. Идет,
Даруя мне и жизнь, и силу,
Спаситель мой, мой ангел милый.
Она носила мне еду,
Слова шептала утешенья,
И взгляд лазурный на беду
Мне выдавал ее волнение.
Заботою и лаской полн
Был этот взгляд ее простой,
И о любви забытый сон
Вновь зашумел над головой.

Аллах свидетель! До зари
Она пришла, как ясный свет,
Я загорелся изнутри
На слово доброе в ответ.
И на цветы пунцовых щек

Ей снег покровом белым лег.
 Аллах свидетель! В эти дни
 Рукой пошевелить не смел я,
 Ведь, если рана не саднит,
 Рука не выдержит безделья,
 Вдруг ночью беспокойной, вязкой
 Во сне я распустил повязку,
 В руке почуяв сердца стук,
 И устремилась кровь по жилам,
 Наполнив мышцы прежней силой.

Я был здоров. Надел доспехи,
 К горам отправился пешком,
 Где облака, устав от бега,
 Скалу окутали кругом,
 Как будто траурной вуалью,
 А день серчал грозою дальней.
 Блуждал, искал аул знакомый,
 Но не нашел я ни следа
 Ноги черкесской, лишь густа
 Трава росла на стежках к дому.
 И дерева ряды сомкнули
 Да так, что не пройдет косуля.
 Гниет валежник на могиле,
 И там и тут белеют кости,
 Которые ночные гости
 Когтями острыми отрыли.
 Там дедов череп я с трудом
 Нашел, опутанный вьюном.
 О, как жестока ты, природа,
 К наследству моего народа,
 И даже к памяти о нем!
 К земле, к заброшенной могиле,
 Что без доски и без знаменья.
 Под терном, пнями, под камнем
 Погибло все, что мы творили.
 И звук имен, и боль, и счастье
 У пустоты теперь во власти.
 И даже в шепоте дубов
 Не разобрать черкесских слов.

Печальный кончился спектакль,
 И шторм ночной пришел в долины,
 Все как тогда, когда в пучине
 Пропал навеки наш корабль.
 Я пел «Ясин» наперекор
 Безумству этой бурной ночи,

И подпевал за строчкой строчку
 Мне ангелов небесный хор.
 Казалось, с каждым словом к небу
 Выходит стон из древних склепов,
 Как будто духи праотцов
 Из-под земли со всех концов
 Сквозь ураган и вширь, и ввысь
 За мною стрелами неслись.
 Невиданный доселе сбор,
 Орда неисчислимых духов
 Летела водопадом с гор,
 Уже сама природа в ухо,
 Стращая громом вновь и вновь,
 Мне пела: кровь, и кровь, и кровь.
 И я, как демон над землею,
 Быстрее смертоносных стрел
 Спешил вперед, когда за мною
 Рой страшных призраков летел.

В пещеру я пришел с зарей,
 Присел. Оружье под рукой,
 Наполовину обнажен
 Торчит клинок из ножен вон.
 На рукояти свет граната,
 Как будто глаз владыки ада.

Она явилась, хлеб и воду
 Мне принесла. Была так рада,
 Что я здоров. Перед уходом
 Растерянным смотрела взглядом,
 И я узнал в глазах раскрытых
 Свою счастливую планиду.
 Вокруг нее сомкнул я руки,
 И песню страсти неземной
 Она, пропев в сердечном стуке,
 Прильнула дикою лозой.
 Я лик ее поцеловал
 И справа выгашил кинжал,
 Одним ударом верным, чистым
 Ей грудь пронзил легко и быстро.
 Она упала. В миг последний
 Власы ее...» – на полуслове
 Он застонал. Немой, бескровный
 Младой казак, склонив колени,
 Стоял над пленником, дивясь,
 Как по клинку струится вязь
 Багровою, горячей пеной.

В печали пожилой казак
Черкесу посмотрел в глаза
И со стыдом, терзавшим душу,
Шепнул юнцу: «Был безоружен».

И тут черкес сказал, слабая:
«Спасибо. Смерти я желал
И честный призывал кинжал,
Теперь меня, как лиходея
Урус не поведет к позору,
А вздох последний примут горы.
Еще прошу вас: часто в деле
Мы дрались честно и кроваво,
А, значит, шрамами на теле
Я заслужил почет и славу.
Могилу выкопайте мне
В родной навеки стороне,
Чтобы без пут я в ней лежал,
Свободно, головою к Мекке,
И были на груди доспехи,
И щит с винтовкой, и кинжал.
Лежать подруге рядом должно,
То будет сабля, но без ножен.
Стихом, что на клинке написан
Пусть она грозит Иблису.
Потом сровняйте холм с землей.
Без страха пусть идет домой
Гяур, не ведая, что здесь
Ждет судных дней один черкес».

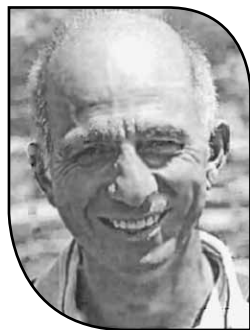
Едва рассвет окрасил горы,
Казачи под откосом споро
Отрыли саблями могилу.
Похоронили, как просил он.
И вдаль поехали верхами
Лесными дикими холмами.

Перевод с чешского А. Пряжникова

Кирилл ЛАДУТЬКО

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЛИДЕР – РУССКИЙ ЯЗЫК...

Многообразие дагестанского культурного мира складывается из разных национальных культур и литератур. Марат Гаджиев, издающий в Махачкале газету «Горцы», создал и Кавказский дом перевода. Среди других проектов литератора и издателя Марата Гаджиева – и книжная выставка-ярмарка, которая уже стала традиционной в Махачкале, и на которую дагестанские книжники приглашают и белорусских издателей. Оснований для этого предостаточно. В Минске в литературно-художественных журналах на русском и белорусском языках выходят стихотворения аварских, лакских, даргинских, лезгинских, кумыкских поэтов. Белорусские переводчики работают над антологией современной поэзии народов Дагестана. Обо всем этом – наш разговор с Маратом Гаджиевым.

– Дагестан – республика, край, можно сказать, страна, собравшая под своими сводами разные народы. Как это обстоятельство отражается на развитии национальных литератур Дагестана?

– Это действительно большое богатство, и мы все время ждали и продолжаем верить, что оно двинет нас куда-то на высокую орбиту. Ждем с момента первых дагестанских съездов писателей. Судя по воспоминаниям и документам 20-х, 30-х и даже послевоенных лет писатели и переводчики делали невозможное. Сегодня многие из произведений тех лет кажутся очень наивными и прямолинейными. Но это сегодня мы такие мудреные и любим усматривать идеологические заказы. Очень часто приходится слышать, что дагестанская национальная литература состоялась только благодаря государственному заказу на имена. А что собственно в этом плохого? Вот сейчас мы, по мнению столичных литературных журналов, глухая провинция.

Собственно, мы сами в это поверили. Но, при всей сложности, в Махачкале заваривается интересная «каша». Это на фоне общего спада интереса к книге и укоренившейся кавказофобии, а что еще печальнее – вытеснения русского языка. Так вот «каша» получается отчасти протестная и очень круто замешанная. Тяжелые ситуации только закаляют. В нас разбудили желание состояться несмотря ни на что. В наших дальних селах живет еще первозданная чистота и сила. Сегодня дагестанские сетевые маньяки соревнуются в материалах и находках из прошлого, пишут, фотографируют, записывают все, что еще стоит, живет, танцует и поется. За три десятка лет тишины – это прорыв к неизведанному. Трудно обработать весь информационный поток, но, безусловно, внутри него видны будущие ориентиры национальной литературы. Необходимо дать толчок национальным языкам, которые остановились в своем развитии в 50-х годах прошлого века. В языковую речь в советское время вошли десятки слов из русского языка,

а теперь из арабского, английского. В былые времена это происходило не так быстро.

– Есть ли среди литератур Дагестана лидер?

– Единственный лидер – русский язык. Трудно и, наверно, неправильно оценивать в количественном соотношении литературные произведения или писателей того или иного народа. Есть, безусловно, процессы внутри национальных литератур и они не тождественны. Единственное, что их объединяет, – желание не раствориться и сохранить свой язык. Это желание, как правило, уводит от проблемы поддержки качественной литературы. Речь о силе слова. Нужен мощный толчок, сравнимый с тем, что происходило после Великой Отечественной войны. Речь не о войне, а факторе влияния литературы на массы. Жизнь после войны, или документальная проза, определила творчество нескольких поколений писателей.

Тот, кто быстрее избавится от периферийности, потянет свой национальный поезд вперед.

– Как часто поэты, прозаики разных народов Дагестана переводят друг друга? Является ли это традицией или скорее – исключением из правил?

– Да, переводы – любимая тема в нашей литературной жизни. Но, опять же, качество их оставляет желать лучшего. Великие переводчики советского периода живут в книгах и воспоминаниях. Создание переводческой школы – это рефрен, звучащий на всех литературных собраниях. Иногда, взяв современную книгу в руки, думаешь, лучше бы не переводили.

– Мы в славянских странах, бывших советских республиках, больше всего знаем, пожалуй, Расула Гамзатова... Насколько он почитаем сегодня?

– В прошлом году широкомасштабно отмечался очередной юбилей народного поэта Дагестана. Он почитаем настолько, что иногда чувствуешь перегибы. Очень усердствуют в этом власти, которые, кроме как Расула, в литературе никого не замечают. Его именем уже назвали все что можно.

Но если серьезно говорить о влиянии его поэзии на современного читателя, то складывается очень печальная картина. Поэзию вообще мало знают и читают. Расул Гамзатов был самый известный поэт Кавказа за рубежом до 90-х годов XX века, а дальше наступает провал. Многотысячные тиражи советских писателей делали свое дело, а сегодня спонсорской помощи хватает на несколько сот экземпляров. Все совпало в судьбе Расула, и трудно представить, что сегодня кто-то поднимется на подобную высоту.

– Кстатти, а сколько языков современного Дагестана обладают письменностью? У всех ли народов, обладающих письменностью, одинаково активно развиваются национальные проза и поэзия?

– На сегодняшний день существует 14 письменных языков Дагестана. Перечислю, если вы не против, по алфавиту: аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, русский, табасаранский, татский, ногайский, рутульский, цахурский и чеченский. Если учесть, что письменность агульского, рутульского и цахурского языков оформилась сравнительно недавно, буквально несколько лет назад, то вы понимаете, какие разные задачи стоят перед учеными и литераторами

разных национальных групп. Но это не значит, что у бесписьменных народов отсутствует литературное слово. Существует устное творчество, дореволюционная арабоязычная письменность, которая давала возможность раскрыть творческим людям свои возможности. Но приход русской письменности, особенно в первые годы, дал мощный импульс для развития литературы. Совсем другое дело – последнее десятилетие. Думаю, что пока на поверхности очень редко видны настоящие волны, но чувствуется, что вот-вот поднимется что-то очень существенное. Нельзя определенно сказать – будет ли это типично дагестанская проза или поэзия или некий результат общемировых веяний. От жизнеописания маленького человека литература стремительно уходит в сторону широкомасштабных полотен. Исторические перспективы для национальных литератур дадут импульс для развития искусства и в конечном итоге – для буксующей ныне экономики. Кто мы в этом мире? Мы, в смысле: человек, народ, культура, страна, человечество.

– Есть ли писатели, которые кроме родного языка, используют в своей литературной работе русский язык?

– Большинство писателей. И это характерная черта времени.

– А внимательны ли к современному развитию национальных литератур Дагестана русские переводчики, которые работают в Москве, Санкт-Петербурге, других городах России?

– Они не то что не внимательны, совершенно не привлечены к этой работе. И в этом виноваты мы сами. Не даем, где разгуляться. Каждый из писателей, как после кораблекрушения, пытается спастись в одиночку. Не то чтобы они погибали без переводчиков, но о серьезной работе со специалистами и не думают. Переводческой деятельностью в Дагестане занимаются три, четыре человека, которые как под копирку выдают «шедевры».

– В условиях всемирной глобализации не поубавилось ли читателей, обращающихся к национальным литературам на родном языке?

– Вы правы, новые поколения выбирают китайский язык. Будете смеяться, но это правда времени. Традиционный читатель, читающий живую книгу, уходит. Молодежь больше передвигается и читает со своих телефонов на каком угодно из языков. Эти всемирные языки адаптировали свои литературы под гаджеты, и нам надо как-то устоять.

– Вы создали общественную организацию, объединяющую переводчиков Дагестана... Расскажите, пожалуйста, о ней поподробнее...

Прошел год, как мы открыли общественную некоммерческую организацию Кавказский дом переводов. Работа строится по двум направлениям. Первое, безусловно, – создание переводческой среды на Кавказе. Мы не ставим узкую цель переводить только аварскую или кумыкскую поэзию, все должно быть шире. У нас общие беды, и справиться можно только сообща. Переводить не только с национальных языков на русский, но и, скажем, на немецкий или тот же китайский.

Чтобы это было возможно, я планирую заложить Дом где-нибудь в горах, куда сможет приехать китайский или белорусский переводчик и поработать. Для специалистов это возможность попутешествовать и поработать. Подобное в Европе есть давно. Проект долгосрочный и потребует

кропотливой работы: под тенью уже известных переводчиков взрастить молодых специалистов. Это поможет добиться открытия переводческого отделения на филологическом факультете Дагестанского Государственного университета.

– ***Вы еще и учредили книжную выставку в Махачкале. Несколько слов об этом проекте...***

– Все очень просто. Когда ты создаешь газету и ставишь ее на ноги, приходит понимание, что она, в силу разных причин, не доходит до твоего читателя, начинаешь думать, как поступить дальше. У меня одна жизнь и я не хочу потратить ее на мелкие шарахания по киоскам и районным администрациям с просьбой о поддержке Кавказской литературной газеты. Если начать объяснять каждому чиновнику о важности литературного чтения, это породит только уныние и желание все бросить. А мне уже никто не позволит бросить «Горцев». Вот и подумалось мне три года назад о таком книжном форуме в Махачкале.

Надо сказать, что первый блин не вышел комом, и мы на энтузиазме провели книжную ярмарку «Тарки-Тау 2012». Тарки-Тау – это гора, у подножия которой находится столица Дагестана.

Дагестанская книжная ярмарка «Тарки-Тау» ставит перед собой большие задачи и ориентируется на отечественный и зарубежный опыт. Цель проекта – изменить ситуацию в образовании и воспитании подрастающего поколения. Учитывая спад интереса к книжной культуре и издательской деятельности, снижение требований, предъявляемых к авторам и типографиям, повсеместное нарушение авторских прав, наш книжный форум представляет реальный механизм взаимодействия всех этих сегментов. Это экспертные советы и литературные диспуты, перформансы и творческие встречи с известными писателями, художниками, на заключительном этапе – присуждение премии лучшему изданию, а главное – встреча с читателями. Остается добавить, что проводим ее традиционно во второй неделе октября. В этом году ярмарка пройдет с 9 по 12 октября. Приглашаем издательства Беларуси к сотрудничеству. Надо сказать, главное для нашей книжной ярмарки «Тарки-Тау» это не коммерческая выгода, а гуманитарная миссия. В этом году надеемся на участие в нашей книжной ярмарке редакций белорусских журналов «Неман», «Полымя», Издательского дома «Звезда». Знаю, что белорусские коллеги презентуют в Махачкале многотомную серию книг «Созвучие сердец», в одном из томов которой нашлось место для литератур народов Кавказа.

– ***Знают ли в Дагестане белорусскую литературу?***

– К сожалению, знают лишь те, кто приобщился к чтению в советский период. Мы испытываем существенный голод в отношении национальных литератур нашего бывшего общего пространства. Не могу говорить за всех дагестанцев, но вижу и слышу от многих: необходимо восстанавливать эти культурные связи. Мы несколько раз пытались пригласить на книжную ярмарку прозаика Светлану Алексиевич, но пока встреча не состоялась. Надеемся, что белорусские связи с Дагестаном все-таки станут плодотворными.

Мухаб БЖЕНИКОВ,
кандидат филологических наук,
член Союза писателей России

ЛЮБЛЮ РОССИИ ЧЕСТЬ

Поэзия А. С. Пушкина, духовное и нравственное бытие, связанное с его именем, безграничны и продолжают озарять сердца миллионов людей. Великий поэт всегда с нами, всегда современен и всегда созвучен эпохе.

Отмечая День памяти А. С. Пушкина, со дня рождения которого исполнилось 215 лет, мы вновь и вновь с благодарностью обращаемся к тому, чья деятельность, чье творческое вдохновение, чей ум и талант стали источником новой русской литературы, по праву входящей в число ведущих национальных литератур современного мира.

Со школьных и студенческих лет каждый, кто хоть мало-мальски соприкасался со словесностью, знает: Пушкин – это гений русской литературы, с его произведений началась поэзия нового типа, что он обогатил ее новым содержанием, новыми поэтическими формами и новыми средствами художественного выражения.

Но Пушкин-поэт неотделим от Пушкина-человека, патриота и гражданина. Об этой глубокой внутренней связи говорят воспоминания и письма самого поэта и его современников.

Против «исторического ничтожества»

А. С. Пушкин решительно осуждал представителей помещичьей интеллигенции, которых мало интересовало будущее страны. В 1827 году в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» он делает заметки:

«Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, со всем тем почитают себя патриотами...»

П. Я. Чаадаев, который в порыве «свободолюбия» и философских исканий пытается принизить исторический статус России, получает от А. С. Пушкина не только иное, полярное мнение, но и отповедь: «Я далеко не восхищаюсь всем, что вижу вокруг себя, но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какую дал нам Бог... Что касается до нашего исторического ничтожества, то я решительно не могу согласиться с вами. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (единству России, разумеется)... И это все не история?.. А Петр Великий, который один есть целая всемирная история?.. И, положив руку на сердце, неужели вы не находите чего-то внушающего уважения в нынешнем состоянии России, чего-то, что изумит бу-

дущего историка?» (А. С. Пушкин – П. Я. Чаадаеву. 19 октября 1836 г.).

Образную картину целой эпохи Петра Великого Пушкин рисует немногими фразами: «Россия вошла в Европу как спущенный корабль, – при стуке топора и при громе пушек. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы». Патриотические чувства Пушкина-журналиста здесь не оказываются обособленными от гражданской позиции Пушкина-поэта, воплотившего художественную правду. В стихотворении «Стансы», посвященном деяниям Петра Первого, он пишет:

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.*

Свое влияние на порядок вещей

В историю русской культуры Пушкин вошел, прежде всего, как великий национальный поэт. Но Пушкин также был талантливым журналистом, критиком, блестящим полемистом. Он издавал и редактировал «Современник» – один из лучших журналов 1830-х годов. Когда до Москвы дошла весть о трагической гибели Пушкина, редактор «Московского наблюдателя» В. П. Андросов писал в Петербург А. А. Краевскому 3 февраля 1837 года: «Пушкин едва ли не потому подвергся горькой своей доле, что сделался журналистом».

В заметке о русских журналах он подчеркивает высокое значение журнала в формировании общественного мнения: «Журнал в смысле принятом в Европе есть отголосок целой партии, периодические памфлеты, издаваемые людьми, известными сведениями и талантами, имеющие свое политическое направление – свое влияние на порядок вещей. Сословие журналистов есть рассадник людей государственных... Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издает сии противоборствующие журналы? Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Кеннинг, Гиффорд, Джеффри, Питт. Что ж тут общего с нашими журналами и журналистами?». Пушкин хорошо знал современную и прошлую журналистику: в его библиотеке имелось свыше тридцати названий журналов. При жизни поэта в периодике было опубликовано более пятидесяти его выступлений и столько осталось в рукописи.

Надобно сослать в Сибирь...

В прошлой пушкиниане поэта изображали чуть ли не оппозиционером самодержавной власти. Это было преувеличение, хотя во многих случаях не без причины. Особенно до конца 1820-х годов. В мае 1820 года Александр I писал Е. А. Энгельгардту: «Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами: вся молодежь наизусть их читает». После коронации Николая I в этих отношениях наступило некоторое потепление, хотя А. С. Пушкин, как гражданин и как личность, не изменил своим принципам и убеждениям. На аудиенции, данной Пушкину в Москве, император спросил его: «Принял ли бы ты

участие в 14 декабря, если б был в Петербурге?» – «Непременно, государь, – ответил поэт, – все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем». На этой же аудиенции Николай I спросил Пушкина: «Что же ты теперь пишешь?» – «Почти ничего, ваше величество: цензура очень строга», – был ответ. «Зачем же ты пишешь такое, чего не пропускает цензура?» – «Цензура не пропускает и самых невинных вещей: она действует крайне нерассудительно». – «Ну, так я сам буду твоим цензором. Присылай мне все, что напишешь». После этого диалога царя с поэтом (о чем стало известно свету) Пушкина недруги стали называть придворным поэтом. На это он ответил стихотворением «Друзьям», которое заканчивалось такими строчками:

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.*

...Не дарование, а гений

А. С. Пушкин никогда не называл себя великим поэтом и всегда избегал обозначить свой дар значением слова гений. Правда, один раз в 1820 году, только что вышедшим из юношеского возраста, он набросал четверостишие «Про себя»:

*Великим быть желаю,
Люблю России честь
Я много обещаю –
Исполню ли? Бог весть.*

Здесь желание автора быть великим поставлено под сомнение его скромностью, а смысловую нагрузку несет строка «Люблю России честь». Вероятно, поэт хотел, чтоб его в данном случае именно так и поняли.

Но современники, которые глубоко понимали значение литературы и которые видели, какое влияние оказывает каждое новое произведение А. С. Пушкина, уже в самом начале 1820-х годов поняли: перед ними не просто поэт в обычном смысле, а гений. В ноябре 1824 г. В. А. Жуковский в письме А. С. Пушкину писал: «...Ты имеешь не дарование, а гений. Ты рожден быть великим поэтом, будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, все твое возможное счастье и все вознаграждения. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастливые, – шелуха»...

Позже, в более зрелом возрасте, из-под пера Пушкина выйдет знаменитое стихотворение «Памятник», как бы подводившее итог его многогранного литературного труда. Это было 21 августа 1836 г. До трагической гибели гениального поэта оставалось менее шести месяцев.

Фатима КУЧИНАЕВА-КАЗАКОВА

ПОКА Я ЖИВА

Ну, здравствуй, Ёжик. Вот решила, наконец, написать тебе. Ты уж извини, что так долго молчала, но ты же знаешь: писать письма для меня целая проблема. Другое дело встретиться, посидеть где-нибудь... Я столько хотела бы тебе рассказать. Сколько же лет прошло с тех пор, как мы не виделись, страшно подумать, ты, наверное, и не узнала бы меня, встретив на улице... А я не-

давно решила заглянуть в парк, знаешь, как будто кто позвал меня. Здесь всё так изменилось, новые, вымощенные красивой плиткой дорожки, новые клумбы, фонтаны. Я еле нашла аллею, по которой мы любили гулять, а скамейка наша старенькая всё на том же месте, только развалилась совсем. Нам всегда нравилось приходить сюда, редко кто заглядывал в боковые аллеи и здесь всегда было как-то по-особенному тихо и спокойно. Мы любили здесь готовиться к экзаменам во время сессий, любили читать здесь, беседовать, мечтать, строили планы на будущее. Здесь и сейчас так же тихо, можно посидеть, почитать. Только мне этого совсем не хочется...

Роза, сегодня встретила твою дочку. Она так выросла, красавица, совсем уже взрослая девушка, и так на тебя похожа. А мама твоя всё болеет. Она, наверное, не жалуется тебе, зато я вижу, как она по тебе скучает. Знаешь, она, ничего не изменив, бережно хранит твою комнату и твои вещи. Такое чувство, что ты только что вышла, даже запах твоих любимых духов всё ещё чувствуется в воздухе.

Завтра твой день рождения. Я заеду на рынок и куплю тебе букет тюльпанов. Я знаю, они тебе не нравятся, и хотя сейчас можно купить твои любимые розы в любое время года, покупаю только тюльпаны, ты же помнишь, к твоему дню рождения успевали появиться только тюльпаны и нарциссы, но нарциссы не нравились тебе ещё больше. Потом я приду в нашу любимую кафешку за наш столик. Официантка не спрашивая принесёт вазу для цветов, две чашки кофе с молоком и два пирожных – одно заварное и одну трубочку. Помнишь, как ты их любила, и хотя мы забегали в это кафе почти каждый день, либо на большой перемене, либо после занятий, ты каждый раз не могла сразу выбрать, какое же из них тебе хочется сегодня. А потом мы долго над этим смеялись... Теперь я никогда не ем здесь пирожное и не пью кофе. Я просто сижу, смотрю в окно. Хорошо, если за окном дождь, я люблю, когда идёт дождь, потому что его любила ты. Раньше, едва начинало капать, ты прибегала ко мне, мы распахивали окно, забирались под одеяло и слушали музыку дождя. Я и сейчас открываю окно в комнате, если идёт дождь, только теперь я одна, в шуме дождя я слышу тихую песню о тебе и люблю его ещё больше. Я посижу в кафе

ещё немного. Иногда мне кажется, что ты вот-вот войдёшь в двери и сядешь напротив, улыбаясь и притворно хмуря брови. За эту привычку я и прозвала тебя Ёжиком, кстати, признайся, тебе нравилось, когда я тебя так называла... Ты не пришла и не могла прийти, и я уйду, но через год я снова сюда приду.

Сколько ещё «нашего» я обойду сегодня, любимый кинотеатр, фонтан, любимая площадь, клумба, салон красоты, магазин духов – бутик, так их теперь называют, и множество других «наших» мест, которые так и не стали только моими, а остались там – в том времени, когда мы с тобой делили весь этот мир на двоих. Знаешь, Роза, тебе может показаться, что я живу неинтересно, не так, как мы с тобой когда-то мечтали. Нет, ни на что не жалуюсь. У меня прекрасная семья, работа, есть возможность заниматься любимым делом, я много читаю, стараюсь идти в ногу со временем, чтобы разделить увлечения своих детей. В общем, всё хорошо, но признаюсь тебе, с твоим уходом из моей жизни ушла и часть меня. Всё стало иным, по-другому наступают Новый год, праздник, который мы любили больше остальных, по-другому наступает весна и по-другому пахнут цветы, по-другому светит солнце, и небо другое, не такое пронзительно-синее, по-другому стучит дождь, и листья, сжигаемые на осенних кострах, пахнут совсем по-другому...

Ну, вот и закончился день. Я побывала везде, только не пошла к тебе. Ты прости меня, но я не могу. Я так и не простила тебе того, что ты не пришла ко мне, когда тебе было так плохо. Я понимаю, ты сделала это, защищая меня, оберегая от боли. Но ты не должна была так со мной поступать. Мы должны были пройти через всё это вместе. Отдалившись от меня, ты лишила нас целого года общения. Целый год – как это много, и как это мало... Многие упорно мне доказывают, что есть вещи, которые надо оставлять в прошлом, забыть и отпустить. Но я не согласна, я совсем не хочу оставлять тебя в прошлом, я хочу, чтобы ты всегда была со мной, была рядом, хотя бы в моём сердце и в моей памяти.

Ты часто мне снишься, Ёжик. Ты приходишь, садишься молча рядом. Помнишь, как ты говорила: «Мне даже молчать с тобой интересно. Это так здорово»? Наступает утро, светает, оставляя светлую грусть и нежную благодарность за ещё одну встречу. Я знаю, мы с тобой обязательно встретимся, и я скажу тебе то, что так и не успела сказать. Я всегда тобой гордилась и очень тебя люблю, моя дорогая сестрёнка. А пока, моя милая, передай от меня привет моей любимой дорогой тёте Зухре и крепко-крепко поцелуй её, обними за меня Танюшку, Ильяса и Хусейку. Конечно же, не забудь дедушку Хамита и бабушку Алляка, и обязательно поцелуй своего папу Лялю. Я всех их помню и очень люблю...

P.S. Кто-то мне сказал, что пока мы помним о тех, кто ушел от нас, у них, там, никогда не гаснет свет. А без этой памяти мир ушедших погружается во мрак. Роза, милая моя сестра, у тебя никогда не погаснет свет, пока я живу.

РИС НА ЛАДОШКЕ ДЕВОЧКИ

Мама всегда учила меня бережно относиться к хлебу. Она никогда не проходила мимо лежащей на дороге корочки, какой бы маленькой и грязной она ни была, всегда поднимет её и положит в такое место, где человек не сможет на неё наступить, а птички спокойно её доклюют. В детстве, я помню, меня это очень удивляло, а потом я и сама стала так делать, часто смущая своих подружек таким поступком. Однажды, выходя с мамой из магазина, мы наткнулись на горсть рассыпанного на дорожке риса. Мама нагнулась и стала собирать зёрнышки. Мне стало как-то неловко, вокруг были люди. «Мама», – потянула я её руку. Она взглянула на меня, в её глазах стояли слёзы. Мне стало стыдно за свою неловкость, я сказала: «Прости, мама», – и помогла ей собрать рассыпанные рисинки. Видела, что мама расстроена, и, увидев неподалёку уютный скверик, провела её туда и усадила на скамеечку. Горсточку риса она всё ещё крепко сжимала в ладони. «Мама, – начала я, – я не хотела тебя расстроить, мы просто могли попросить в магазине метлу...» – «Ну, что ты, доченька, дело вовсе не в тебе. Я просто вспомнила кое-что. Не спрашивай меня сейчас ни о чём. А потом тебе всё расскажу». Мы скормили рис голубям и вернулись домой. Мне было лет десять-двенадцать, мы недавно потеряли бабушку, мамину маму, и я не стала докучать маме, а потом как-то всё забылось. Прошло несколько лет. Как-то, готовя плов, я случайно разорвала пакет и рассыпала рис. Собирая его, я вдруг вспомнила тот случай возле магазина. Вечером я пристала к маме с расспросами, и она рассказала мне удивительно трогательную и вместе с тем трагичную историю из жизни своей семьи...

«В сорок четвёртом году, когда балкарцев выслали в Среднюю Азию, наша семья, как и большинство людей из Гунделена, попала в Киргизию. Шестьдесят пять семей были направлены на принудительное поселение в небольшое село Донарык Чуйского района. Много горя перенёс наш народ за те годы, боль, унижение, оскорбления – всё познали в полной мере. Но сильнее всего страдали люди от голода. Вымирали целые семьи, особенно те, у кого были маленькие дети и старики. Первые два-три года переселения были очень тяжёлым временем. Мужчины на фронте, дома только женщины, дети да старики. Родственники, которые могли бы помочь, поддержать как-нибудь, раскиданы по разным районам, селениям и даже республикам. Действовал жёсткий комендантский час, спецпереселенцы без особого разрешения не могли покидать место проживания. А как прокормиться на чужом месте, без нажитого добра, без обычных в любом хозяйстве запасов провизии? Конечно, женщины работали не жалея сил, чем могли помогали детишки постарше, но тогда голодала вся страна, что же говорить о бесправных переселенцах, приравненных государством к преступникам. Мы не жили тогда, только выживали: ещё один день, ещё одна неделя, ещё один год. Кончилась война, вернулись оставшиеся в живых солдаты, пошли в школу дети. Детей переселенцев стала в школе подкармливать сердобольная директор школы, пожилая татарка, потерявшая в войну всю свою семью, с

трудом выбила средства на тарелку похлёбки для каждого школьника один раз в день. Это спасло многих детей от голодной смерти. Колхоз стал вечером привозить с кошар бочку айрана, каждой семье доставалось по небольшой кастрюльке. Стало легче получить разрешение для поездки в другие села и районы. Люди впервые за несколько лет смогли навестить своих родных и близких.

В одни из погожих осенних дней моя мама, твоя бабушка Амма, и моя сестра Аклиман, тётя Лялю, пошли навестить приболевшую тётю Хауа. Она была старшей сестрой мамы и жила у самого подножья Алатау в селении Кегети. Идти надо было километров восемь-десять и мама с Лялю вышли рано, чтобы успеть засветло вернуться домой. Они прогостили у тётки целый день и ближе к вечеру собрались домой. Мама спешила к оставленным дома детям Лялю, как всякий нормальный подросток, постоянно отвлекалась то на яркую бабочку, то на жутко интересную букашку, то на красивый цветок. Бабушка сердилась и всё торопила её. В какой-то момент Лялю отстала и, обернувшись, мама увидела, как дочка, нагнувшись, что-то торопливо собирала в ладошки.

«Акклиман, дочка, поторопись», – позвала она. «Амма, иди скорее сюда, смотри, что я нашла», – отозвалась та, не поднимая головы.

– О, Аллах, что за непогода. Ну что там такое? Ты же знаешь, дома дети голодные, надо поторопиться. Если бы сестра не обиделась, я и пораньше ушла бы... – недовольная задержкой, мама всё же вернулась к дочери.

– Амма, погляди, здесь рис. Кто-то рассыпал его, а вокруг никого. Давай соберём.

– Ой, а ведь правда, рис. Бедный, кто же так неосторожно... – мама огляделась, ища взглядом растеряшу. Дело близилось к вечеру, и на дороге ни с той, ни с другой стороны не было ни души. Просыпанный рис начинался прямо на окраине Кегети. Жиденькая неровная струйка убежала по дороге по направлению к дому.

День близился к концу. Дорога была грунтовая, рис собирали с песком и камушками. Собрав полный передник, высыпали содержимое в кучечку на обочине и шли дальше. Когда набиралось несколько кучек, шли за первой и перетаскивали таким образом всё собранное к последней кучке. За работой время пролетело быстро, и когда были собраны последние зернышки, стало вечереть. Как оказалось, рис был просыпан от Кегети до поселения Плохотник. Это маленькое село в несколько десятков домов приютилось на берегу небольшого ручья между селениями Донарык и Кегети.

Здесь нашли приют две семьи переселенцев из Верхней Балкарии. Мама с сестрой решили перетаскать рис к ним и самим переночевать там же, а утром уже как-нибудь добраться домой. Мама была очень огорчена тем, что дети будут этой ночью одни, но её утешало то, что домой она вернётся с такой богатой находкой. Сестра сняла юбку, благо все женщины и девочки носили в то время под платьем или юбкой шалвары, расшитые вручную штанишки. Затянув науго резинку, мама соорудила что-то наподобие небольшого мешка, куда они набрали риса, ещё

немного в передник. Не успели мама с Лялю сделать несколько шагов, как со стороны Кегети раздался скрип колёс. Мама быстро вернулась на дорогу. Из наступающей темноты показалась телега с бочкой и запряжённая в неё понурая кобыла. Мама радостно всплеснула руками, это была та самая телега, каждый вечер привозившая в наше село на раздачу айран.

Старый киргиз заметил стоявших у дороги женщин. «Батай-апа (Апа – уважительное обращение к женщине), – удивился он, – что вы делаете здесь так поздно?» – «О, Аллах, байке (уважительное обращение к старшему мужчине в Киргизии), сам Всевышний послал нам тебя». Мама всё ему подробно рассказала. Старик слез с телеги и достал из-под сиденья большой киргизский мешок. Уложив его на телеге, втроём быстро наполнили его, осталось ещё немного для передника и юбки. По дороге старик рассказал о причине своей задержки в дороге: «Кудай (Бог по-киргизски) любит тебя, Батай-апа, телега сломалась, мне пришлось починить колесо».

Было уже совсем темно, когда телега остановилась возле нашего дома. Байке всегда останавливался возле нас, потому что немногим, что мама прихватила при выселении из дома, была красивая посуда, привезённая ей в подарок нашим отцом из далёкой поездки. Это был набор из кастрюль, кружек и большого ковша. Именно этим ковшом разливали всем айран из бочки. К телеге быстро собрались селяне. Мама позвала несколько женщин из дома на подмогу. Пока женщины перебирали и мыли рис, ребята во дворе разожгли костёр и навесили большой киргизский котёл. Совсем скоро в нём весело булькала рисовая похлёбка – хантуз. В этот вечер каждая из шестидесяти четырёх балкарских семей унесла домой вместе с айраном и небольшую кастрюлю рисовой каши. Досталось и соседям-киргизам, угостили и аробщика Байке. За последние пару лет многие в нашем селе впервые уснули на сытый желудок. Эту историю до сих пор помнят у нас в Гунделе. Пока живы те, кто волею судьбы попал тогда в далёкий киргизский аул Донарык, никогда не забудут вкуса той каши, вкуса самой жизни».

...Я крепко-крепко обняла маму, и мы ещё долго сидели так, молча, с грустью и благодарностью вспоминая уже ушедших от нас дорогих нам людей, через всю жизнь в самые тяжёлые испытания с честью пронёсших в своей душе лучшие качества народа: благородство, доброту, милосердие и сострадание.

ЛИЦО ДЕДА

С самого детства, сколько себя помню, я очень завидовала детям, у которых были дедушки. Правда, у меня было целых две бабушки: папина мама Аммака и мамина – Амма. Но ни одного из своих дедушек я никогда не видела. Так уж получилось. Дедушка со стороны мамы погиб на фронте в сорок четвёртом году. Бабушка получила похоронку за три дня до переселения. Она только успела справить поминки, а через пару

дней была депортирована в Среднюю Азию с шестью малолетними детьми как вражеский элемент. Солдаты, сопровождавшие переселенцев по пути следования, были обескуражены, но что они могли поделать – они выполняли приказ. Единственное, чем они могли помочь вдове фронтовика, это помочь собраться в дорогу. Они собрали в доме всю провизию, погрузили в грузовик швейную машинку, ткани из сундука, сепаратор для отделения сливок от молока, самую необходимую посуду. Возможно, это спасло семью мамы от голодной смерти на чужбине. Бабушка хорошо шила и этим зарабатывала на хлеб. А соседи, одалживавшие сепаратор, часто благодарили кружкой молока или стаканом сливок. К сожалению, все фотографии, письма с фронта, документы, в том числе и похоронка, у них были украдены вместе с деньгами, но осталась маленькая старая фотокарточка на паспорт, которую мама бережно хранит до сих пор. Помню, в детстве я тайком от неё часто доставала из альбома эту фотографию и долго её рассматривала, а потом в документальных фильмах о войне искала среди солдат похожего на моего дедушку. Мама мне как-то призналась, что тоже всегда всматривалась в лица бойцов и мечтала узнать среди них своего отца. А вот фотографии дедушки со стороны отца у нас никогда не было. Их просто ни у кого не было. Они все были утеряны во время переселения. Не осталось ничего, ни фотографий, ни документов, ни вещей, принадлежавших ему.

Когда Ата, как звали его дети, в тридцать седьмом году арестовали по ложному доносу и, объявив врагом народа, отправили на Соловки, папе было всего лет пять-шесть. Время стёрло воспоминания, и память не сохранила образ отца, только отдельные фрагменты, которые никогда не складываются в единую картину. Когда Ата забирали энкеведешники, папы не было дома. Он убежал поиграть со своими сверстниками на окраину села, прихватив отцовский ремень с красивой пряжкой. Внук офицера царской армии, служившего в знаменитой Дикой дивизии, всегда носил военную одежду и любил аккуратность, но в тот день его увели без ремня. Аммака потом долго корила сына за это. А ещё папа запомнил, как отец пил чай. У дедушки получалась целая чайная церемония. В те времена не было привычного сегодня рафинированного сахара, его продавали большими округлыми кусками – головами, сперва голову разламывали на части, а потом уже за столом отбивали маленькие кусочки для чая. У Ата была специальная ложка, которую он раскаливал на огне и, держа её над чашкой чая, давил об неё кусочек сахара. Я недавно попробовала проделать то же самое, правда сахар у меня был обычный – кусочек рафинированного, и получился очень тонкий, необычайно приятный карамельный вкус. Как оказалось, дедушка был настоящий гурман. Удивительная детская память, сохранившая такие мелочи и не удержавшая главного воспоминания...

Папа долго разыскивал отцовские фотографии, расспрашивал родных, знакомых, копался в архивах – ничего. Помню его глаза, полные ожидания и боли, когда он рылся в старых фотографиях. Он всегда немного завидовал маме и считал её очень счастливым человеком, ведь у неё было такое богатство – фотография отца. Пускай она маленькая и

старая, зато ты можешь в любую минуту взглянуть на любимое лицо, погладить его, поцеловать.

Во время перестройки появилось возможность обратиться за помощью в компетентные органы, но на сопроводительных документах Кучинаева Юсуфа Огурлуевича отсутствовала фотокарточка. Зато появилась новая информация о его гибели. Как оказалась, его не расстреляли в застенках каземата, как ответили на запросы бабушки. Он был в числе арестантов, которым позволили «искупить вину», отправившись на фронт, в штрафной батальон. Баржи, на которые погрузили бывших арестантов, были атакованы вражескими самолётами, и та баржа, где находился мой дедушка, была уничтожена. По сведениям, никто не выжил. Немного утешает мысль, что Ата – по словам людей, которые его знали, человек красивый, гордый и порядочный, – погиб свободным...

После возвращения на родную землю в хрущёвскую оттепель папа добился пересмотра дела отца, и его посмертно реабилитировали. Грязное обвинение и позорный ярлык «врага народа» были сняты, справедливость была восстановлена.

По словам папы, это было его самое важное достижение в жизни и самый счастливый день. Как жаль, что вместе с добрым именем государство не могло вернуть тому маленькому мальчику из далёкого тридцать седьмого года того, чего его лишило, несправедливо отняв отца и воспоминаний о нём, так нужных каждому человеку.

Каждый вечер перед сном я молилась Богу, чтобы во сне мне приснился мой дедушка. Я так хотела увидеть его, хотя бы мельком, и я смогла бы рассказать папе, как выглядит его отец. И однажды Бог услышал мою просьбу. Мне приснился небольшой уютный домик. Я открыла двери и вошла внутрь. В углу в печи горел огонь, слабо освещая комнату. Из-за стола навстречу мне поднялся совсем ещё молодой человек. Несмотря на его возраст, я сразу поняла, кто это. Он поцеловал меня, прижал к груди, долго не отпускал, точь-в-точь как папа. Затем он усадил меня за стол, а сам сел напротив. Мы молча смотрели друг на друга. Не знаю почему, но я так и не сказала ему всего того, что хотела. Через минуту он поднялся, и я поняла, что мне пора уходить. «Ата, пойдём со мной?» – попросила я. Он только улыбнулся. «А я могу остаться с тобой?» – дедушка покачал головой. «Ата, ты так нам нужен, ты нужен папе...» Дедушка снова обнял меня. Он ничего не ответил, но я почувствовала то, что он хотел сказать. «Я всегда рядом и буду всегда с вами. Я в ваших сердцах и в вашей памяти, как и вы во мне. Неважно, помним ли мы лица дорогих нам людей, с которыми нас разлучила судьба, важны память и чувства, которые мы бережём в своём сердце. Передай своему отцу, чтобы печаль его оставалась светлой и не омрачала ему жизнь. Он мой маленький боец и всегда был бойцом, я очень его любил и горжусь им...»

Я проснулась с ощущением удивительной реальности происшедшего во сне. Я физически ощущала недавнее присутствие дедушки, тепло его рук, мягкую улыбку, грустный взгляд. Знаете, как это бывает. Пустая комната, но ты точно знаешь, кто здесь только что был. Удивительно,

теперь у меня было собственное воспоминание о моём дедушке. Я могу обратиться к нему, думать о нём, представляя конкретного человека, конкретный образ. Я знаю, как он выглядит, знаю, что он чувствовал. Это так здорово. А ещё я знаю, что у моего старшего брата его глаза, а младший брат похож на него лицом, и оба они носят усы, как их дедушка. А у папы его руки и улыбка и его приятие мира. А моему сыну передан дар художника и мастера. Мой дедушка продолжает жить в своих внуках и правнуках, и я знаю, придёт время, мы снова встретимся и станем самыми лучшими друзьями, а как же иначе...

БЕЛОЧКА МОЕЙ МАМЫ

Когда умерла наша бабушка, мама, переживая утрату, тяжело заболела. После длительного лечения врачи посоветовали папе повезти её на море, в Ялту. Смена обстановки, физиопроцедуры и целебный морской воздух должны были помочь маме окрепнуть, набраться сил и побороть болезнь. Был выбран небольшой уютный санаторий, расположенный на берегу моря в живописнейшем местечке вдали от города. Там и произошла с ней эта трогательная история, о которой я хочу вам рассказать...

Санаторий со всех сторон был окружён сосновой рощей с множеством тропинок, удобных скамеечек для отдыха, беседок, где можно было укрыться от дождя и ветра. В роще обитало много всевозможных птиц, подкармливаемых отдыхающими и практически прирученных к человеку. Но всеобщими любимцами, вне всяких сомнений, являлись белки. Забавные и доверчивые зверьки так привыкли к людям, что с охотой спускались на нижние ветви и даже на землю и с удовольствием брали принесённые лакомства, орешки, семечки, корочки хлеба и кусочки сахара. После всех утренних процедур, приёма лекарств и завтрака отдыхающие отправлялись к лечебному источнику, а оттуда в рощу на прогулку.

Мама очень любила эти прогулки. У неё появилось своё любимое местечко: уютная беседка, скрытая лёгким пологом леса, защищённая от ветра и обжигающего солнца. Здесь, возле старой ели, в тишине и спокойствии мама любила проводить свободное время. Если позволяла погода, а дожди здесь достаточно редки и кратковременны, она приходила сюда каждый день, читала книги, писала нам письма, просто отдыхала, любуясь красивыми цветами, во множестве росшими вокруг, слушала пение птиц, шелест травы, журчание ручейка, бегущего по камушкам позади беседки. Часто её отвлекали голоса отдыхающих, прогуливавшихся по тропинкам. Невдалеке располагалась удобная площадка с кормушками для птиц. Сюда же собирались все окрестные белки, точно подгадав время прогулки любителей покормить зверушек. Со своего укромного местечка мама с удовольствием наблюдала как за людьми, так и за их любимцами.

Как-то случайно кинув взгляд на верхушку старой ели, мама заметила движение среди еловых лап. Приглядевшись, она поняла, что это

белка. Мама и раньше догадывалась, что старая ель с дуплом служит жильём для семейства белок: видела под деревом обгрызенные шишки, иногда слышала предупреждающий стрекот зверушек, замечала качнувшуюся ветку, но никогда не видела здесь саму белку. И вот она настороженно выглядывает из-за ствола, поглядывая то на маму, то на тропинку, где получали угощение остальные белки. Мама подивилась странному поведению зверька. Почему бы ей не присоединиться к остальным сородичам? Но нет. Она нервно поцокала и, бросив еще один тревожный взгляд на маму, скрылась среди ветвей.

На следующий день мама прихватила с собой угощение для скромной белочки. Та вновь показалась из своего укрытия, но ни на тропинку, ни к маме спускаться не стала. Уходя, мама рассыпала на столе горсть орехов и кусочки сахара. Она заметила, как белочка иногда поглядывала в её сторону и не могла не заметить вкусностей, оставленных для неё... К вечеру пошёл дождь, шёл он и на второй день, и только на третий наконец-то выглянуло солнышко. К обеду всё вокруг высохло, и мама поспешила в парк. За эти дни от девочек из столовой и нескольких постояльцев, приезжавших сюда на отдых каждый год, она узнала историю своей белочки. Как оказалось, это белка отличалась от своих товарок очень покладистым характером и удивительной доверчивостью. Она не просто брала еду с рук и убегала, но и запрыгивала на плечо, позволяла до себя дотронуться, а иногда и уютно устраивалась на коленях и не спешила покидать своих новых друзей. Иногда белочка приводила к людям своих подросших деток. Подражая матери, они с большим доверием относились к посетителям парка. Но как-то на территорию парка заглянула ватага ребят. Доверчивые белки не попрятались в листве, а потянулись к ребятам за угощением. Мальчишки играючи убили бельчат, закидав их камнями, и ранили их мать. С тех пор белка перестала доверять людям и никогда больше не спускалась к ним. Она вообще перестала показываться на глаза и вот уже больше года её никто не видел.

...Белочка сидела на нижней ветке, но, завидев маму, метнулась к макушке ели. Мама снова рассыпала орешки и осталась на скамейке. Белочка продолжала наблюдать с верхних ветвей. Мама иногда заговаривала с ней, и та как будто прислушивалась к её голосу. Уходя, мама оглянулась, белочка сидела на столе и держала в лапках орешек. Прошло около недели, пока белочка снова научилась доверять человеку. Наконец она стала спускаться на скамейку, завидев маму на краю тропинки. А ещё через неделю белочка в первый раз забралась маме на плечо, грызя кусочек сахара. Из всех угощений почему-то белке больше всего нравились кусочки сахара. Вскоре белка стала следовать за мамой по ветвям до самого корпуса, но вниз спускалась только возле беседки. А как-то утром мама завидела свою белочку за окном палаты. Мама открыла окно, и белочка прыгнула на подоконник. Получив своё угощение, она спокойно устроилась рядом с мамой.

С того дня каждое утро, в любую погоду, белочка прибегала поздороваться к маме. Она проводила у неё около получаса, а затем возвращалась к себе на ель, и ждала маму там. Белочка очень привыкла к маме

и полюбила её. Все отдыхающие и работники санатория были очень удивлены неожиданным возвращением белочки и её такой сильной привязанностью к маме. Было видно, как она скучала по маме и выискивала её среди отдыхающих, а найдя, прыгала ей на плечо, получала свой кусочек сахара и успокаивалась.

Мама тоже полюбила свою «подружку» и много писала нам о ней.

Проходили дни, и лечение мамы подходило к концу. Мама совсем поправилась, все мы считали, что любовь и привязанность маленького, беззащитного и такого доверчивого зверька помогла маме выздороветь. Мы с нетерпением ждали возвращения мамы, и, наконец, настал день, когда папа поехал забирать её домой. Конечно же, мы просили маму взять белочку к нам, но понимали, что это, скорее всего, невозможно. Прошло два дня, и на третий день машина папы въехала в ворота. Мама сидела рядом с ним, а на коленях у неё, к нашему удивлению и большой радости, невозмутимо примостилась белочка. Она была совсем ручная и легко пошла к нам на руки, но, посидев немножко, неизменно возвращалась к маме. Папа с мамой рассказали нам, как им пришлось забрать её с собой. Вертясь, как всегда, неподалеку от мамы, белка, конечно же, заметила приезд нового человека и последовавшие за тем сборы. Как любая «нормальная» санаторная белка она связала это каким-то образом с предстоящим отъездом мамы. Удивительно, как она смогла понять, что ей предстоит расстаться с той, к кому она так привязалась за последнее время.

И белочка не могла с этим смириться. Когда мама, в последний раз погладив её по головке, дала кусочек сахара и рассыпала орешки на столик беседки, она резко прыгнула к ней на плечо, не собираясь покидать её. Мама сняла её с плеча и пошла к машине. Белочка последовала за ней по ветвям. Машина медленно тронулась с места и покатила к выезду. Мама была расстроена, она чувствовала ответственность за маленького зверька, заново научившегося доверять людям, и была вынуждена покинуть его. За воротами санатория мама почему-то оглянулась, словно что-то или кто-то позвало её. По ветвям ближайших деревьев за машиной изо всех сил неслась белочка. Мама вскрикнула и папа, испугавшись, притормозил. Белка спрыгнула на землю и, подбежав к машине, запрыгнула в окошко и тут же свернулась в клубочек на коленях у мамы. «Делать нечего, – засмеялся папа, – она свой выбор сделала, и мы должны принять его...»

Белочка долго прожила у нас. Конечно же, жить она устроилась в спальне родителей. Там ей обустроили собственный уголок с уютным гнёздышком, где она с удовольствием засыпала, а всё остальное время белка вертелась вокруг мамы. Зимой она подолгу спала, не любила выходить на улицу, но никогда не впадала в спячку. Весной и летом она свободно лазила по саду, а осенью натаскивала в свой уголок целую горку лесного ореха. Благо от нашего дома до леса рукой подать, и белка за день наматывала круги от дома к лесу и обратно. Она точно решила, что теперь именно здесь, рядом с мамой, её настоящий дом, и была счастлива...

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Счастье, которого они ждали с младых лет до преклонного возраста, пришло к ним, но, не дав собой насладиться, торопливо исчезло в тучах, словно утренняя звезда.

Если окинуть взором путь, пройденный ими, то невозможно не согласиться с тем утверждением, что жизнь открыта добру и любви. Или, может быть, жизнь на этот счет имеет особое мнение? Как знать?

С детских лет Салима и Суадин любили друг друга. Пожилой возраст и морщины на лицах никак не затронули их сердца, так и жила в них нежность до конца дней.

Первое время сельчане удивлялись, как долговременна и прочна их дружба, но потом устали удивляться.

С первого класса мальчик и девочка сидели за одной партой. Суадин учился лучше, а Салима немного отставала. И он всегда помогал ей. Если кому-то из них мать давала кусочек сладкого, обязательно делили поровну. Если появлялось немного мелочи, деньги хранились у Суадина. Так собирали понемногу и потом вместе покупали что-нибудь.

После десятого класса настало время задуматься о дальнейшей судьбе. Салима выбрала профессию швеи, о которой мечтала всегда. А Суадин предпочел профессию агронома и без особого труда поступил на это отделение.

Салима в числе лучших закончила учебу, пришла работать на швейную фабрику. Каждый вечер, не пропуская ни дня, Суадин ходил в общежитие, где жила Салима, и они рассказывали друг другу о своих делах. К его приходу Салима готовила вкусные блюда. Бывало, что ходили на какой-нибудь индийский фильм.

Однажды вечером Салима завела разговор.

– Хочу спросить тебя о чем-то, скажешь мне правду?

– Я в жизни от тебя ничего не скрывал, почему сомневаешься?

– После красивых девушек, которых ты видишь в индийских фильмах, тебе не кажется, что я не очень красивая? – не дожидаясь ответа, Салима мгновенно погрузилась и добавила: – Сама знаю, что я некрасивая, лицо худое, вытянутое. А что за нос? И ростом не вышла.

Парень чуть заметно улыбнулся и перебил ее:

– Эх, красавица ты моя, нет никого на свете, чтобы я мог с тобой сравнить!

Суадин смотрел на девушку. На ее лице было так много света, что не выразить и тысячами слов.

Салима знала, почему заговорила об этом. Углядела она, что девушкам, которые жили с нею в комнате, нравятся Суадин, испугалась, что отнимут его.

Действительно, парень был высокого роста, симпатичный. Всегда веселый и жизнерадостный.

Девушки бросали косые взгляды и судачили между собой: «Что он такого нашел в ней? Куда смотрят эти мужчины?».

Одна из подруг, которая больше других была привязана к Салиме, сказала ей по секрету:

– Черная Паучиха положила глаз на твоего парня, будь осторожна. Она уже разрушила одну прекрасную семью, а потом бросила того, кто пошел за ней. Теперь взялась за вас, так что будь осторожна! Когда говорят про любовь меж вами, она громко смеется.

– Никто его не заставит обратить внимание на такую, – сказала Салима и сделала вид, что это ее совсем не беспокоит.

Сделала вид, но всю ночь перебирала в голове разные мысли. Решила наконец: что с того, что буду осторожна? Как предназначено богом, так и будет.

Вскоре Салиму известили о том, что ее отец тяжело болен, она отпросилась с работы и поехала в село.

Прошло не более недели, когда зашедшая к ним соседка сказала между прочим:

– Суадин женился.

Дочь и мать посмотрели друг на друга. Моментально побледневшая Салима тихо сказала дрожащим голосом:

– Нет, это неправда. Такого нет.

– Извини, Салима, не хотела огорчить тебя, но рано или поздно ты об этом узнала бы. Может, это и к лучшему. Зачем связывать судьбу с ненадежным человеком.

Девушка, рыдая, обняла мать. Слезы у обеих слились и текли одним ручейком.

Они даже не заметили, как, вздыхая, ушла соседка.

– Пошли, пошли, моя девочка, приляг немного, не беспокойся, найдешь еще получше. Я верю, что твоя человечность и доброе сердце приведут тебя к счастью, – с такими словами мать, держа ребенка за плечи, увела ее в другую комнату, уложила на кровать.

– Мама, дай холодной воды.

Мать вышла, вернулась с кружкой. Салима выпила до дна и попросила ещё.

Когда вторую кружку выпила до единой капли и попросила еще, мать по-настоящему испугалась:

– Нельзя столько, моя девочка. Укрывайся теплей, моя ненаглядная, может быть, немного уснешь.

Мать накрыла ее теплым одеялом, ушла.

Как только сгустились сумерки, Суадин вдруг возник у дома Салимы. Мать вышла, сказала ему:

– Что тебе еще нужно? Ты собственными руками разрушил свое счастье и счастье моей девочки. Иди обратно к себе и живи, оплакивая себя, с той, кого выбрал!

И захлопнула перед ним ворота.

Мне надо с ней поговорить, обязательно надо, шептал себе Суадин, но никого рядом не находил, не с кем было говорить. Скребся в ворота, не решаясь постучать. Она поймет меня, обязательно поймет, я это знаю. Так простоял у ворот до утра.

Никто не должен видеть меня, если увидят, то могут пойти разговоры про Салиму, подумал он наконец и отправился домой.

Три ночи подряд приходил Суадин к дому Салимы.

Третья ночь была туманной, моросил холодный дождь.

Салима, пожалуйста, дай мне поговорить с тобой, без тебя моя жизнь похожа на эту ненастную ночь, просил Суадин шепотом и стонал.

В полночь Салима встала и разбудила мать.

– Мне кажется, в наши ворота стучат. Ты ничего не слышишь?

– Нет, нет, моя девочка, никто не стучит, я бы услышала.

– Пойду посмотрю.

– Куда, в такую холодную ночь! – накинув на себя халат, мать сама пошла во двор.

Открыв ворота, увидела промокшего и дрожащего от холода парня. Пожалела его, впустила.

Со словами: «Стой здесь», – оставила парня у порога, вошла в дом. Вскоре позвала: «Иди сюда, – и впустила в комнату Салимы.

Девушка стояла в пестром халате, ждала его. Спокойно сказала:

– Как ты сильно промок, надо выпить горячего чаю с кизилом, а то болеешь. Я сейчас.

Вышла и вернулась со стаканом чая.

– Чего стоишь? Садись и пей.

Стоит Суадин. Хоть и хочется горячего чаю, не пьет и не садится, не знает, куда деть замерзшие руки, мнется. Хотел прямо посмотреть в глаза девушки, но не решается.

– Салима, я хочу тебе рассказать всё, пожалуйста, выслушай меня.

– Отчего не выслушать, выслушаю, но прежде садись и пей чай.

Немного осмелел и со словами: «Клянусь, и чаю выпью!» – сел. Но тут же вскочил как ужаленный:

– Клянусь, не могу сидя с тобой говорить, лучше стоять. А ты садись, не смотри, что я стою.

– Нет, я тоже не хочу сидеть...

...Единственный раз решила отметить свой день рождения, говорила она мне, пожалуйста приходи, будут только несколько моих подруг. Отец от матери ушел к другой, и я росла почти сироткой. Мать была перегружена работами, и у неё никогда не было настроения, чтобы справлять мои дни рождения.

Ненадолго пришел в себя. Зачем тебе все это, спросил Салиму. Вот и мне тоже незачем было, но вынужден был её слушать. Сказала, они мои братья, и посадила меж двумя парнями. И они, поочередно предлагая выпить, напоили меня. Ты сама знаешь, я никогда в жизни не пил, даже пиво.

Утром, когда проснулся и болела не только голова, но все тело, она лежа-

ла в моей постели. Ее братья сказали, или женишься на опозоренной тобой, или посадим в тюрьму, не только простишься с учебкой, но и всю жизнь проживешь в позоре, не дав ни слова сказать, вывели и затолкнули в машину.

Тюрьма это ничего, если бы уверен был, что ты будешь ждать меня. Прошу, прости мою глупость, прости ради нашей любви.

Знаешь, что тогда мне Салима сказала?

Не беспокойся, Суадин, я тебе все простила, но мы с тобой никогда не станем супругами. Чувства приходят и уходят.

– Дедушка, с кем говоришь?

Это подошла невестка. Суадин еле заметно улыбнулся и, поглаживая красивую пегую собаку, ответил:

– Не видишь, кто рядом сидит? Она единственная, с кем я беседую и кто спасает меня от тоски.

Слушает шаги уходящей невестки.

Если спросишь, сколько лет прошло с тех пор, могу сказать безошибочно, 35 лет и три месяца. А для меня это словно вчера было.

Не помню, когда я спал так сладко и легко. Как сегодня ночью. И что удивительно, что-то душу радует. Жил и не помнил, что такое хорошее настроение, но сегодня радуюсь и не знаю, чему. Может быть, бог пожалел меня и... не знаю, не знаю.

Кто-то негромко постучал в ворота, через некоторое время постучал еще.

– Чего не открываете ворота, не слышите, что ли!

– Я была в огороде и не услышала, – невестка посмотрела на Суадина с недоумением. Почему это дедушка, который никогда не повышал голос, вдруг рассердился? Ворча про себя: «Думаешь, принесли тебе что-то хорошее?» – открыла ворота.

Стоит сероглазая женщина, пожилая, но не из тех, кого обезобразила старость. Одежда недорогая, но прекрасно подходит к ее фигуре.

Невестка, пристально посмотрев, спрашивает:

– Вам кого?

– Здравствуй, да будет твой день добрым, я хотела бы видеть Суадина. Он дома?

Мужчина, сидевший в ожидании, когда услышит голос той, кто пришла, встал со словами: «Заведи, заведи её, она ко мне», – но, не в силах стоять, вновь опустился на лавку.

– Как дела, Суадин? – женщина поставила сумку, поздоровалась.

– Салима, ты моя маленькая красавица, зачем вынудила меня так долго жить в одиночестве? Или не знала, что мучается моя душа? – он худыми дрожащими руками крепко держал руку женщины, держал так, словно не хотел никогда отпускать... – Как я долго ждал тебя, самое обидное было то, что могу уйти из этой жизни, больше не повидав тебя, – говорил мужчина и рыдал.

– Что-то ты расчувствовался, стыдно, держи себя в руках, – говорила Салима. Она умела быть сдержанной, хотя прекрасно знала, каких усилий

это требовало.

Невестка, зная об их судьбе, с жалостью смотрела на Суадина.

– Пойдемте в дом, – сказала девушка и взяла сумку.

Салима, держа за руку Суадина, завела его в дом.

– Я сейчас принесу поесть, а то всё некогда было, задержала дедушкин обед, – сказала невестка и вышла.

Суадин сел на кровать.

– Несдержанно вел себя я, Салима, наверное, невестка посчитала, что это неприлично. А ты, ты что подумала?

– Не беспокойся, все хорошо, чтоб тебе достались все блага жизни, мой маленький дед, – сказала Салима с улыбкой и обняла Суадина.

– Хотел смотреть на тебя ненасытно, моя красавица, но, видишь, бог забрал у меня зрение. Пожалуйста, дай мне первый раз коснуться твоего лица, ты все такая же красивая. Клянусь, ты не разрешала мне даже коснуться твоей руки.

Салима чуть усмехнулась.

– Не помню, когда я была красивой. Никто, кроме тебя, в жизни мне такое не говорил.

– А ты думаешь, все разбираются в красоте? – с этими словами мужчина тронул лицо Салимы. – Все такая же, ничуть не изменилась.

– Не говори. Если бы мы не дожили до старости, думаешь, сегодня встретились бы? Раз так, мы должны благодарить старость. И я тоже, если разрешишь, хотела бы впервые обнять тебя.

Суадин, смущенный и чуть покрасневший:

– Что толку теперь меня, дряхлого старика, обнимать.

Но со словами: «Я ведь все такая же», – женщина обняла мужчину.

В этот миг им показалось, что весь мир принадлежит им, не верили они, что состарились, забыли обо всем, что происходило в их судьбе. Хоть и могли так просидеть вечно, Салиме стало неловко и со словами: «Неудобно, если увидят», – она встала и произнесла:

– Теперь я буду готовить твои любимые блюда. Ты не думай, что я забыла.

– За столько лет не забыла? Я думаю, меня до сих пор держит на этом свете еда, которой ты меня кормила.

– Скажешь тоже, тогда ты был молод и всё, что ел, казалось тебе вкусным, – Салима выкладывает продукты из сумки. – Это курица, это сметана, а это любимый твой торт.

Невестка постучала в дверь, заходит с полным подносом еды: «Вот что пока есть наготове, потом приготовлю еще что-нибудь», – и ставит поднос на стол.

– Не беспокойся, моя девочка, мне готовить никогда не надоедало. Если не обидишься, теперь я буду готовить Суадину и ухаживать за ним и тебе помогу в домашних делах, у сельской женщины забот всегда много.

– Очень хорошо, но дедушка никогда не был мне в тягость. Все, что делаешь для хорошего человека, никогда не тяготит. Глаза его не видят, но все равно умеет следить за собой. Конечно, ты будешь за ним ухаживать лучше. А я, бывает, постоянно вожусь с детьми, про него забываю и кормлю не вовремя.

– Не беспокойся, невестка, может случиться, что и некогда, ну и что? – отозвался Суадин. – Ухаживала за мной и кормила прекрасно, да отблагодарит бог за твою доброту.

– Главное, чтобы ты был доволен мною, – сказала невестка и ушла.

– Прекрасный человек, добрый, но иногда долго смотрит телевизор и домашние хлопоты накапливаются.

Глаза Суадина не видели, но он замечал все, что происходит в доме.

– Салима, я хочу тебя о чем-то спросить, но думаю, что твой ответ определит мою жизнь, и боюсь.

– Если хочешь спросить, долго ли я буду здесь... Будем вместе столько, сколько предопределил великий бог.

– Правда ли, разве так бывает? Что-то голова закружилась, потому лучше мне прилечь, – сказал он и прилег.

Забеспокоилась женщина:

– Зачем пугаешь меня, мое единственное счастье во всем мире?

Суадин, тихо:

– Не бойся, моя маленькая красавица, когда приходит счастье, что ожидал столько лет, и голова может закружиться. Не бойся, волей божьей и здоровье поправится. Трудно найти такое счастье, что ожидает нас впереди.

Суадин прервался и через некоторое время продолжил:

– Мои глаза не видят уже давно. Врачи сказали, что глазные вены усохли, и не смогли помочь. Я часто думал, а разве не дал бог мне времени для размышления? Закрывал глаза и представлял себе, будто великий бог спрашивает меня: «Что ты выбираешь, вернуть зрение, или дать тебе возможность встретиться снова с Салимой?» – и знаешь, что я выбирал? Тебя.

Салима, утирая набежавшие на лицо слезы, достала из сумки пакет:

– Посмотри, какое я принесла тебе постельное белье, белый атлас с зеленой вышивкой. Теперь будешь спать у меня на парчово-золотистой простыне. Что прошло, то прошло, не будем это вспоминать.

– Клянусь, я тоже так думаю.

– Потрогай здесь, посмотри, какая мягкая парча.

– Клянусь, она, кажется, не удержится подо мною, сползет. И как на таких постелях спят?

– А ты знаешь, какую песню напевала я постоянно?

– Да, кажется, это песня о сыне Хатхи Магомета. У моей бедной матери был очень красивый голос, и когда она тихо напевала старинные адыгские песни, я слушал с удовольствием, но больше других запомнилась песня о сыне Хатхи Магомета: «Если бы бог вернул мне тебя хотя бы на один день...». Хорошо если бы той песней оказалась она.

– Догадался ты, мой догадливый. «Длинную осенью ночь провели бы...». Но это уже не про нас, нам остается только следующая строка: «Если бы бог вернул мне тебя хотя бы на один день, ты спал бы у меня на атласном белье...».

– Клянусь, это отлично, буду лежать и сверкать на такой постели, – пошутил Суадин. – Есть ли такая мера, чтобы измерить огромное счастье, которым одарила нас жизнь? Чтоб на старости лет привалили такие дары... Не правда ли, Салима?

– Потрогай-ка покрывало из белой вышитой парчи, что я тебе принесла, и нижнее белье, и красивые рубашки, и спортивный костюм. Эх, одену тебя так, что все станут завидовать. Ты ведь любил красиво одеваться, помнишь?

– Клянусь, правда, но много времени прошло с тех пор, забыл я это.

– погоди, погоди, а как мне быть, если опять отнимут тебя у меня?

Суадин заулыбался:

– Пусть это тебя не беспокоит, клянусь, теперь меня и даром никто не возьмет.

Салима, шутя:

– Ты посмотри на него. Раз ты мне нужен, значит, я хуже всех?

– Ты ни на кого не похожа и никому не сравниться с тобой.

– Ладно, оставь, не дай мне возомнить о себе. На свете нет двух похожих людей. И я ничем не лучше других. Но я сделала чудо, сделала то, на что не способны многие женщины. И причину этого знаем только ты и я, не правда ли? – сказала она и обняла его со спины.

– Клянусь, правда. А по-другому никак и не могло быть. Мне кажется, что мы с тобой достойны такого счастья, – говорит Суадин, крепко сжимая лежащую на его плече руку женщины.

– Пойдем к столу, а то еда, что принесли нам, уже остыла, – Салима берет мужчину за руку.

– Не беспокойся, Салима, я хорошо знаю, где что находится. А если и остыла, не беда. Глаза не видят, но стараюсь есть бесшумно и не ронять еду. Невестка говорит: «И среди зрячих мало кто кушает так аккуратно, как ты». Неужели правда, Салима?

– Правда, я даже удивляюсь.

Поев совсем немного, оба встали.

– Я хотела, чтобы ты поменял одежду, но лучше было бы сперва искупаться.

– Клянусь, только вчера вечером с помощью сына искупался, да отблагодарит его бог.

Входит Люся, несет тарелку с лакумами. «Дедушка любит горячие лакумы, и потому мы часто делаем их. Правда не знаю, понравятся ли тебе, но тесто я замесила на молоке», – и ставит на стол тарелку.

– Клянусь, очень вкусные лакумы делаешь, не бойся, что Салиме не понравятся.

– У такой женщины, как ты, с доброй душой, и еда всегда вкусная получается, не беспокойся, моя девочка, – с такими словами Салима обняла невестку.

– Клянусь, сразу видно, что ты хороший человек, – сказала Люся и вышла. Но вскоре вернулась: – Хасана нет дома, но и мы с тобой сможем принести кровать.

Женщины вдвоем занесли кровать, и Люся ушла обратно.

– Я взяла с собой постельное белье и для себя тоже, но лучшее я выделила тебе, моему царю, верно ли я поступила?

– Клянусь, не знаю. Но не вернее было бы постель, что подороже, оставить себе?

– Нет-нет, она должна быть твоей. Разве не мужчине надо оказывать большую честь? Прежде чем менять постель, хочу, чтобы ты переделся в новое.

Буду смотреть, как ты молодеешь.

– А если не помолодею, а останусь таким же, как и есть, разочаруешься?

– Я просто пошутила, ты для меня всегда молодой.

Сидит Суадин и поглаживает свою красивую новую одежду.

– Когда стемнеет, пойду домой и принесу тебе калину и мед, это вылечит твой кашель, – говорит Салима.

– Не беспокойся, я все пережил. За всю жизнь один-единственный раз сделал то, к чему стремится душа, и мне кажется, что я счастливей всех на свете.

– Великий бог пожалел нас и соединил, моя красавица. И что теперь мы должны делать?

– Хочешь сказать – в знак благодарности богу?

– Да.

– Чтобы оказать помощь немощным, бедным, мне нельзя никуда выходить. Будем делать каждый день все положенные пять намазов и благодарить создателя, просить отпустить наши грехи.

– О каких грехах, говоришь, Салима? В нашем возрасте...

– Грех человека разве от возраста зависит? Пока мы с тобой будем вместе, у меня будет много грехов. Если возьму тебя за руку – это один грех (смеется), если немного обниму – тоже...

– Салима, ты всё это считаешь грехом?

– А ты думаешь, это благодеяние?

Суадин, слабо улыбнувшись:

– Как знать... Но тогда, знаешь, чем ты можешь оправдаться? – глаза его не видели, и ей пришлось держать его за руки, не хотела обнимать, но испугалась, что упадет... – Ни в чём не признавайся.

– А если заставят?

– Тогда тоже стой на своем.

– О боже! Какие прекрасные советы ты даешь мне.

Люся, которая во дворе занималась по хозяйству, услышала смех Суадина и Салимы, постучала в дверь и зашла.

Она так была удивлена открывшейся картиной, что, наверное, даже и не поняла, что Салима сказала: «Когда заходишь сюда, не стучи, моя девочка».

Невестка думала, что дедушке уже ничего не пойдет, кроме невзрачной одежды, которую он постоянно носил, и что его постоянно грустное лицо никогда не будет веселым. Что же видит она?

Помолодел Суадин и, казалось, даже выпрямилась согбенная спина, и голова мужчины, до того постоянно опущенная, теперь гордо поднята. Как ребенок, он радуется обнове.

– Помолодел дедушка. Как все красиво, и такую постель нигде не видела. Как я рада за дедушку! Я никогда не встречала женщину, подобную тебе, какая ты сильная. Старость не страшна, если человек счастлив. Не правда ли?

– Правда, моя девочка. Счастье тоже, это как бог даст, – говорит Салима.

– Пусть хоть к старости, это лучше, чем никогда, не так ли?

– Несомненно, невестка, пусть хоть к старости, – кивнул Суадин.

– Дай бог, чтоб у вас хорошая семья получилось, кто бы что ни говорил, я лично рада за вас, дай бог, чтоб вы долго жили вместе, живут люди и до девяноста, и до ста лет, по сравнению с ними вы еще молоды. Хасан тоже говорит:

«Я не имею права советовать бабушке». Вечером, когда он вернется, зайдет и познакомится с тобой, – сказала Люся и вышла.

– Что может быть лучше ветерка на рассвете? Пойдем подышим, – сказала Салима, выводя Суадину.

– Утренняя звезда взошла, Салима? Давно ее не видел. Даже когда глаза плохие стали, я всегда смотрел на нее.

– Нет, еще не вышла, не вижу, – ответила женщина, хотя, будто бы приветствуя их, звезда сияла сквозь облака.

– Клянусь, действительно, от такого воздуха чувствуешь себя посвежевшим. Кажется, и дышать легче стало, – говорит Суадин.

За то недолгое время, что они жили вместе, никогда не говорили о прошлом. Вспоминали лишь то, что было хорошего в жизни, и говорили только об этом.

В тот вечер, когда Суадин ушел из дома Жени, он понял, что он потерял любимую девушку. Понял, что в жизни без нее никогда не будет счастья.

Сам не понимая как, дошел до дома, зашел в свой двор.

– Что это такое, парень, зачем позоришь нас? Разве так можно? Женился, а сам гуляешь, – говорит ему Зила. И без того низкорослая, казалось, она стала еще ниже.

Суадин зашел в комнату для молодоженов. Молвил: «Женился я на тебе не по своей воле, если хочешь уйти, никто не держит».

Но Женья была не из тех, кто легко сдается. «Не дожدهшься. Я не просила тебя жениться на мне, ты сам все натворил. А кому теперь я нужна буду, посмотри на меня, чем я хуже этой твоей русой, нет, ей далеко до меня. Смотри. Смотри на меня, не прячь глаза, – она вплотную подошла к парню. – Откуда ты знаешь, может из меня получится жена получше, чем та русая?»

Действительно, Женья была высокой, стройной, красивой, но от нее веяло таким холодом и своенравием, что никакой красоты уже не хотелось.

Когда поняла, что не сможет склонить парня, она, перекрестив ноги, села на кровать: «Что ж, если ты выбираешь тюрьму, то для таких, как ты, там двери всегда открыты».

– Кто там сидит, тоже люди, – сказал Суадин и ушел.

Мать вздыхала, видя, что сын и невестка спят в разных комнатах.

– Что это такое, сын, я так и уйду на тот свет с мечтою о внуке? Салима вышла замуж, уже семейной стала, долго ли еще будешь страдать о ней? Если и умру сегодня, ты моя единственная обида. Если не хочешь жену, зачем не отпускаешь восвосяи? Она тоже найдет себе кого-нибудь.

– Если сама не захочет, никогда не уйдет, да и некуда ей идти.

– Как, разве такое бывает, разве можно мужчину насильно заставить жить с собой?

– Раз не мешает мне жениться на другой, пусть живет, а если хочет уйти, пусть уходит.

– По-моему, она неплохая. За что ты так возненавидел ее? Наверное, богом не суждено тебе быть с Салимой, потому всё так и случилось. Ну что теперь из-за этого всю жизнь в одиночестве проживешь?

– Одинокий мужчина – не то, что одинокая женщина. Знаешь, как оди-

нокому мужчине худо? А о том, что бросил учебу, я буду горевать всю жизнь. Разве для этого я родился и жил?

– Никогда не слышала такого! Да избранница твоя с мужем и двумя детьми живет прекрасно. Забыла давно про тебя.

Суадин, разгневанно:

– Мама, хватит, столько раз не говори одно и то же!

– Разве я не имею права беспокоиться о тебе? Если не забыл – я твоя мать. Хотя дети редко слушаются матерей. Еще в детстве можно заставить, а взрослый сын настаивает, чтобы мать слушала его.

Мать больше не возвращалась к этому разговору и обиду унесла с собой в могилу.

Похоже было, что в конце концов и сам Суадин свыкся. Накрашенной и красиво одетой утром уходила жена на работу. Вечером возвращалась с продуктами. Надевала дорогой халат и готовила, а потом говорила: «Иди, вроде мой муж, ужин готов». Суадин безотказно садился за стол. Случалось, что и беседовал с ней, рассказывал новости, но не более.

Так жили они несколько лет, а однажды ночью Суадина известили, что его жена попала в автомобильную катастрофу, лежит в тяжелом состоянии, и он пошел в больницу.

Подошел к забинтованной женщине на кровати, спросил: «Как чувствуешь себя, Женья?».

Несмотря на множество увечий, она заговорила ясным голосом: «Радуйся теперь, женишься на русской, дай бог, ответишь за все мои унижения. Чем она была лучше меня? Не знаю, полюбила я тебя или позавидовала ей...».

– Ей нельзя так много разговаривать, – сказал врач и вывел Суадина.

Женья тяжело болела несколько месяцев и умерла. Братья увезли ее в село и там похоронили.

Суадин работал шофером, но, когда зрение начало портиться, вынужден был оставить работу и сидеть дома. Его, оставшегося в одиночестве, забрал один родственник, который отделился от своих и жил со своей семьей в небольшом домике из двух комнат, что построил с горем пополам на окраине села.

Сосед Салимы женился, справляли свадьбу. Мать почти насильно отправила туда дочку со словами: «Хоть намного развеешься». Со своим будущим мужем познакомилась там и вскоре вышла замуж. Думала, что после замужества забудет про Суадина, но, наоборот, теперь любовь к Суадину разгорелась еще жарче. «Когда не была замужем, надеялась, чем черт не шутит... А теперь на что мне надеяться? Всё кончено», – эти думы не давали ей покоя.

Муж оказался уживчивым хорошим человеком, но свекровь возненавидела Салиму: «Разве я хотела женить сына на такой, как ты? Он преподаватель, а ты кто, швея... А кому это надо? Если бы не ты, я сына женила бы на враче, только не знаю, откуда ты взялась. А так в доме был бы врач, ухаживал, если заболею. А ты кто, одного платья тебе хватает на целый год. Хоть красивой была бы...» – когда свекровь говорила так, Салима, не возражая, уходила в свою комнату и горевала.

Салима родила двух детей – сына и дочь. Они, чем больше выросли, тем больше отдалялись от матери, пререкались, не слушались.

«Свекровь детей против меня настраивает, они меня ни во что ставят», – жаловалась Салима мужу. А он в ответ: «Хочешь оболгать мою мать? Думаешь, я не замечаю, как ты ведешь себя? Будто невольно выданная за ненавистного мужа. И когда ты заботилась о муже, о детях? Все заботы о них взяла на себя мать, она их любит и они отвечают взаимностью. Вижу, как ночами лежишь и ворочаешься. И сама ты сколько раз попадала в больницу? Не знаю, может сердце твоё рвется от необъятной любви... Вот такие сумасбродки, как ты, и выдумали любовь. Её нет, есть только согласие между двумя людьми. Если живешь в согласии и без скандалов, что может быть выше? Разве я насильно женился на тебе, или ты заставила долго просить меня? С радостью вышла за меня, и если бы продолжила в таком духе, мы жили бы прекрасно. Плохая ты или хорошая – но мать, и терплю тебя только потому, что не хочу детей делать сиротами», – муж громко хлопнул дверью и вышел.

Правду говорил муж Салимы, ей приходилось часто ложиться в больницу и лечить сердце, постоянно принимать лекарства, и это тоже не нравилось свекрови.

Годы прошли, дети выросли, сын женился, дочь вышла замуж. И свекровь, которую Салима так и не смогла умиловить, ушла в мир иной. Муж тоже, выйдя на пенсию, ушел с работы, занялся пчеловодством и целыми днями возился с ульями.

Салима долго не решалась говорить мужу о своих намерениях, думала несколько дней, а потом, однажды вечером, молвила:

– Не буду говорить долго, скажу прямо и коротко, я решила уйти к Суадину. Невестка наша прекрасно относится к тебе. Благодарение богу, сына хорошего ты воспитал. Так что не останешься в одиночестве. И дочка часто приезжает домой. Во мне нуждаться не будете.

Муж, сидевший за столом, уронил вилку, смотрел на Салиму. Но женщина, словно ничего не замечая и не поднимая головы, продолжала:

– Ни на день, ни на минуту не забывала о нем. Если ночью видела во сне, радовалась. Ты ученый, образованный человек, должен понимать меня.

Поднял оброненную вилку, вертит ее. Через некоторое время отозвался:

– Как ты могла такое подумать в твоём возрасте? Позорить и своих детей, и меня... Что это за любовная болезнь, которая не дает спокойно жить на этом свете? Или на старости лет из ума выжила?

Салима была довольна, что муж разговаривает с ней спокойно, не повышая голос. Она не ожидала, что разговор будет таким легким.

– Один раз в жизни решила, не думая о других, добиться того, о чем мечтала всю жизнь...

– Если соотнести твои слова с твоим возрастом, то ты сошла с ума и не способна отвечать за себя.

Салима, улыбнувшись, возразила:

– Как знать...

Успели Салима и Суадин насладиться счастьем, которое наконец подарила им жизнь, за неполные три месяца, что они были вместе? Наверное, не зря говорят, что жизнь безжалостна.

Салиму все больше беспокоило сердце, ей надо было в больницу, да и лекарства кончились. «Ничего, пройдет, мне станет лучше. Почему мое сердце не лечит само себя?» – думала она.

Когда Суадин спрашивал:

– Клянусь, моя красавица, ты сегодня ночью плохо спала, что-то беспокоит?

– Разве бывает, чтобы в нашем возрасте что-то не беспокоило? Не бойся, сердце дает немного о себе знать.

– Клянусь, так нельзя, врача вызовем.

– Не надо ничего, уже много лет оно иногда побаливает. Главное, чтоб ты был здоров.

– Клянусь, благодаря богу, у меня серьезных болезней нет, но разве мы можем довольствоваться здоровьем одного? Мы оба должны быть здоровыми.

Суадин почти каждую ночь во сне видел Женю. Махала ему рукой, мол, иди сюда, словно насмеялась, подтрунивала над ним. По утрам всё забывал. И Салиме про сны ничего не говорил, чтобы не беспокоить ее. Когда-то он слышал, что бабушка говорила: «Сны, которые видишь в пору осеннего листопада, ничего не значат». Но все равно думал, что жена призывает его к себе, не мог воспринимать этот сон по-другому.

И в то утро Суадин, как всегда, проснулся рано. Но думал, мол, не стану будить Салиму. Если и проспала, пусть, очень хорошо, и лежал не двигаясь. Через некоторое время: «Салима, моя красавица, ты проспала утренний намаз. Верно ты сказала, постарели, если не делать намазы, не обратимся к богу. Как мы предстанем перед ним?». Подождал немного, она лежала, и не слышно было ни голоса ее, ни дыхания, встал и подошел к Салиме. Ощупью потрогал ее лицо – холодное, лоб – тоже холодный.

«Салима, прекрасный мой человек, почему молчишь? Говори, скажи мне что-нибудь», – просил Суадин. Когда понял, что случилось, мужчина зарыдал: «Боже наш, если я не верил в Тебя, мог бы сказать неугодные Тебе слова. Пусть через долгий путь, но Ты дал нам счастье. Это такое сокровище, за которое мы не в силах полностью отблагодарить Тебя. Оно короткое было, мы не насытились им. Вечная жизнь там, Аллах, соедини нас там!» – с такими словами он пошел к своей кровати и лег.

Когда невестка зашла к ним, мол, что-то они долго спят, Суадин с большим трудом спросил:

– Это ты, невестка?

– Я, дедушка. Что случилось?

– Слушай, моя девочка. Нас обоих должны вынести с этого двора.

– Дедушка, ты жив, зачем так говоришь?

– Мне тоже недолго осталось. В этом мире мне делать больше нечего.

К обеду Суадин умер.

Когда их хоронили, на удивление всем, голуби сотнями кружили над ними.

Может, кто-то и не поверит, но это правда.

Зарема АШИНОВА,
учитель истории и обществознания
МКОУ «СОШ № 25» г. Нальчик

ГЕРОИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 1763–1864 гг.

*«Коварством генералы зывали горцев к бою,
Чтоб их затем в набегах хищных обвинять,
Но разве хищник тот, в чей мирный край войною
Нагрянули враги, и отечество родное
От ига и цепей с оружием вышел защищать?!»
Алексей Кирий. «Адыге»*

21 мая 2014 года исполнилось 150 лет со дня завершения Русско-Кавказской войны. Она была одной из самых кровопролитных войн и самой длительной в истории России. Эта война осталась незаживающей раной у всех народов Северного Кавказа. Война, которая длилась более ста лет. Давайте на короткий миг перенесемся в ту эпоху, чтобы понять, почему произошла эта трагедия...

На мировой политической арене появляется новая могущественная империя – Россия. Постепенно все вокруг покорились ей, так, к территории Российской империи были присоединены: Крым, Польша, Финляндия, Азербайджан, Бессарабия. Она принимала непосредственное участие в освобождении Европы и окончании борьбы с Наполеоном.

Но здесь, рядом с Россией, оставалось пространство благородства и свободы под названием Черкесия, и ее вожди наносили унижительные поражения царским войскам. Это был вызов империи. И враг беспощадно уничтожал адыгское население, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей. Горели жилища, горели хлеба, безжалостно вырубались знаменитые адыгские сады, любовно и бережно выращивавшиеся в течение столетий...

Но враг получал достойный отпор. История черкесского сопротивления насчитывает более сотни талантливых предводителей, ни один из которых не сдался в плен. Ярчайшими представителями черкесского сопротивления были Джамбулат Болотоко, Кизбеч Шеретлуко, Ахеджако Пшикуй, Хаджи Догомуко Берзек, Али Цирхиж.

Джамбулат Болото. Болотоков Джамбулат – старший князь Темиргоя. Политический и военный деятель западных адыгов периода Кавказской войны. Сын Хатажука Айтекова. Его личность неизменно привлекала внимание историографов Кавказской войны. Согласно К. Ф. Сталю, он «имел огромное влияние на весь Закубанский край. Он был славен своею храбростью, сильным характером и крутою волей. Это был последний представитель рыцарского поколения прежних черкесских князей». В. А. Потто: «С неустранимостью он соединял

необыкновенный дар красноречия, пронизательный ум, железную волю... Про него ходили целые легенды, и народные барды славили его подвиги в своих песнях». Пользовался большим влиянием среди всех адыгов, в том числе и у абадзехов, с которыми был связан атаклыческими отношениями. В годы русско-турецкой войны 1828-1829 гг. неоднократно во главе крупных сил адыгов производил опустошительные набеги на Кубанской линии. Однако когда с окончанием войны, завершившейся заключением Адрианопольского договора, началось систематическое покорение адыгов, он был вынужден с целью их спасения от истребления в ноябре 1830 года присягнуть императору Николаю I (1825-1855). Встречался с фельдмаршалом Паскевичем, сознававшим важность привлечения влиятельного князя на сторону России. С тех пор сохранял верность присяге, не давая повода российскому командованию развязать военные действия. Был предательски убит летом 1837 года. Некоторые источники (в частности, Дж. Белл., Ф. А. Щербина, Хан-Гирей) прямо или косвенно возлагают вину за это преступление на генерала Засса, которому была исключительно выгодна его смерть в преддверии переноса кордонной линии на Лабу и неминуемых в силу этого столкновений с темиргоевцами.

Кизбеч Шеретлуко. Шеретлук Тугужоко Кизбеч родился в 1777 г. в ауле Беаннаш, расположенном в бассейне р. Адагум. Он происходил из дворянского шапсугского рода Шеретлуковых. Знавший его лично англичанин Д. С. Белл назвал Кизбеча «львом черкесов». Его предводительская военная деятельность в Черкесии приходится на 1810-1839 годы. В 1834 году он дважды одержал победу над царскими войсками. В первом случае, находясь во главе семисот шапсугских всадников, в районе Абина Кизбеч рассеял 14-тысячный царский отряд. В сражении погибло 150 русских воинов, было захвачено 7 телег с фуражом. Во втором случае, предводительствуя девятыстами горцев, «лев черкесов» разогнал еще больший царский отряд, отобрав у него всю его добычу, включая пленных из девяти черкесских аулов. В 1837 году, в сопровождении двухсот пятидесяти человек, Кизбеч атаковал на правом берегу Кубани русский форт, прогнал занятых сенокосом солдат, которые побросали косы, как сказано в источнике, числом около двухсот штук. Забрав их в виде трофея, кизбечевцы вернулись домой.

Кизбеч выступал не только организатором военных походов, но и выказывал личное мужество и героизм. В начале июня 1837 года он в одиночку бросился на стражу Николаевского форта, пленил солдата и прихватил с собой девять винтовок. Однако далеко не всегда военные предприятия Кизбеча заканчивались удачей. 30 января 1830 года «лев черкесов» с четырьмя тысячами горцев атаковал станицу Елизаветинскую, но потерпел сокрушительное поражение от отряда атамана А. В. Бескровного. В другом, но уже победоносном бою, в октябре 1838 года, он получил семь тяжелых ран, ранены были и его сыновья. Вскоре один из них умер. Но это обстоятельство, по словам

Д. Белла, «... не растрогало отца, и он посмотрел на его смерть, как и вообще здесь смотрят на нее, как на предопределение свыше».

Как воин, Кизбеч пользовался большим уважением среди противников. Царские генералы вступали с ним в переговоры и неоднократно предлагали перейти на службу России. Император Николай I за большую сумму пытался приобрести у Кизбеча его портрет. Но «лев черкесов» относился с презрением ко всем предложениям русских.

В конце 1839 года в одной из схваток с царскими войсками он получил несколько тяжелых ранений, которые привели к его кончине. Шапсуги потеряли своего предводителя.

Он ушел из жизни, но остались легенды, песни. Не только остались, но и слагаются, рождаются новые произведения о нем и будут впредь сочиняться, потому что он был любим и почитаем народом.

*«Полная луна – навершие его шлема,
Его тетива никогда не срывается.
Кизбеч на мечях биться любит,
Пикой могучей врагов повергает,
Войско огромное его утрашить не может.
Муж, к подвигам всегда готовый,
Раненых с поля боя выносит.
Среди мужчин – он лев.
Пленных выкупает,
Двое его сыновей орлам подобны,
Князя адыгской земли мечтают увидеть его,
Слава о нем до русского царя доходит,
Египетский царь ему приветствие шлет...»*

Ахеджаго Пшикуй. Ахиджаков Пшикуй – бжедугский князь. Один из влиятельных политических деятелей Западной Черкесии периода Кавказской войны. Герой очерка Султана Хан-Гирея из жизнеописательной серии о выдающихся черкесах. Оказывал значительное воздействие на ход политических процессов в Бжедугии 1820-1830-х, располагая реальными рычагами власти, в отличие от старшего князя бжедугов Алкаса Хаджимукова, являвшегося таковым лишь номинально в силу преклонного возраста. Показательным примером дипломатических способностей Ахиджакова являются события 1827-1828 гг., когда под воздействием мусульманской доктрины всеобщего равенства бжедугская аристократия была фактически отстранена от власти над тфокотлями. В данной ситуации Ахиджаков обращается с просьбой о покровительстве к абадзехам и с их помощью (в том числе и военной) восстанавливает политические прерогативы бжедугского дворянства. В 1829 году присягает на верность России, – для равнинной Бжедугии, находящейся в пределах досягаемости российских войск и в ситуации социальных потрясений и постоянных трений с «демократическими» адыгами, подобный дипломатический ход являлся разумным компромиссом, позволяющим избежать каратель-

ных акций царизма, а также приобрести нового покровителя. Имел офицерский чин российской армии. В 1837 году входил в состав депутации адыгских дворян, встречавшейся с императором Николаем I в Ставрополе. В то же время поддерживал отношения с лидерами воюющих адыгов в надежде когда-нибудь «сбросить маску унижающего достоинства нейтралитета и присоединиться к своим единоплеменникам для борьбы за свою независимость» (Дж. Белл).

Шырыхуко Тугуз. Тугуз происходил из натухайского рода уорков – тлекотлешей. Ему посвящена отдельная героическая поэма. Кроме того он фигурирует в «Песне-плаче о шапсугских героях». Англичанин Дж. Белл лично наблюдал сцену, как Тугуз перед началом штурма приблизился к русской крепости на расстояние выстрела и разъезжал на своем белом коне под пушечным обстрелом. В 1864 году он вместе со своим народом выселился в Турцию, где нагонял страх на подданных султана. Репутация его как храброго наездника была столь велика, что современники сравнивали его со знаменитым предводителем крестоносцев Ричардом I Львиное Сердце.

Берзек (Берзег) Хаджи Исмаил Догомуко. Берзек (Берзег) Хаджи Исмаил Догомуко (Хаджи Берзек) – один из самых известных убыхских лидеров, длительное время возглавлял антиколониальную борьбу причерноморских убыхов и черкесов. В 1840 году возглавил операции по овладению военными укреплениями, воздвигнутыми российскими войсками на северо-восточном побережье Черного моря. Штурмом были взяты форты Вельяминовский, Лазаревский, Новомихайловский, Николаевский. Царским войскам пришлось приложить большие усилия по отвоеванию этих опорных пунктов. Джеймс Белл, называя его черкесским Вашингтоном, пишет: «Хаджи – высокий старик с приятными манерами, с острыми беспокойными серыми глазами, стоявший во главе всех жителей этой части страны, был главным оратором... принадлежит к самому многочисленному роду на всем побережье. Хаджи Берзек и большая часть его рода населяют гористую область, называемую Убых, которая простирается от вершин главной Кавказской цепи почти до параллели Вардана». Он умер в 1846 году во время хаджа, возвращаясь из Мекки. После его смерти лидерство перешло к его знаменитому племяннику Керендуку Берзеку.

Али Цирхиж. Али Цирхиж – черкесский воин славный, отрядом предводитель, в набеге дерзком выкрал дочь генерала Засса. И уважительно полгода с ней общался. Не в качестве рабыни – нет. Девушку научили адыгскому языку, обучили искусству художественной вышивки золотыми нитками (дэнльэч хэдыкIэ) и соблюдению адыгского этикета (Адыгэ Хабзэ). Когда настало время возвратить ее родителю, она якобы категорически отказалась, заявив: «Не хочу возвращаться к этим убийцам...». Все-таки Али Цирхиж настоял на

своим и отвез девушку к отцу. Конечно, кровного врага генералов хотели тут же арестовать и казнить, на это был готов и Засс. Но девушка выхватила кинжал, весь в серебре и золоте, подаренный ей Али, и твердо заявила: «Отец, я убью себя, если вы позволите тронуть его хоть пальцем!».

Али судьбу испытывать не стал. Сев на коня, умчался со двора. Но злобу затаил коварный Засс, преследовал его полгода.

Али погиб несколькими месяцами позже, совсем молодым, неженатым. Его героическая жизнь оборвалась в одной из героических схваток, как это подобает герою.

Танцую мирную кафу, он пули в тело принимал, не прекращая танца, чтоб неуважение не выказать собравшимся вокруг старейшинам.

Для горцев честь и к старшим уважение – превыше жизни.

В 1864 году окончилась Столетняя война на Кавказе. Это напоминало Пиррову победу, но царское правительство торжествовало, оно теперь владело всем Кавказом, доставшимся, правда, дорогой ценой. Остатки варварски уничтоженного и ограбленного народа были вынуждены уходить в Турцию и другие страны. Завоеватель принес «культуру», под пушечные выстрелы, с атрибутами власти – дубинкой, плетью, веревкой с петлей на одном конце. Сотни одиноких, оставшихся в живых борцов ушли в леса и горы, чтобы продолжать в одиночку борьбу против захватчиков... Их называли абреками, и они еще десятки лет продолжали свою уже безнадежную войну. А русский царь Александр II обеспечил себе памятник коронованного палача и, безусловно, заслужил проклятие многих поколений кавказцев.

Так, на виду у всего мира, с любезного согласия ведущих держав мира, был признан Адрианопольский договор, самый бесстыдный и коварный в истории человечества договор, который был, в сущности, низким политическим фарсом, когда Турция уступила России то, что ей никогда не принадлежало, а царская Россия под любым предлогом готова была присвоить прекрасную землю адыгов, несметные богатства, скрывавшиеся в курганах адыгов, оставленные древнейшими предками коренного народа, и порты Черноморского побережья Черкесии, открывавшие выход к другим странам, богатства недр: нефть, серебро, золото.

Так была уничтожена подавляющая часть народа, давшего миру уникальную древнюю цивилизацию.

Народный мститель Омар Батырбиев

Очерк

Старшее поколение балкарцев хорошо знает замечательную героическую песню, наполненную любовью и народной печалью. Она называется «Батырбийланы Омарны жыры». Основное ее содержание выражено в словах: «Твоя звезда, герой, никогда не погаснет. Ты ушел из жизни, но остался с нами. Ты всегда будешь в памяти народной. Твое мужество – пример для подражания. А твоя душа, заполненная теплом любви и сыновней благодарностью к своим согражданам, способна растопить ледник Эльбруса...».

В канун 40-летия Победы над фашистской Германией, желая рассказать о героическом подвиге нашего земляка, я вышел на известного поэта и драматурга Исса Боташева (земля ему пухом), который хорошо знал Омара Батырбиева: вместе у них прошло и босоное детство, и взросление... До самой войны были они друзьями «не разлей вода», а потому при встрече с Иссой Жарахматовичем, человеком бесконечно добрым и очень ранимым, сразу обратил внимание на выражение его лица. Мое приглашение к разговору об Омаре Батырбиеве его, как мне показалось, основательно расстроило. Ему было тяжело настроиться на беседу о человеке, потеря которого сильно потрясла его. Исса даже прослезился, но вскоре, как человек, много повидавший на своем веку, собрался с духом и даже похвалил меня за то, что мы – молодые – не забываем о святых вещах.

Мы говорили с Иссой Жарахматовичем долго. Он достал из шкафа аккуратно завязанную веревочкой папку, развязал ее и стал показывать мне старые, пожелтевшие от времени вырезки газет, другие записи, сделанные им.

– Собираюсь написать об Омаре рассказ, – сказал он с какой-то досадой на себя, – но никак не начну... Простить себе не могу... Может, вместе напишем, в соавторстве?

Я не мог ожидать такого предложения от маститого драматурга. Потому, видимо, немного растерялся. Но он, заметив это, поспешил разрядить обстановку:

– А что? – заметил он. – Ты наверняка владеешь русским слогом лучше меня. Так что возьми эти материалы и проанализируй. Только не потеряй...

Так мы и договорились. Но ушел я от него все же с двояким чувством. Как все это получится, думалось мне, соавторство, если все материалы его – этого уважаемого человека – а я подпишусь под

очерком...

Когда же очерк был готов и я принес его Боташеву, тот прочитал его, встал из-за стола и, подойдя ко мне, тепло прижал к своей груди, приговаривая при этом: «Какой ты молодец! Спасибо, братишка!..» Потом, вернувшись к рабочему столу, дописал рядом со своей фамилией и мою: «Так будет честнее»...

Должен заметить, что короткая, но героическая судьба Омара Батырбиева интересовала не только нас. Иначе его пример не лег бы в основу песни, которую сегодня поют балкарцы. Потому и не берусь утверждать, что именно мы с Иссой Боташевым первыми представили его широкой общественности. В то же время только один ваш покорный слуга уже не раз возвращался к этой теме, пытаюсь воскресить в памяти людской эпизоды его боевых действий в смертельной схватке с врагом нашей Отчизны. В последний раз, правда, я это сделал лет пятнадцать назад, когда писал очерк о его сыне – Борисе, который сегодня возглавляет КСХП «Эльбрусский», что в сел. Лашкута Эльбрусского района.

С тех пор успело вырасти целое поколение молодых земляков героя, которое вправе больше узнать о легендарном человеке, чья жизнь без остатка отдана во имя его прекрасного будущего. И, предлагая уже известный, возможно, многим сюжет о подвиге Омара Батырбиева, считаю очень даже уместным напомнить известную в народе поговорку: от повторения молитва не портится. Тем более такая!

Если сказать, что отец Омара – Жараш – только однажды познал радость, не будет ошибкой. С тех пор, как помнил себя, Жараш гнул спину на своего богатого хозяина. О счастье он не мог и мечтать. Но однажды (в 1911 году) оно улыбнулось ему, войдя в его душу и сердце вместе с бодрящими лучами солнца.

Виновником того прекрасного мгновенья и стал Омар. Весть о его рождении словно на вещих крыльях принесли отцу высоко в горы, где тучными стадами паслись господские коровы и овцы. Он, обиженный судьбой и временем, Жараш, окинул гордым взором одетое в зеленый наряд горное ущелье. Здесь все благоухало. Даже вековые скалы – единственные свидетели его несчастной судьбы – и то, казалось ему, преклонили перед ним свои неприступные вершины... Омрачала его радость только мысль о том, что и сыну доведется всю жизнь гнуть спину на богачей.

...Небогатое наследство получил Омар от своих родителей. Уже в одиннадцать лет он остался сиротой. Но его судьба стала иной, чем думал отец. Пришло новое время, которое открыло Омару и всем трудящимся-горцам широкий, светлый путь к счастливой жизни, к знаниям. Как цветок к солнцу, тянулся Омар к учебе. Закончив 10 классов в Кенделене, он поехал в Пятигорск, где прошел краткосрочные учительские курсы. После работает секретарем сельсовета в Хабазе, заводделом Эльбрусского райкома комсомола. Всегда он был верен заповеди: «Если воспитываешь других, постоянно пополняй и свои

знания». Так проходят дни в неустанном труде, в учебе.

С увлечением он отдается военному делу, успешно овладевает искусством верховой езды. Жигитовка Омара вызывала всеобщее восхищение не только у школьников, но и у видавших виды седобородых стариков, которые говорили: «Не иначе, как в седле родился». Вихрем несся он на вороном Красавце, действуя сразу несколькими клинками, поражая воображаемых врагов...

Командир эскадрона старший лейтенант Гагиев, принимавший участие в одном из соревнований, прямо заявил: «Конникам надо равняться на Омара, и тогда все призы будут нашими». И неслучайно накануне Великой Отечественной войны Омар был назначен председателем районного отдела Осоавиахима.

...Когда гром войны эхом отозвался в вековых скалах Кавказа, Омар Батырбиев стал одним из тех, кто первым пришел в райвоенкомат и потребовал отправить его на фронт... Ускоренными темпами пришлось оканчивать Орджоникидзевское военное училище, и в январе 1942 года, уже командиром взвода, младший лейтенант Омар Жарашевич Батырбиев в составе 331 пехотной дивизии принял первый в своей жизни бой с фашистами. Он сражался как настоящий герой, показывая пример доблести и отваги. Личным примером он вел солдат вперед, заражая их своим мужеством. Когда наступило временное затишье, командование наградило его именным маузером, а друзья-однополчане прозвали Омара горным орлом.

...Фашисты ожесточились. Они все яростнее обрушивают огонь на позиции советских войск. Горит под ногами израненная земля, горят даже камни, а вражеские пулеметчики все не унимаются... Командир полка подзывает к себе Омара и приказывает:

– Обезвредить вражеские дзоты!

И вот Омар и пятеро бойцов, вооружившись гранатами и автоматами, ползут к селу слева – в обход. Еще одно усилие... и фашистские дзоты умолкают: гранаты пришлись в цель. Полк пошел в наступление и занял населенный пункт без особых потерь.

За мужество и командирскую находчивость, показанные в этой операции, Омар получил сначала звание лейтенанта, а затем и старшего лейтенанта. Вскоре он уже командовал ротой, имел орден Красной Звезды.

Весной 1942 года разгорелись еще более ожесточенные бои. Плавившись от взрывов камни, но крепче скал были советские воины, отражавшие бешеный натиск фашистских орд.

И снова в первых рядах бойцов широкоплечая фигура Омара.

Вот задрожала земля от боя фашистских стервятников. Тягла рота Омара. «Держись, ребята!» – подбадривал командир бойцов. Но вражеские осколки раздробили ему нижнюю челюсть, пронзили руки и ноги. Омар потерял сознание, и фашисты, ворвавшиеся в окоп, сочли его мертвым. Подоспевшее подкрепление вышибло врагов с позиций, а Омара боевые друзья нашли почти без признаков жизни. Казалось, нет уже надежды на его спасение, но на сей раз смерть лишь коснулась

своим холодным крылом отважного бойца.

Крепкая воля, железный организм помогли Омару встать на ноги в одном из подмосковных госпиталей. Он снова рвется на фронт, но тщетны его усилия. Инвалидом первой группы возвратился он в родной Кёндеден... Но не может Омар сидеть сложа руки. С поистине корчагинским упорством стремится он хоть чем-то помочь Родине в эти грозные дни. Придя к председателю комитета обороны Эльбрусского райкома Шамсудину Селяеву, Омар требует работы.

– Мое место в рядах народных мстителей, – решает в эти напряженные дни Омар Батырбиев. И снова, в который уже раз, получает мягкий, но решительный отказ: «Вам нельзя. Ваше здоровье очень подорвано». Не таков был Омар Батырбиев, человек пламенной патриотической души, чтобы остаться вне боевого строя... Он знал, что фашисты с озлобленным отчаянием рвутся к грозненской и бакинской нефти.

В холодный осенний день 1942 года в аул прискакал с гор чабан Магомет Сарбашев с тревожной вестью: «Немцы! Спускаются со стороны каменно-мостового»...

Омар, сжав в руках автомат, бросился к ущелью Ажока, откуда приближались фашисты. Здесь он залег в зарослях кукурузного поля. Все ближе цепь фашистской разведки. Вот гремит выстрел. Падает, как подкошенный, обер-лейтенант. Переполошились немецкие солдаты. Опомившись, с волчьей осторожностью продолжали они продвигаться в сторону села. Но и здесь их встречают меткие выстрелы Омара, засевшего за своим родным домом. Шарахнулись в разные стороны враги, вообразив, что окружены партизанами. Но кончаются у Омара патроны. Тут он увидел, как совсем близко к нему подкрался вражеский солдат. Стремительным прыжком Омар добрался до фрица, оглушил его прикладом и, забрав автомат, скрылся.

Односельчане настойчиво просили Омара укрыться где-нибудь в потайном месте. «В семье не без урода, – может найтись предатель, который выдаст», – говорили они. Омар внял просьбам земляков и, забрав с собой жену и двух маленьких детей, скрылся в местечке Суу-Кошулгъан.

...С наступлением же зимы Омар отправляет свою семью обратно в село, а сам находит связь со старым партизаном гражданской войны моим дедом Алием Жанатаевым, который находился в лесах Кийикчи-баши. Спускаясь в село, они резали фашистскую телефонную связь, запасались оружием...

Тем временем в Кёндедене уже свирепствовали фашисты. Они расстреляли чабана Магомета Сарбашева за то, что он сообщил о приближении врагов. Но вскоре вражеское кольцо замкнулось и вокруг Омара. Фашисты, усилиями доносчика, узнали его местонахождение и на рассвете обложили пещеру, где он скрывался. Не осмеливаясь подойти близко к засаде Омара, они сначала злобно горланили: «Бандит, бросай оружие! Сдавайся!» Но Омар меткими выстрелами затыкал им глотки. Тогда фашисты приволокли туда единственную его

сестру, Шамшият, угрожая застрелить ее, если она не уговорит брата сдаться.

Отважная женщина в ответ крикнула: «Омар! Эти кровопийцы ползут к тебе, как змеи! Берегись!» Услышав родной голос, Омар с гранатой в руке выскочил из пещеры. Но вот каратель вскинул автомат, направив его на Шамшият. Не выдержано горячее, благородное сердце героя. Бросился он со скалы на защиту сестры, забыв о том, что не подчинятся его желаниям израненные на фронте ноги. Упал. Фашисты навалились на него, скрутили руки.

...В тот день, словно свинец, лег на горы туман. А холодный, мрачный берег реки Кёнденен напоминал плач матери о погибшем сыне. Угрюмо стояли над аулом вековые Белые скалы, как бы с угрозой всматриваясь в непрощенных гостей.

Это фашистский взвод и несколько полицаев конвоировали женщину и стройного широкоплечего мужчину. Изверги подгоняли их прикладами, торопясь до сумерек войти в село. Босые, полураздетые сельчане оставляли на снегу кровавые следы.

Весть о том, что враги схватили народного мстителя Омара Батырбиева, вскоре узнали в каждом доме. Связанного, привели они Омара в Кёнденен, где подвергли его нечеловеческим пыткам, но ни стоны не вырвалось из уст отважного патриота. Он не сдавался. Как рассказывала его свояченица, Омар замыслил побег, но бежать не удалось. Она видела, как гитлеровцы втолкнули его в машину и тут раздался сильный звонкий голос Омара: «Прощайте, дорогие аульчане! Не падайте духом! Враг будет разбит!»

Затем – застенок гестапо в Нальчике, снова пытки и снова гордое молчание героя.

В один из вьюжных дней Омара вывели вместе с другими заключенными на берег реки Нальчик. Гестаповский офицер приказал предателю, кулацкому сынку: «Покажи того советского офицера, который убил нашего обер-лейтенанта!»

Тот, пройдя вдоль шеренги заключенных, остановился около Омара: «Он, господин офицер!». Омар плюнул в лицо предателю: «Это тебе награда, фашистский холуй!»

Резко отпрянул от Омара вражеский прихвостень, словно раскаленное клеймо приложили ему на физиономию.

Презрительно отвернувшись от него, Омар крикнул заключенным: «Друзья! Наверное, я больше вас не увижу!.. Кто вырвется из этого ада, передайте моему народу, что я остался до конца верным ему! Прощайте!»

...Оборвалась короткая, но яркая, как звезда, жизнь народного героя. Он умер подобно деревьям, которые погибают стоя.

Об авторе

Пшибиев Султан Хангериевич – ветеран войны и труда, член президиума, председатель комиссии по работе с молодежью Кабардино-Балкарского Совета ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов.

Окончил краткосрочные офицерские курсы, капитан в отставке. Возглавлял объединение столовых № 11, был избран секретарем парткома Нальчикского треста ресторанов и столовых. Окончил Ессентукское кулинарное училище, Московский заочный институт советской торговли, работал заведующим базой «Учпрофстроля».

Сотрудничает с республиканскими газетами, издал книгу «В небе ястреб».

Член Союза журналистов России.

Награжден почетными грамотами руководителя КБР и правительства республики. Тремя медалями «За доблестный труд», в том числе медалью «За доблестный труд 1941-1945 гг.», и многими юбилейными медалями.

ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА СИЛЕН ПАТРИОТИЗМОМ И СОВРЕМЕННЫМ ОРУЖИЕМ

Великая Отечественная война показала, что одной из главных составляющих нашей Великой Победы была беззаветная любовь советских воинов к своей Родине. Вполне очевидно, что для защиты Отечества недостаточно обладать современным оружием, необходимо, чтобы оно было в руках настоящих патриотов. Патриотизм воспитывается на примерах героических подвигов защитников Родины и в первую очередь земляков, хорошими книгами, фильмами, песнями. Но проводимые конкурсы показывают, что большинство учащихся не знают, кто такие Маресьев, Космодемьянская, панфиловцы, Покрышкин и Кожедуб, не говоря уже о героях – наших земляках.

С ликвидацией пионерских и комсомольских организаций и отменой начальной военной подготовки в школах несколько лет патриотическому воспитанию вообще не уделялось внимания. Поэтому возрождение патриотического воспитания в школах идет с трудом, без должной поддержки органов образования и администраций районов и городов.

На мой взгляд, необходимо вернуть в школы пионерские организации, начальную военную подготовку, военно-патриотическую песню,

музеи боевой и трудовой славы, издать книги, в которых собраны очерки о героях Советского Союза – наших земляках, и подвигах защитников Родины, совершенных в боях за Кабардино-Балкарию. Желательно переиздать книгу И. И. Понятовского «Огненный цветок» (о юных героях Кабардино-Балкарии).

Наша страна, как и многие другие государства, готовится к празднику Победы. Эта подготовка повлияла на улучшение работы по патриотическому воспитанию. В ней активно участвуют руководители Совета РОСТО, военкоматов, ветераны Великой Отечественной войны. Республиканский Совет РОСТО ежегодно готовит для службы в Вооруженных Силах страны призывников.

Большое значение в патриотическом воспитании молодежи имеет укрепление связи ветеранских организаций с органами образования, культуры, молодежными организациями. Эта работа хорошо поставлена в городах Нальчик, Прохладный и Майский и в большинстве районов республики.

В Совете ветеранов Майского района есть список участников Великой Отечественной войны, закрепленных за школами и отдельными классами. Во многих школах восстановлены уголки и музеи боевой и трудовой славы.

В Прохладном большая работа по патриотическому воспитанию ведется в средней школе № 4, носящей имя адмирала Головки.

Большую помощь школам в патриотическом воспитании учащихся оказывает директор Дома истории Терского района Светлана Нефляшева, организующая встречи учащихся с выдающимися людьми района и республики. Для этой же цели в районе созданы организационно-методический центр и объединение «Творцы нашей истории», где регулярно проводятся встречи учащихся с людьми, которыми гордится Малая Кабарда. В музее имеются стенды, посвященные фронтовикам, воинам и труженикам, удостоенным высоких правительственных наград.

На встречах с молодежью ветераны Великой Отечественной войны всегда, обращаясь к юному поколению, говорят: «Мы хотим, чтобы вы никогда не видели войны, но надо быть готовыми дать отпор любому завоевателю». Об этих наказах ветеранов должны помнить и молодые граждане республики, призванные сегодня на военную службу, и с честью исполнить свой гражданский долг защитника Отечества.

Хасан ТХАЗЕПЛОВ

И. Гадиеву

И я сотворил бы несчастье земное,
Но Богу спасибо, что я не такой!
Мое назначение в мире иное,
И правит Всевышний мою судьбой.

Меня вдохновляет на добрые вести
И путь указывает всемогущей рукой...
А здесь, на земле, процветание мести –
Идут друг на друга зловещей ордой.

И топчут себя и планету нещадно.
Душа у планеты усталой болит.
Откуда ж в тебе, человек, кровожадность?!
Ведь ты предназначен бессмертье творить.

Твое милосердие – спасенье от порчи!
Ты можешь вселить благоверье благим.
Ты – в жизни земной житнетворческий кормчий,
А кормчий не должен быть кормчим плохим!

И ключ от небес заключили в тебе же,
И путь до Судьбы осветили душой...
Один ты приставлен священной стражей,
Хранящей земной и небесный покой.

Берт Гуртуев и Ибрагим Гадиев

ТЕПЛО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ НЕ ОСТЫВАЕТ

Давний друг мой Ибрагим Гадиев перешагнул через своё восьмидесятилетие. Это не верхняя планочка для человека энергичного, вечного оптимиста, настроенного на дружеский лад ко всем. Седой (его давно так называют в семье), но лёгкий на подъём, Ибрагим ещё поработает с нами вместе на поприще духовного закрепления в литературе истинно человеческих ценностей, традиций и обычаев своего народа. А он настоящий носитель и защитник лучших качеств народа.

Мы друзья, как я уже сказал, но здесь совершенно искренне хочу добавить: если он разрешит мне считать так. Быть другом Ибрагима нелегко – он сам человек широкой, щедрой души, и таких же людей, как мне кажется, и выбирает в друзья. Многолетнее знакомство с ним позволяет мне утверждать, что он одинаково благожелательно относится и к старшим, и к младшим, независимо от национальности. Окружающие его люди уважают Ибрагима именно за такой характер. Приведу, забегая несколько вперёд, доподлинно известный мне факт: именно из-за такого его покладистого характера кабардинская часть коллектива книжного издательства «Эльбрус» настоятельно просила в своё время, чтобы директором издательства назначили его. А был он тогда главным редактором издательства... Ни в бытность его главным редактором, ни после, когда он стал директором, он не изменял своему характеру: не то чтобы отвергать или отклонять рукописи авторов, которые обращались к нему напрямую, он сам искал талантливых молодых людей, просил принести рукопись, приглашал и уже сложившихся писателей, опять же, хочу это подчеркнуть, независимо от того – кабардинец ли автор, или русский, или балкарец. И, заметьте, он не отправлял авторов к редакторам, а сам относил им рукописи, при этом не намекая на свою заинтересованность, не высказывая своего мнения по поводу той или иной рукописи, а предоставляя сказать своё слово редактору, как это и положено. И каждый редактор понимал, что если материал принёс Ибрагим Матгериевич, он обязательно сам его прочитал. И, естественно, исходили из этого при рассмотрении рукописи. Но это было потом...

На Кавказе, как известно, мужчины в дружбе не клянутся. Те, кто предаются настоящей мужской дружбе, по-балкарски называются антсызтенгле – безклятвенные друзья, если скалькировать. Не знаю, как он, а я воспринимал его всегда именно так. Старался, как мог, на положении младшего, когда рядом старший, вести себя как полагается у горцев. Правда, я иногда злоупотреблял его хорошим отношением ко мне: одно время Ибрагим работал главным редактором республиканского телевидения, и я довольно часто выступал там. Ладно, если бы я один выступал, а то каждый раз приводил с собой ещё кого-нибудь, кому нужно было помочь. И вёл я новичка с собой, как будто это

я главный редактор на телевидении. Ибрагим никогда не отказывал в предоставлении эфирного времени, искал всяческую возможность помочь человеку.

Интересно, что и главные герои его произведений тоже, в основном, носители именно таких черт характера. Если правда, что каждый писатель вкладывает в каждого своего героя частичку себя, то это об Ибрагиме, с поправкой на то, что у него только главные герои узнаваемы в этом смысле. В первой же повести «Сангаайтама» («Говорю тебе») Мурадин и Барасбий стали настоящими людьми, конечно, после перенесённых ими всех жизненных тягот послевоенного периода. Для молодого читателя надо пояснить, что речь идёт о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Примечательно в этой повести и то, что оставшегося полным сиротой Мурадина воспитывает женщина-кабардинка. Однако и Мурадин, и Барасбий, выросший в балкарской семье, – дети одного времени, впитавшие всю его горечь в одинаковой степени и при этом сохранившие в себе лучшие человеческие качества. Хочу обратить внимание, что повесть писалась в послевоенный период, в изгнании, в Казахстане, куда попала часть высланного с родных мест балкарского народа. А печатали ее в самом начале 70-х годов, через двадцать лет после написания. Факт очень поучительный для писателя.

Большим вкладом в развитие балкарской прозы считаю роман Гадиева «Нарт уя» (критики переводят это название как «Гнездо нартов»). Мне кажется, что в переводном названии несколько сужается территория охвата романа: гнездо нартов – это место проживания нашего балкарского народа, теснина, высокогорье, дома, построенные террасным способом из-за скудости земли, и главные герои – Солтан, Локман, Ортабай, защищая эту скудную территорию, где камней больше, чем людей, не отделяя её от большой территории нашей Большой Отчизны, ставят без сожаления на чаши весов свои жизни.

Здесь напрашивается некая аналогия: когда балкарцы возвращались в родные края в середине 50-х годов, то им предлагалось селиться на равнине, где удобнее жить, трудиться, где обустроить свою жизнь легче, чем на тесных каменных склонах гор. Всё это так. И простора в условиях Казахстана и Киргизии – живи не хочу, но родная земля тянула их. То были дети Локмана, Солтана, Ортабая. Им от дедов и прадедов передалась любовь к бурым, местами мшистым скалам и камням; к мягкой желтизне облепихи, растущей в поймах бурлящих горных рек и созревающей в период обильных снегопадов, с лёгким морозцем по утрам; к барбарису, с красными ягодками, словно пятнышки по склизким бокам форели; к чуть вяжущему кисло-сладкому вкусу чёрной, словно ласточкины глаза, черники; к красной, цвета закатного солнца, бруснике, – всё это картина жизни самого Ибрагима, представляющего Балкарское ущелье, где всего этого вдоволь.

Поэтому так рьяно защищали герои его романа этот скалистый кусочек большой Советской страны, куда и рванулись, как поток из переполненного дождевыми и тальми водами горного озера, балкарцы после тринадцатилетнего жестокого насилия комендантского режима. Впрочем, этому времени, или, как я его называю, времени комендантского часа, продолжительностью в тринадцать лет, посвящена повесть Ибрагима Гадиева «Къанатлыда жел улуйду» («Воет ветер в Канатлы»), где впечатляюще живо выписаны образы солдат и офицеров Советской Армии, которым выпала позорная миссия изгонять

мирных людей с обжитых крутосклонных земель. Тут как нельзя кстати стихи поэта, где есть строки:

*Врагом нам камень не был никогда,
лишь тот нам враг, кто рушил камня душу.
Не может жизнь исчезнуть без следа,
душа всегда отыщет путь наружу.*

*И преданность опорой служит нам,
прочнейшей не лишимся мы основы:
коль нашим будут надобны камням
сердца и души наши, – мы готовы.*

При всём при этом нет у героев Ибрагима, как и у него самого, ненависти ни к Родине, ни к государственному устройству – они живут по завету основоположника балкарской литературы Кязима Мечиева, который призвал в самые мрачные в жизни балкарского народа годы: не обзлитесь на государственность.

Надо сказать, что Ибрагим из тех писателей, которые не торопятся издавать написанное. А издаваться у него была возможность: сам был главным редактором издательства, а позже и директором. Но Ибрагим не был бы Ибрагимом, если бы он воспользовался такими большими возможностями, у него в крови – желание делать добро другим людям, особенно писателям, которые редко удостоиваются чести быть интересными для издателей. Почти по Карнеги, который сказал: «Создавайте людям хорошую репутацию, которую они будут стараться оправдать». И показалось особенно странным, что на ужине в честь его 80-летия было очень мало писателей, которые пользовались его добрым расположением. Но он этого не заметил, не в его это характере.

Здесь я хочу привести один среднеазиатский пример, самым прямым образом накладывающийся на судьбу этого человека, судьбу Ибрагима Гадиева: однажды после ужесточения комендантского режима (это случилось в 1948 году, после которого передвижение балкарцев, да и всех переселенцев, строго ограничивалось, а за нарушение этого предписания виновный отправлялся в лагеря без суда и следствия на 20 лет), знаменитый на всю Киргизию бригадир тракторной бригады, балкарец, слёг. В его бригаде был и не менее известный механизатор широкого профиля – киргиз. Ослабленный от недоедания в первые годы выселения организм надолго приковал бригадира к постели. Председатель колхоза-миллионера (так называли в те времена успешные хозяйства) Ёскёнбай Каипов не стал искать другого специалиста на это место, а поговорил с тем механизатором и попросил исполнять обязанности бригадира без каких-либо дополнительных трудодней (в те годы труд в колхозах оценивался трудоднями), а трудодни бригадира будут начисляться, как и начислялись, прежнему, чтобы семья не нуждалась. Механизатор с радостью согласился исполнять обязанности безвозмездно. Это была хлопководческая бригада. А там халатность наказывалась строго, ибо хлопок – культура капризная, в то же время стратегическая: требует внимания и строго своевременного ухода. Председатель рисковал очень многим, но чувство сострадания перевесило, и он пошёл на этот шаг.

К чему я это в статье о писателе Гадиеве... Ибрагим, директор книж-

ного издательства, тяжело заболел и слёг. Иногда болезнь так обострялась, что Ибрагим одной рукой не мог держать даже обыкновенную авторучку. Прекрасный человек и красавица, супруга его Люда, сама выросшая сиротой, не отходила от него. Вдруг в один из дней ему принесли приказ об увольнении...

(Здесь я вижу немую мину, как в известной сцене из «Ревизора»...)

Ибрагиму было не до возмущения, и он поставил свою подпись об озаномлении. При этом руку с ручкой поддерживала Люда. Ибрагим благополучно выписался, через долгое, правда, время, ушёл на пенсию и сегодня работает над новыми вещами. Но ни разу, нигде он об этом случае не говорил. Более того, делая вид, что он воспринял это как должное, общается с людьми, которые позволили себе такой бесчеловечный поступок. Молодец Ибрагим, такой его характер больше бьёт по душевной чёрствости.

Пример этот я привёл здесь только потому, что и для меня этот случай стал уроком. Было время, меня «уходили» с работы, а на моё место заранее подготовили другого, и тот согласился, не зная, что я ещё работаю там.

И ещё был случай, когда из-за слияния комитета, где я работал заместителем председателя, остался без работы, и в течение восьми месяцев меня не могли трудоустроить, правда, за этот период предлагая место, занятое другим человеком, который неплохо справлялся со своими обязанностями... Как это я мог позволить себе идти на живое место, когда в мою душу навсегда вселился тот человеческий жест Каипова, проявленный им в очень жёсткие времена. Я-то получил урок от конкретного случая, а у Ибрагима это было в его характере. Тем и ценнее его поступок, тем и позорнее для тех, кто такой приказ написал не в самые лучшие времена для Ибрагима...

Поступок Ибрагима тоже урок, если молодые люди воспользуются...

Одно время мы учились с Ибрагимом в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в Москве. Часто за обедом, сказав что-нибудь о соседнем столе, и пока он оглядывался и искал что-то необычное, я переключивал мясо из его тарелки в свою. Когда, обернувшись, он это обнаруживал, говорил: «Пусть этот кусок тебе пойдёт впрок».

Мы жили в разных корпусах, и я, бывало, позвоню ему засветло и говорю, что я его жду на улице. Он вскакивал, быстро одевался и выходил. А я ещё толком и не проснулся. Самые возмущенные слова его в таких случаях были: «Ума нету – считай калека». И шли мы вместе, как всегда, смеясь над моими проделками и улыбаясь, на лекции.

Сам он был очень внимателен ко мне, как к младшему, а я старался тоже быть рядом с ним, как и полагается на Кавказе, в роли младшего. Не знаю, как это у меня получалось, но ни разу он меня не упрекнул в том, что я себя при нём веду нехорошо.

Айзек Азимов, этот выдающийся писатель и философ, сказал как-то: «Нельзя заставить людей полюбить друг друга, но я хотел бы уничтожить ненависть между людьми». Это о поведении Ибрагима в течение всей его жизни.

А я живу, удивляясь его выдержке, высоким человеческим качествам, и радуюсь тому, что в свои 80 лет он выглядит молодо и полон желания и сил работать и работать. Исполнения всех желаний и планов ему! Я тоже прожил уже много лет, но во мне не остывает тепло его человечности.

ДОРОГА

Главы из повести

Совсем недавно пришлось в пятый раз по десять рублей собирать в этом году деньги на строительство дороги. И вот в такое нелегкое время, когда, казалось, что и одного дома уже не сыскать, где можно наскрести хотя бы полтинник, прямо-таки проходу не стало от старост сел, требующих денег и для уплаты налогов. А год уже заканчивался. Но как бы они ни старались, им удалось выудить деньги не более чем у пяти-шести семей в каждом селе.

Дня три назад начальник Горского участка капитан Пятковский вызвал к себе старшин всех пяти балкарских обществ, которые составляли его участок, и потребовал в кратчайший срок собрать с населения все налоги за этот год и недоимки за прошлый. А с Крымом он имел отдельный разговор.

– Ты, Крым Хаждаутович, зря тешишь себя несбыточными мечтаниями, слушая красивые слова господина Эрбелиани, – ехидно сказал Пятковский, как бы даже сочувствуя ему, простодушному Крыму, обманутому пустыми обещаниями начальника округа. – Балкарское общество строит себе дорогу, а какое отношение имеет к этому делу государство? Мало ли дел и забот в городах и весях Российской империи? Всегда, как говорят, забот – полон рот! Почему же ты думаешь, что вашей Балкарии будет оказана большая честь, чем другим обществам и селам самой матушки-Руси? Вот, послушай внимательно, – российский император одаривает Балкарское общество своей милостью, коей не удостаиваются и русские общества! Как звучит? Смешно, верно? Вот именно! Понимаешь?!

– Понимать-то понимаю, но...

– Здесь никаких «но» не должно быть! Если господин Эрбелиани подзабыл, в какой стране он живет, то я не забыл. Я служу великой Российской империи! – сказав эти слова Пятковский гордо вскинул голову, словно вся Россия только и держалась благодаря его усердной службе. – А раз так, пока я являюсь начальником участка, у меня один единственный долг – охранять, как зеницу ока, интересы империи и царя. А что это значит? – шагнул он к Крыму, словно учитель к несмышленому ученику. – А это значит, чтобы все жители вверенного мне участка были усердными слугами его величества, стали бы добронравными, законопослушными гражданами, кои первым своим долгом должны счесть своевременную уплату налогов. Какими там иллюзиями забавляется господин полковник – это его дело. Понял? Освободить Балкарское общество на три года от налогов! За что?! Что же такое сделала твоя Балкария для России? Держите рот поши-

ре – можно подумать, что у царя больше нет других забот, кроме как заниматься вами!

– Да ведь работы много, трудно народу... – начал было Крым, но Пятковский опять перебил его.

– Ах, трудно? Нечего было тогда начинать! Можно подумать – раздвинув горы, построив широкую да гладкую дорогу, вы, горцы, в фаэтонах на оперы в Петербург, в Вену, в Париж ездить будете! Короче, хотите строить дорогу – стройте себе на здоровье хоть до луны, хоть к черту на кулички! Но налоги государству платите вовремя!

Крым сдержал себя, не ответил грубостью на грубость капитана.

– Понятно! – коротко сказал он и, холодно попрощавшись, ушел.

И вот теперь и он сам, и его помощник Ахмат из Мусуковых, и старосты сел, как бы они ни старались, а собрать налоги с жителей общества не могут.

Вне себя от злости и на Исмаила из Аланбиевых, так опрометчиво начавшего строительство дороги, и на Эрбелиани, уже полгода обещающего избавить население Большой Балкарии от налогов, но до сих пор все еще ничего не добившегося, и на народ, что никак не наскребет эти несчастные рубли, на чем свет стоит ругая их всех, Крым сидел у себя в правлении, потеряв голову, не зная, что и делать. В это время и зашел в правление Добровольский.

– Крым Хаждаютович, хорошая новость! – воскликнул он еще с порога. – Действительно, лицо его сияло, словно только что состоялась его помолвка с любимой девушкой.

Таким голосом, словно вопрошая о том, какие еще могут быть на этом свете радостные вести, Крым спросил:

– Что это за новость, Любомир Карлович?

– Нашелся человек, который будет строить мосты. За двадцать тысяч обещал построить четыре моста. Известный коммерсант из Владикавказа – Иннокентий Васильевич Гамар. Слышали о нем?

– Нет, не слышал.

– Обещает уже к весне закончить. Говорит, что если мы откроем дорогу к тому времени, когда он построит мосты у Бабугента и у озера Чирик-кель, он сразу же возьмется и за мосты в самой Большой Балкарии.

– Он-то, может быть, и построил бы, да только где нам деньги взять? – сказал Крым, тяжело вздохнув. – Налоги даже собрать не можем...

– А я обещал этому человеку, что сегодня мы с вами будем у него – чтобы подписать договор. Что же теперь делать?

– Вы встречались с Исмаилом Наурузовичем в Нальчике?

– Нет. Он, говорят, в Баксане. Там вроде смута какая-то. Из-за леса.

– Что за лес?

– Вроде бы Батырбиевы не позволяют народу пользоваться лесом в Приэльбрусье, и из-за этого и началась ссора. Рассказывают, что даже драка случилась. А что вы хотели от Исмаила Наурузовича?

– Как что? Он же затеял это проклятое строительство. А теперь, сами видите, ни налоги собрать не можем, ни закончить дорогу. А сам он в самое трудное время взял да и ушел.

– Дорогу уже заканчиваем, Крым Хаждауютович. Осталось совсем немного. Нам бы теперь за мосты взяться.

– Не так-то просто братья за них, коль руки пусты! Такой ли этот твой Гамар добренький, построит ли он нам мосты задарма? Нет, душа моя, не построит. А у жамауата силенок уже не хватает. Эрбелиани все еще не может нас избавить хотя бы на год-другой от налогов. Исмаил Наурузович – благо, причина есть! – сбежал, умыл руки. А что теперь изволите мне делать? Скажите, может, знаете способ, чтобы с неба деньги посыпались?

Добровольский подошел к столу, оперся обеими руками и, наклонившись близко к Крыму, тихо сказал, словно сообщая какую-то сказочную тайну:

– Я знаю такой способ!

– Что же вы тогда молчите, Любомир Карлович, – съехидничал Крым. – Скажите, душа моя, как это можно сделать? Да заодно и народу сообщим – пусть люди бегут скорее с мешками! Только надо указать место, где начнут сыпаться деньги с неба – надо же знать, куда бежать!

– Здесь, прямо во двор правления начнут сыпаться деньги, только надо собрать народ на сход и получить на то его согласие.

Крым пристально посмотрел в лицо Добровольского – кто его знает, может, на него временами находит, подумал он.

– Я не сумасшедший – я говорю серьезно, – сказал Любомир Карлович, прекрасно понимая взгляд Крыма.

– Тогда собираем сход сегодня же – не волнуйся, народ даст свое согласие! – сказал Крым, никак не понимая, к чему эта глупая шутка.

– Если посыплется столько денег, сколько уже ушло на дорогу и сколько еще уйдет, будете довольны?

– Конечно!

– А если денег будет еще больше?

– Мы с вами поделим! Где вы видели, чтоб деньги были лишними?

– Нет, Крым Хаждауютович, будет нечестно, если мы присвоим деньги, которые предназначались народу. Давайте лучше сделаем так – лишние раздадим народу. Пусть люди уплатят и налоги, купят для дома, для семьи что-то необходимое, пусть выстроят школу, пригласят учителей.

– Хорошо, пусть будет по-вашему – собираем сход?

– Значит, собираем.

– Хорошо. Только позвольте спросить об одном пустячном деле?

Любомир Карлович, улыбнувшись, добродушно развел руками – о чем, мол, разговор – спрашивайте.

– Простите меня, неуча и невежду, но я не понимаю – как вы сможете сделать так, чтобы с неба посыпались деньги? Заговором аль

волшебством каким?

– Не заговором и не волшебством – договором, Крым Хаждаутович, договором!

– А с кем мы будем заключать договор? С самим Аллахом? Любомир Карлович, но вы же – не Насреддин-ходжа!

– Нет, не Насреддин-ходжа – я инженер-капитан саперного батальона Терского казачьего полка Добровольский. А с этим вашим Насредином-ходжой, прошу прощения, не имею чести быть знакомым. А договор будем заключать все с тем же господином Гамаром.

– А-а-а, понял! – сказал Крым, в то же время ничего не понимая и все еще принимая весь этот разговор за розыгрыш. – Он нам и мосты построит, и денежный дождь устроит, а мы лишь должны дать на это свое согласие, так?

– Совершенно верно! Вот теперь вы начали понимать суть дела. Но одного голословного согласия мало, надобно договор заключить по всей форме.

– За этим дело не станет – можем заключить и тысячу договоров о том, что мы тысячу раз согласны.

– Нужен один договор, только один, Крым Хаждаутович. О том, что Балкарское общество позволяет купцу первой гильдии Иннокентию Васильевичу Гамару вести разведку полезных ископаемых на своей территории, а если он таковые сыщет, то разрешить их разработку и добычу. Вот тогда-то господин Гамар и устроит для Большой Балкарии дождь из денег. В день, когда договор будет заключен, он выплатит двадцать-сорок тысяч рублей, а потом ежегодно по девять-десять тысяч.

Пораженный тем, что все это оказалось не глупым розыгрышем, а разговором о том, что может произойти в действительности, и все еще не веря своим ушам, Крым так и остался стоять посреди кабинета. Потом, придя в себя, спросил недоверчиво:

– И это действительно возможно?

– Вчера в гостинице всю ночь об этом проговорили. Сейчас таких промышленников, как он, желающих поскорее прибрать к рукам богатства недр, полным-полно.

– Какие еще богатства есть на нашей земле, кроме камней, – и представления не имею.

– Э-э, не говорите! Золото, серебро, ртуть, каменный уголь, железо, а самое главное – нефть. Что там, в земле, кто знает?

– И то правда. А если он ничего не найдет?

– А это уже его дело. А вам, согласно заключенному договору, денежки так и будут сыпаться с неба, то бишь из кошелька господина Гамара.

– Оллахий, хорошую новость ты принес! А этого самого Гамара не утащат у нас из-под носа другие общества?

– А кто его знает. Поэтому-то и надо поспешить. Он, оказывается, прослышал и о том, что у вас где-то на Сукане уголь есть.

– Есть такое место – возле фермы Мусуковых.

- А нефть есть? Ну, как вы говорите, масло для арбы?
- Есть и такое место. Неужели он знает и про это место?
- У промышленников на такие вещи нюх хороший – за тридевять земель чуют. Так что он сюда стремится неспроста...
- Ты посмотри! Ведь об этих местах и не все балкарцы знают!
- Ну, так что? Собираем сход?
- Так надо же сперва с ним самим поговорить. Договориться обо всем, а потом уж собрать народ и предложить ему одобрить соглашение. А без этого к чему тревожить людей?
- Да, наверное, так будет лучше. Тогда завтра едем вниз?
- Тейри, надо ехать. Если Аллах благословит это дело и нам удастся договориться – все было бы хорошо. Прямо как в сказке!
- Вот и хорошо. Рано утром жду вас, – сказал Добровольский и, попрощавшись, ушел.

А Крым сел за стол и стал думать об этой поистине интересной новости. Ему даже стало немного жалко, что все эти бешеные деньги, коль сделка состоится, проглотит этот ненасытный эмеген-общество. Но в глубине души самому себе об этом ясно не говоря, лелеял надежду на то, что и ему самому, наверняка, что-то перепадет. Кто держит мед, говорят, облизывает пальцы. Раз он, Крым, будет держать мед – распорядиться этими деньгами, – то почему ему и «не облизывать пальцы»?

На следующий день после полудня Крым и Добровольский подъехали к гостинице в Нальчике, где проживал промышленник. Их радушно встретил сам Гамар – рослый, приятной внешности мужчина с редкой сединой в густых черных волосах, аккуратно уложенных в пробор. Поздоровавшись, не тратя попусту время, сразу же перешли к делу.

– Во-первых, хотелось бы узнать, что вы запрашиваете от нашего общества и, если общество удовлетворит вашу просьбу, какая ему от этого выгода? – напрямую спросил Крым.

– Я не впервые заключаю такие договоры, господа, – сказал Гамар. – Под Грозным я добываю нефть, в Дигории у меня есть рудник, так что не буду крутить вокруг да около, а скажу сразу о сути дела. Во-первых, если мы договоримся, то на вашей земле кроме меня никто не должен иметь право вести разведку полезных ископаемых и их разработку. Во-вторых, вашему обществу будет принадлежать десятая часть прибыли от разработки полезных ископаемых, если таковые найдутся. Потом – за каждую десятину земли, где мы будем вести разведку, буду платить по рублю за год. И каждый раз на год вперед. Я знаю ваши земли – поиски намереваюсь вести в ущельях Хыдны, Сукан, Уштулу. В каждом ущелье могу взять по пять тысяч десятин, если вы будете согласны. Итого – по 15 тысяч ежегодно за аренду земель. Таковы мои условия. Если вы согласны – заключаем договор. Если же нет – на то воля ваша. Что скажете?

– Земля, как вы сами понимаете, принадлежит не мне, а обществу, а потому, естественно, на заключение договора должно быть ре-

шение схода общества, – ответил Крым. – Соберем сход, посмотрим, что скажет народ. Но, я думаю, мы сможем договориться. И еще, вы уж не обессудьте, в таких делах мы сами не очень-то разбираемся, а потому нам надобно и со знающими людьми посоветоваться. Если все пойдет без задержки, то за какое время мы сможем заключить договор?

– А это все зависит от вас. К примеру, может быть, вы целый год протянете со своим сходом – откуда мне знать? Когда получим решение схода, постараемся дело не затягивать, я сам помогу. Если мы сможем заключить договор в течение одного-двух месяцев – это неплохо. Наш договор должны одобрить и в Нальчике, и во Владикавказе, и в Тифлисе, и в Санкт-Петербурге. А это, сами понимаете, не скоро делается. Я оставлю вам свой адрес, вы и приезжайте ко мне с решением схода общества и мы заключим договор. А потом – посмотрим.

– А о мостах что скажете?

– О мостах надо договариваться отдельно. Это уже не такое сложное дело. Сколько мостов он хотел бы построить?

– Через Черек-Хуламский – один, через Черек-Балкарский у озера Чирик-кель – это два, между селениями Ышканти и Кюннюм – это три, у селения Мухол или Косфарты – это четыре. Сколько денег потребуется от общества на строительство этих мостов?

– Меньше, чем за двадцать пять-тридцать тысяч вам эти мосты никто на свете не построит. Но так как я и сам буду пользоваться ими – построю, так уж и быть, за двадцать тысяч. Но договоримся сразу – лес ваш.

– Ого! Если мы и лес дадим, то...

– Вы меня не так поняли. Речь идет о том, чтобы мне было дано разрешение взять необходимое количество леса из ваших общественных лесных угодий.

– Это – совсем другое дело, – сказал Крым.

– Есть какая-нибудь возможность не тянуть со строительством мостов? Можно ли сразу же приступить к делу?

– Почему бы нет! Чего тянуть? Опять же пусть сход примет решение, подготовим договор – и можно начинать. Не будем тянуть. Если к весне мы сможем заключить и другой договор, тогда и свое дело я начну без всяких препятствий, – сказал Иннокентий Васильевич.

– Вы еще сколько пробудете в Нальчике?

– Я уезжаю послезавтра.

– Давайте сделаем так: завтра в первой половине дня мы встретимся с нужными людьми, посоветуемся с ними, а во второй половине найдем к вам и обо всем окончательно договоримся. Хорошо?

– Согласен. Приходите, я буду ждать вас.

Когда, попрощавшись с Иннокентием Васильевичем, Крым и Любомир Карлович вышли из гостиницы, уже смеркалось.

– А сейчас пойдём к Исмаилу Наурузовичу и посоветуемся с

ним, если он приехал, – предложил Добровольский.

– Лучше завтра пойдем к нему на службу – чего ради так поздно будем их тревожить, – сказал Крым. Ему некогда, и ни к чему было объяснять Добровольскому, человеку, не знакомому с горской психологией да этикой, что Крыму неохота идти в гости в дом Исмаила, да и наверняка он не будет там таким уж желанным гостем.

До чего же странный этот народ! Все смотрят на него, Крыма, косо за то, что он не позволил прогнать Залимхановых с дууа бедной Нюржан. Почему? А вот походи и узнай! Нет же, кажется, такого обычая – прогонять человека с дууа, если он и кровный твой враг. Почему же тогда именно он, Крым, должен был нарушить этот народный обычай. Тейри, если б прогнал, еще не то было бы – где, мол, такое видано! Разве народу глотку заткнешь?

Нашлись и такие – болтают, что он, Крым, взял эти три тысячи рублей, уплаченные Залимхановыми в счет калыма, как взятку, за то, что не посадил Бекболата. Как ни говори, но умыкание девушки – это ведь тоже своего рода народный обычай. А если это так, то что мог он, Крым, сделать Залимхановым? Хорошо, пусть бы он пренебрег законом гор, что безоговорочно требует мирного урегулирования отношений между родами, если даже и совершено тяжкое преступление, и отправил бы этого Бекболата гнить в Сибирь, а это он мог сделать, – но толку-то с этого? Нюржан, бедная, умерла, ушла, и теперь не только одного Бекболата, а всех жителей Большой Балкарии отнеси и высыпь в Сибирь – разве оживить ее, вернуть? Если б можно было этим оживить, вернуть Нюржан, Крым не прочь бы не только Большую Балкарию, но и весь свет отправить в Сибирь! Да вот беда – это невозможно, великий Аллах не допускает такое. Почему же тогда, стремясь к мести, должен был Крым растоптать и горские обычаи, требующие при любых случаях не таить злобы и мести, искать мира и согласия, почему должен был встать на тропу вражды с одним из сильных родов, почему не должен был принять калым, положенный ему по шариату? Почему все это не может понять этот дурной народ? И эти Аланбиевы тоже – скоро сами нищенствовать начнут, а все еще пыжатыся, хотят ангелами быть в глазах народа. Теперь распродадут землю и скот, чтобы построить Исмаилу дом в Нальчике, – тогда посмотрим, как они будут важничать! Уже есть люди, заранее заготовившие пачки денег, прослышав о том, что Аланбиевы в скором времени переселятся вниз, в Нальчик, будут распродавать землю и скот. Если сегодня твой дружок дал тебе должность, то завтра на его место может прийти твой враг и отобрать эту должность – тогда, оставшись без земли и скота, посмотрим, как далеко ты пойдешь! Эх, если б эти разговоры обернулись правдой и убрались бы отсюда Аланбиевы, тогда в Верхней Балкарии никого уже не было бы из князей, кто бы осмелился встать у него на пути. А из черного люда кто стал

бы ему перечить? Мисировы? Да, словесное уважение у них есть, но богатства особого нет. Мамаевы, Таукеновы – то же самое. Сабыровы, Мусуковы? Эти могут и попытаться со мной потягаться. Но их можно обласкать, приручить – зачем на свете существуют красивые слова, если не для таких дел? К тому же можно их утихомирить и кое-какими подачками. Сабыровы поистине сабыры¹, с ними всегда можно поладить, только вот откуда взялся этот ишак ли, Ахмат ли из Мусуковых? У них, говорят, Солтан никак оправиться не может, худо, вроде, с головой; как бы он не кувыркнулся и шуму не наделал...

– Крым Хаждаутович, если Исмаил Наурузович не приехал, зайдем к господину Эрбелиани.

Поглощенный своими мыслями, Крым, хоть и слышал Добровольского, но сразу никак не мог вникнуть в суть сказанных им слов.

– Зайдем, если он у себя, – ответил Крым после паузы.

– Из-за уважения к Исмаилу Наурузовичу он сделает все, чтобы нам не было вреда, а была бы польза, – добавил Добровольский. – Если даже и попытается обвести нас вокруг пальца в чем-либо эта лиса, так он, видимо, заметит – все такие дела, наверное, проходят через его, начальника округа, руки, знает, конечно, больше нас.

– Конечно, – небрежно ответил Крым.

Сейчас ему было не до Эрбелиани, ни до того, что тот знает или не знает – все его мысли в эту минуту были в Большой Балкарии. Он был здесь, а мысли – там. Они, его мысли, с кем-то спорили, с кем-то мирились, и все для того, чтобы приумножить его богатства – стада, сенокосы, пашни...

Исмаил, оказывается, уже приехал и был на работе.

– Зайдемте к Васо Илларионовичу, если он у себя, – предложил Исмаил, и все трое направились к зданию Окружного управления, что располагалось совсем недалеко. Когда зашли к Эрбелиани, у Крыма и Любомира Карловича аж рты раскрылись от удивления – Иннокентий Васильевич сидел у начальника округа.

– Ого! – радостно удивился Васо Илларионович, вставая им навстречу и широко разводя свои длинные руки в стороны. – А я как раз думал о том, как же всех вас сейчас отыскать!

– Раз так – мы здесь! – ответил Исмаил, здороваясь. – Видно, Иннокентий Васильевич и мы – по одному и тому же делу.

Усадив гостей, Эрбелиани сразу же перешел к делу.

– Я не против вашей сделки, но, мне кажется, что вы не обо всем договорились до конца. Потом могут возникнуть разногласия и споры. А это не нужно ни Иннокентию Васильевичу, ни Балкарскому обществу. К примеру, согласно вашей договоренности, Балкарское общество предоставляет Иннокентию Васильевичу в трех местах пятнадцать тысяч десятин земли в аренду. Так?

– Так, – ответил Крым.

– А на сколько лет?

Крым ничего не мог ответить.

1 Сабыр – тихий, спокойный, мирный, незлобивый.

– Это раз, – продолжил Эрбелиани. – Второе. Крым Хаждаутович, вы знаете о том, что как только будет заключен договор в таком виде, то Балкарское общество лишится этих земель на веки вечные?

– Как?

– А очень просто – если время аренды не оговорено, то эти земли, по существу, переходят в собственность Иннокентия Васильевича. И если даже он где-то нарушит закон, нарушит договор, и земли эти будут у него отобраны, то все равно они не будут возвращены Балкарскому обществу, а перейдут в собственность государственного управления по разработке полезных ископаемых. Итак – надо обязательно четко записать в договоре, на какой срок сдается земля в аренду. И еще – надо добавить фразу о том, что Балкарское общество не требует от государства новых земель взамен сданных в аренду. Иначе ваш договор не будет одобрен. Третье – надо договориться о том, что земли после завершения разработки полезных ископаемых возвращаются Балкарскому обществу. Вам, Иннокентий Васильевич, нужны полезные ископаемые, а не сама земля, так?

– Так-то оно, конечно, так, но кому земля вреда приносила? – попытался отшутиться Гамар, улыбнувшись.

– Знаю я вас, промышленников! – шутливо погрозил пальцем и Васо Илларионович, – вы, Иннокентий Васильевич, обычно имеете склонность купить седло, а потом требовать к седлу и коня!

– Васо Илларионович! – укоризненно развел руками Иннокентий Васильевич, как бы говоря, что кто-кто, но он-то не такой.

– Ну, раз так, то, составляя договор, не забудьте мои замечания. К тому же, Иннокентий Васильевич, вы такой уважаемый и известный деловой человек, могли бы как-то и джентльменство проявить по отношению к Балкарскому обществу – в связи со строительством дороги ему сейчас нелегко приходится.

– Я дал слово, Васо Илларионович, – сразу же, по заключении договора, начать строительство мостов. Вот здесь свидетели – и старшина общества, и господин капитан.

– У меня еще одна к вам просьба, уважаемый Иннокентий Васильевич. Вы, видно, всерьез возьметесь за это дело, и средств у вас – да множатся они многократно – достаточно. Не могли бы вы в это трудное для Балкарского общества время, после заключения договора, выплатить арендные деньги на три года вперед? Сколько это будет. Сорок пять тысяч? Что для вас эти несчастные сорок пять тысяч! Ну как? Если б вы так благородно поступили, люди в Балкарском обществе вашим бы именем клялись!

– Васо Илларионович, я вижу, если так и будет продолжаться, я выберусь отсюда совсем уж обобранным. Хорошо – пусть и на сей раз будет по-вашему. Но более меня ни о чем не уговаривайте!

– Я молчу, Иннокентий Васильевич, если только представители Балкарского общества Исмаил Наурузович и Крым Хаждаутович не хотят что-то сказать.

– Нет и нет, Васо Илларионович! – шутливо воскликнул Инно-

кентий Васильевич, вставая. – Если даже он сам, – тут Гамар указал пальцем в небо, – хочет что-то сказать, я не буду слушать! Я вижу – мне надо скорее отсюда бежать!

– Если у старшины общества Крыма Хаждаутовича к сказанному добавить нечего, я тоже молчу, Иннокентий Васильевич, – сказал Исмаил.

– Мне тоже нечего добавить – я согласен с тем, что вы решили. Спасибо вам.

– Тогда поздравляю всех вас! Да начнется ваше дело в добрый час! – Васо Илларионович поочередно пожал всем троим руки. – Вам-то хорошо: один из вас за горсть денег приобретает обширные земли, а другой за два-три клочка каменистой бесплодной земли получает баснословную сумму денег, а нам с Любомиром Карловичем – только шиш! Так, да?

– Так или не так – не знаю, но меня уж, вы, навалившись всем скопом, точно уж обобрали! – сказал Иннокентий Васильевич. – Ни за что не соглашусь, если в договоре не будет указано, что земля сдается в аренду на сто лет!

– На сто лет – это значит, навечно, Иннокентий Васильевич! А потому – не более чем на девяносто.

– И откуда вы все это знаете, Васо Илларионович? Хорошо, хорошо – пусть на девяносто.

Все были довольны предполагавшейся сделкой и стали расходиться в хорошем настроении.

– Ты, Исмаил Наурузович, задержись на минутку, я хотел с тобой поговорить по одному делу, – попросил Васо Илларионович.

– Сейчас, провожу Крыма Хаждаутовича и Любомира Карловича и вернусь, – ответил Исмаил и вышел вслед за теми на улицу.

– Оставайтесь сегодня у нас, переночуете, а утром рано поедете, – предложил Исмаил.

– Спасибо, дай Аллах, чтоб мы ходили в твой дом только по радостным событиям, – сказал Крым. – Надо скорее добраться до дому, сообщить народу о том, что завтра будет сход. Я думаю – тянуть с этим нечего.

– Ты, наверное, прав, Крым, – хорошее дело нечего откладывать. Ладно. Встретишь наших – передай привет. В добрый путь! Пусть сход пошлет для заключения договора трех человек во главе с тобой.

– Хорошо.

– Ну, тогда в добрый путь!

– Спасибо! И тебе всего хорошего! – сказал Крым вслух, а про себя добавил: «Чтоб ты провалился!» – и тут же устыдился этой глупой мысли, невесть откуда пришедшей в голову...

– Ну, что там случилось? Что ты сделал? – спросил Васо Илларионович, когда Исмаил вернулся.

– Все Призьбрусье император Российской империи Александр подарил Батырбиевым, когда Хамзат женился на вашей дочери – ведь Его Величество сам покровительствовал этому союзу. Но, несмотря

на это, народ, как и прежде, возил дрова и лес на строительство беспрепятственно. Батырбиевы не чинили никому особых препятствий, считая, что лесу от этого не убудет.

– А что же теперь случилось – лес уже поредел, уничтожается, что ли?

– Дело, по-моему, не в этом. Сын князя Исмаила Сафар-Алий закончил в Москве Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию и приехал домой.

– Слышал, ну и что?

– Вот он и начал настаивать на том, чтобы пользоваться лесом разумно и дельно. Если нужны дрова, говорит он, есть хороший валяжник, сухостойные деревья – берите на здоровье, топите; а если нужен лес для строительства – скажите нам, и мы укажем, смотря на что нужен лес, те деревья, которые можно рубить.

– А что – правильно говорит.

– А народ на дыбы – с чего это, говорит, лес, возвращенный Аллахом, стал лишь вашей собственностью?

– Не понимаю – если беспрепятственно может заготавливать дрова, брать лес для хозяйственных нужд, то что еще нужно народу, какое ему дело до того, кому этот лес принадлежит?

– Так-то оно так...

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ты же сам кавказец – неужели не понимаешь в чем дело? Не хочет гордый горец-уздень – сам себе хозяин – не хочет унижаться, испрашивая разрешения у кого-то, чтобы срубить дерево в лесу! Народ сегодня уже не тот, что был вчера. После отмены крепостного права каждый стал чувствовать себя человеком – гордым, независимым, а потому никто ни перед кем унижаться не хочет. Понятно?

– Исмаил, скажи правду – ты социалист?

– Что еще за вопрос, Васо Илларионович.

– Ну как же так – если каждый, не желая ни перед кем унижаться, будет брать то, что ему хочется, не испрашивая даже разрешения у хозяина, – что тогда получится? Скажи-ка, друг мой?

– Я не считаю, что это правильно. Не потому, что они мои родственники, но думаю, здесь Батырбиевы правы. Почему? Они хотят, чтобы лесом пользовались разумно, чтоб там был порядок, беречь лес и не изводить его под корень. Разве можно их в чем-то винить?

– Ты сказал об этом народу?

– Конечно!

– Ну и что?

– Лес принадлежит всем. Почему это они хотят быть распорядителями? – вот что говорит народ. Но ведь царь, говорю, подарил этот лес Батырбиевым. А царю, отвечают, что – этот лес по наследству, от его отца, что ли, достался, какое он имеет право дарить кому-то народный лес? Что им скажешь?

– Значит, по твоему рассказу выходит, что тебе не удалось разузнать людей?

– Кто его знает. Постарался объяснить, говорил – не делайте так, ни к чему, мол, хорошему не приведет то, что вы против воли царя да против законов и порядков государства пойдете. Если, сказал, считаете, что лес принадлежит Батырбиевым не по праву – оспаривайте это по закону, как положено. И если даже закон станет на вашу сторону, и лес перейдет в общественное пользование, говорю, нельзя так, как вы, не по-хозяйски относиться к лесу.

– Что это значит – не по-хозяйски?

– Кое-кто зимой, приберегая сено, рубит кустарник и молодые деревья для корма скоту, возят целыми арбами.

– Но это уж чересчур! Как ты и сказал, если считают, что царь поступил неправильно, подарив этот лес Батырбиевым, – пусть добиваются справедливости по-хорошему, по закону. Надо было им сказать прямо – если будете поступать иначе, дело добром, мол, не кончится. Это ведь, по существу, квалифицируется как воровство, посягательство на чужое имущество. Хорошо ли будет, если дело дойдет до суда, – так им надо было сказать.

– Так именно я и сказал. По-моему, кое-что все-таки поняли. В общем, договорились так – беречь лес, а кому надо – Батырбиевы укажут место, где заготовливать дрова, где рубить лес на хозяйственные нужды. А если Баксанское общество все-таки намерено вернуть себе лес – делать это надо непременно по закону, как положено – через суд.

– А что за слухи о каких-то беспорядках?

– Ничего страшного. Лесник Батырбиевых задержал двоих, там немного и повздорили. Вот и все.

– Исмаил, обо всем этом я спрашиваю не от праздного любопытства. Мы обязаны заботиться о том, чтобы в землях, нам вверенных, царили мир, порядок и спокойствие. И чтобы соблюдались законы. Если сегодня лес принадлежит Батырбиевым – значит им. И для нас никакого значения не имеет, доволен этим кто-нибудь или нет. Раз так – мы сегодня должны охранять интересы Батырбиевых. А если завтра закон скажет, что лес отныне принадлежит Баксанскому обществу, то мы начнем защищать интересы общества от посягательств Батырбиевых. А если все же отыщется такой, что ни порядки, ни законы уважать не хочет, то надо постараться образумить его. Штраф, а если и после этого не хочет жить по-людски – и в Сибирь может угодить. А то, гляжу, у Эльбруса новая пугачевщина начинается. Ты вот ухмыляешься, а дело-то к тому идет!

Потом, как-то сразу, Васо Илларионович переменялся, обнял Исмаила за плечи и сказал:

– Вот видишь, друг мой, каким распрекрасным начальником и законником я стал!

Несколько удивленный вначале необычной начальственной тирадой Васо Илларионовича, Исмаил тоже улыбнулся.

– Ничего – получается. Если так будешь продолжать, скоро и начальником области станешь.

– Серьезно – то, что я говорил, надо сказать людям. И Хамзату, нашему другу, надо сказать – пусть не будет слишком уж строгим. Народ, что бы мы ни говорили, он и есть народ. Как ты говорил тот раз? «Не ешь с медведем груши!» Во-во! Народ – он и есть медведь! Так что пусть подумает – стоит ли с медведем груши есть? Ведь рассерженный народ так же опасен, как и твой разъяренный медведь-шатун.

– Смотрю я – и ты не так уж далеко находишься от этого твоего социализма.

– А ну его к черту, этот твой социализм! Сказки для дураков да малолетних. Рай на земле! Это же просто обычная религия – и все. Только чуть-чуть заманчивей – обещает рай не на том свете, а на этом. Но мы, хоть и не социалисты, а народ свой любим не меньше их, если мы настоящие князья, как ты обычно говоришь.

– Говорить-то говорю, да что толку – что мы можем сделать? Мы бессильны, ничего-то, по существу, решить не можем.

– Почему это мы ничего решить не можем? Если не может ничего решить начальник области, то кто же может?

– Но ведь ты не начальник области, и я – тоже.

– Но ты же сказал, что я скоро стану начальником области!

– Если б исполнялись все мои пожелания, то я сделал бы тебя царем!

– Ну, о том, что хотели бы меня посадить на престол, еще не намекали, а вот о том, пошел бы я начальником области, коль эту должность для меня выхлопочут, уже спрашивали.

– Да иди ты!

– Слушай, что ты за человек? Как ты можешь гнать начальника округа из его же кабинета и кричать на него: «Иди ты!»? Хорошо, хорошо – ухожу! Но только и ты со мной идешь. Сулико обещала сегодня к обеду чанахи – вещь, я тебе скажу, стоящая внимания.

«СУЩНОСТЬЮ СЛОВ ВОЗРОЖДАЯСЬ...»

Писатель должен уметь заставить читателя прочесть себя так, как он этого хотел. Иначе сложится странная ситуация, когда они, писатель и читатель, не поймут друг друга. Здесь большую роль играет не только тематический вектор произведения, но, что даже важнее, словесная ткань, лексико-поэтическая структура. Последняя непосредственно связана с психологией, эмоционально-чувственным фоном того, что мы читаем.

Балкарский поэт Муталип Беппаев, о стихах которого мне хочется сказать несколько слов, умеет привлечь к себе внимание читателя. Он создает конкретное настроение и делает это не только неожиданным ходом мысли, но и метафорическим кружевом. Не желая заниматься перечислением названий множества стихотворений, приведу одно из них – стихотворение «Круговерть».

Кружение листьев напоминает поэту друзей. Кружение – веселый, безумный дружеский галдеж. Поэт поименно перечисляет их. И сам оказывается захваченным этой круговертью:

*Подтянулся тут я к ним:
И листочком стал одним!*

Кружение листьев – кружение друзей. В такой круговерти вспоминаются имена друзей, которых рядом уже нет. Такое настроение обычно называют светлой грустью.

Совсем отличается от него стихотворение «Горе». Камень «вдруг застыл в полете, / Ошеломленный горем женщины. / Наклонился, плача неутешно, / Над убиенным сыном / На войне». Каждый предмет несет напряженную смысловую нагрузку.

Другая черта стихов М. Беппаева, о которой считаю нужным сказать, такова. Не растягивая произведение, он способен начать и закончить его одними и теми же строками, заключая лейтмотив в двух-трех строчках в середине текста. Мне кажется, такая форма позволяет поэту сжать свою мысль подобно пружине, чтобы ее ударная волна захлестнула читателя. При этом лиризм не уменьшается:

*Душа в огне очей!
Скажите ж:
лик сей чей?!
Безмолвье...
Мне в ответ.
Бывает так вот ведь –*

Все будто,
 как ток бед...
 Душа в огне очей!
 Скажите ж:
 лик сей чей?!
 («Портрету незнакомки»)

Слово – символ сущности. И в сущности слов развертывается и возрождается Вселенная человека.

Муталип Беппаев мастерски владеет одной из самых сложных форм поэзии – верлибром, свободным стихом. На это обратил внимание ещё Лев Ошанин, его наставник в Литературном институте.

Жанр поэзии, в отличие от других форм художественного слова, имеет свойство фрактальной распечатки действительности, сохраняя яркость живого ощущения. Особенно это характерно для верлибра. Внешне он вроде и простой, но чтобы владеть этим жанром, нужно обладать безупречной стихотворческой техникой.

Для стихов М. Беппаева характерна свежесть восприятия, целостность ощущения, для него цель – привлечь (а может, и потрясти!) читателя зрелищем изображаемой картины, потому что этот уровень восприятия еще не подвержен сухому анализу рацио. Для поэта важно не расплескать краски первичного впечатления.

Купы деревьев,
 Купола церквей...
 По крупам
 коней
 Кувьркается ветер
 Из солнечных лучей.
 (Купола деревьев,

Купы церквей...)
 («Купы деревьев»)

Получился красочный рисунок на пленэре. Интересны некоторые черты этого стихотворения. Стихи начинаются так: «Купы деревьев, / Купола церквей...». А заканчиваются: «(Купола деревьев, / Купы церквей...». Сразу и не заметишь, какая произошла перестановка слов, заодно и метаморфоза образов. Будто мираж! Но это и в самом деле мираж – купола деревьев, купы церквей... Это происходит потому, что «кувьркается ветер из солнечных лучей». Солнечный, знойный мираж. На этом держится все стихотворение. Поэт перемещает поочередно два слова – купы и купола, чтобы изобразить мираж. Философ Мераб Мамардашвили назвал бы это «записью сдвига».

А вот другой оригинальный верлибр, который отличается ощущением телесного состояния:

*В объятиях
Музыки
таю
После
Длинного
Сенокосного
дня...
(«В объятиях музыки»).*

Это состояние после тяжелого труда, «после сенокосного дня», это невозможно понять – только ощутить «в объятиях музыки».

Вспоминается знаменитое хайку Басё:

*Старый пруд.
Прыгает лягушка.
Всплеск воды.*

Японец понимает глазами: прыгает лягушка, всплеск... Изображает, какая стоит тишина.

Муталип Беппаев – мастер живописи.

*Ручей. Мосток.
Старик. Возок.
И стригунок
У самых ног...
В один мазок
Вместить разок
Художник смог!
(«Художник»)*

«Слова-мазки» – и картинка для красочной рамки готова. Поэт рисует картинки «до мысли», картинки мы воспринимаем, осознание видимого пробуждается потом. Поэту важно запечатлеть состояние «предмыслия»:

*И солнце
Росинкой
свисает
С травинки
каждой,
Когда идешь ты рядом...
(«Когда идешь ты рядом»)*

Верлибр М. Беппаева лаконичен. Лаконичность эта требует иногда от читателя художественной культуры, эрудиции, напряжения мысли. Я полагаю, что в этом плане яркой демонстрацией является стихотворение «Маяковский»:

*Он шел
И катил перед собой
земной шар,
Словно мяч,
Одной левой...*

Неискушенному читателю эти стихи могут показаться непонятными. Но мы помним знаменитый «Левый марш» трибуна революции: «Кто там шагает правой?левой!левой!левой!». И произведение Муталипа Беппаева наполняется историко-культурным подтекстом, без которого данный верлибр не был бы интересен. Верлибр ритмически держится на слове «левой», тем самым перенося читателя в другую культурную эпоху.

Еще раз вспомним М. Мамардашвили: «Поэтическое мышление – это «состояние всесвязанности».

Верлибр М. Беппаева упругий. Энергия ритма часто создается стойкой аллитерацией:

*Кинжала жало
чуть дрожало,
Все с дружбой к человеку
жалось.
В любви стараясь объяснить,
И кровью плоти насладиться...
Вот тело в жалости
разжалось,
Впуская к сердцу
сей кинжал.
(Кинжала жало
чуть дрожало).
(«Любовь кинжала»)*

Ритм и даже эмоциональность этого верлибра организованы повтором звуков «ж» и «с».

Таковы некоторые штрихи поэзии Муталипа Беппаева.

ФОРМИРУЯ ПРОСВЕЩЁННУЮ ЛИЧНОСТЬ

Журнал «Литературная Кабардино-Балкария» готовится отметить двадцатипятилетний юбилей. Удачная идея его основания проверена временем: издание служит не только делу популяризации современной национальной литературы, но и является уважаемым печатным органом, укрепляющим культурные связи между регионами России. Престижность публикации определяется высоким уровнем материалов.

С этой оценкой журнала «Литературная Кабардино-Балкария», которую дал переводчик национальных поэтов и прозаиков Александр Пряжников, были согласны все члены редакционной коллегии и Общественного совета издания, которые собра-

лись для обсуждения итогов за год и выработки стратегии деятельности издания на будущее.

Председатель Общественного совета, уполномоченный по правам человека в КБР Борис Зумакулов отмечал, что журнал является общественным достоянием Кабардино-Балкарии, так как далеко не каждая национальная республика может себе позволить полноценное издание толстого журнала с объёмным тиражом. Отдавая должное позитивному влиянию на общественное сознание «Литературной Кабардино-Балкарии», пропагандирующей достижения современной литературы, поддерживающей начинающих авторов, Борис Зумакулов указал и на ряд недостатков. На его взгляд, они «не претендуют на категоричность», но наносят ущерб качеству содержания.

– Необходимо быть более разборчивыми при подготовке публикаций к юбилейным датам поэтов и прозаиков. Конечно, в день рождения принято говорить приятные слова, но это отнюдь не повод, чтобы возводить каждого юбиляра в разряд великих. У взыскательного читателя преувеличенная и незаслуженная похвала вызывает усмешку, а у тех, кто вообще не знаком с местной литературой, – только сочувствие к высотам, которые так невысоки.

Больше критики, аналитики, материалов, затрагивающих острые общественные проблемы, пожелал видеть на страницах журнала Уполномоченный по защите прав предпринимателей и член Общественного совета издания Пшикан Таов. Оценивая публикуемую прозу, он заметил, что ей не хватает психологического анализа, а повествовательное изложение не способствует рождению мысли, способной оказывать влияние на жизненные реалии. Авторы не должны бояться нелицеприятных оценок текущего момента.

Доктор филологических наук, член редакционной коллегии журнала Юрий Тхагазитов говорил о необходимости литературной критики, которая способствует улучшению качества и, соответственно, повышает уровень авторского мастерства. Одной из важных задач он назвал необходимость определения направления литературного процесса, заметив, что кризис в культуре очевиден. Десять-пятнадцать имён позволяют говорить о существовании настоящей литературы, но этих мастеров не видно из-за затмивших их дилетантов, которые всплыли на поверхность литературного процесса громадной массой, сквозь которую трудно разглядеть одарённых.

Главный бессменный редактор журнала «Литературная Кабардино-Балкария» Хасан Тхазеплов отмечал, что ему крайне важна заинтересованная профессиональная оценка деятельности издания – честная, беспристрастная и объективная. Он сообщил, что журнал востребован не только в республике, но и за рубежом. Интерес к нему проявляет такое солидное информационное агентство, как «Восточный взгляд», со штаб-квартирой в США, которое просит высылать им номера, выпущенные за несколько лет. Х. Тхазеплов подробно остановился на анализе издания за этот год, перечислив затрагиваемые темы публикаций, в том числе и научные.

– Журнал должен быть ориентирован на молодых, – отметил он, – тех, кто нуждается в получении образования в самом широком смысле этого слова. Воспитываться должна чуткая и отзывчивая душа, возрастая и пополняться должно и научное знание, что в совокупности позволит вести речь об образованном человеке, как части просвещённого общества.

Анатолий ПАРПАРА

Я читаю журнал более пятнадцати лет, многие годы имею честь печататься в нём. Мне очень близка гражданская позиция редакционной коллегии, тревога её за судьбу нашего отечества, обеспокоенность за жизнь родного языка народов Кабардино-Балкарии и народов нашей России. Среди множества изданий, вылетающих в свет и гибнущих вскоре, как бабочки, наш журнал обладает устойчивостью традиций. Вне сомнений, в этой стабильности заслуга не только сотрудников журнала, но и правительства республики, отчески относящихся к литературному детищу отечественной культуры.

Справедливо писал журналист Александр Пряжников: «Двадцать лет команда профессиональных журналистов и писателей создавала, лелеяла, пестовала печатное издание, в котором нет места ни глупейшей рекламе, ни грязным пасквилям, ни стенограммам из залов суда, зато всегда есть место качественной поэзии и прозе, высокохудожественной публицисти-

ке и грамотным научным статьям». Именно такого подхода продолжают держаться сотрудники журнала и авторы его. Именно такую позицию мне радостно видеть в номерах 2014 года. Попробую проанализировать работу редколлегии на примере первого номера этого года.

Не случайно «ЛКБ» посвятило этот год 200-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова, чья поэзия и проза оказала огромное влияние не только на творчество русских поэтов и писателей, но и на художественные произведения литераторов народов Кавказа. Не лишним будет и информация о том, что статья Анатолия Парпары «Он начал сразу как власть имеющий», опубликованная в этом номере, была перепечатана в нескольких изданиях и в Интернете, начиная от Калининграда и заканчивая Якутией. В «ЛКБ» она была подкреплена основательной статьёй Хаути Шогенова «О родственных связях Лермонтова с кабардинскими князьями Черкасскими» и необычной публикацией «Интересная находка». В станице Александровской, при разборе одной старой постройки, были обнаружены старинные письменные принадлежности, которые могли принадлежать (по легенде) самому Лермонтову. Редакция предложила школам республики провести уроки Лермонтова и конкурсы сочинений, посвященных его творчеству, обещая лучшие из этих работ опубликовать. Доброе и благородное дело.

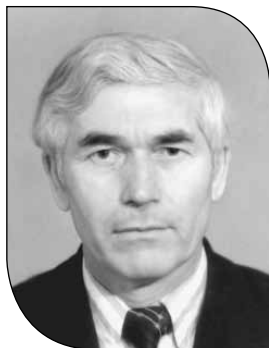
*Александр ПРЯЖНИКОВ,
поэт, переводчик,
г. Новочеркасск*

Журнал «ЛКБ». Перспективы развития

Не так много времени осталось до того момента, когда журнал «Литературная Кабардино-Балкария» будет отмечать свой двадцатипятилетний юбилей. Но уже сегодня можно утверждать: удачная идея проверена временем. Издание служит не только делу популяризации современной республиканской литературы, но и является уважаемым печатным органом, укрепляющим культурные связи между различными регионами России. Prestижность публикации определяется высоким уровнем материалов.

Журнал выходит солидным, для настоящего времени, тиражом, имеет электронную версию на портале «СМИ КБР», что выгодно отличает его от некоторых региональных изданий. Однако любая идея может существовать во времени только в своем развитии. И следующим мероприятием, способным дать значительный толчок развитию журнала, на мой взгляд, могла бы стать организация собственного сайта «Литературной Кабардино-Балкарии». Это позволит найти новых читателей не только в России, но и далеко за ее пределами.

Алий КУЛЬБАЕВ

ФЕЛЬДШЕРИЦА КЛАВДИЯ*Рассказ*

Село Сосновка располагалось в двадцати пяти километрах от железнодорожной станции Туз-Кала Павлоградской области Казахстана. Жителями в основном были русские, невесть в каком веке там обосновавшиеся. В марте 1944 года сюда завезли несколько семей балкарцев, депортированных с Кавказа. Супругу офицера-артиллериста Ибрагима Заматова, воевавшего с фашистами с первых дней Великой Отечественной войны, с тремя детьми поместили в заброшенном саманном домике, где вольно «гуляли» сквозняки.

Мама Мариат завесила плохо закрывающуюся дверь и оконные проемы тряпками. Но это мало помогало, холод пробирал до костей. Она простудилась и слегла. Вскоре ей стало совсем плохо. Медицинской помощи ждать было неоткуда, переселенцы были никому не нужны, их привезли сюда на уничтожение.

Мариат это понимала. Она подозвала детей к себе и сквозь слезы проговорила: «Дети мои, мои кровинушки, я умираю, вы держитесь, война скоро кончится, придет ваш отец и все у вас будет хорошо...» Дети хором заплакали. Не соблюдая ни мусульманских, ни христианских ритуальных обычаев, ее просто закопали. К тому времени в Сосновке не оставалось ни одной балкарской семьи, кроме Заматовых. Одни перебрались в райцентр, другие добились разрешения выехать в Среднюю Азию на соединение с родственниками...

Начался учебный год. Старший сын Валерий пошел в 5-й класс, сестренка Аминка – в 3-й, а маленький Алим еще не ходил в школу. В первый же день одноклассники жестоко избили Валерия. Особенно усердствовал сын председателя местного колхоза Вадим. «Еще носит русское имя, отпрыск изменника Родины!» – кричал он. Валерий пришел домой весь в крови и от обиды горько заплакал.

Через несколько дней председательский сынок снова организовал нападение на беззащитного Валерия. В этот раз он потерял сознание. «Ты убил его, ты убийца!» – закричала одноклассница Лена, утирая слезы. Вызвали фельдшера – заведующую амбулаторией Клавдию. Она поставила диагноз: у мальчика голодный обморок. Вывернули его карманы и нашли кусочек хлеба. «Это я ему давала перед началом уроков, а он не стал есть, положил в карман», – сказала Лена и заплакала...

Учительница русского языка, Нина Сергеевна, оглядев класс, спросила, почему нет Заматова. «Он не придет, его здесь каждый день избивают», – ответила Лена за всех. Нина Сергеевна дала ученикам задание, а сама поспешила к Заматовым. Все трое, тесно прижавшись друг к другу на голом полу, плакали. Увидев эту жуткую картину,

учительница не смогла сдержаться слез...

Что делать! Как быть? Не должны же ни в чем не повинные дети умереть с голоду на наших глазах! Надо найти выход! На улице Нина Сергеевна лицом к лицу столкнулась с фельдшером Клавдией. Учительница рассказала ей о горькой участи депортированных детей, оставшихся без родителей и родственников, надеясь, что Клавдия может чем-то помочь. И она не ошиблась.

Клавдия – высокая и статная девушка, красавица. Вышла замуж перед самой войной. Муж погиб. Она ночами напролет плакала, уткнувшись в подушку; по утрам, наскоро приведя себя в порядок, бежала на работу. Хотя какая там работа! Не было никаких лекарств, в амбулатории даже йод был большим дефицитом. Война опустошила все.

Она тяжело переживала смерть супруга, а тут еще вдобавок ей наклеили ярлык распутницы. Об этом «позаботилась» завистливая Зина, секретарша в сельсовете. Многие ребята, вернувшиеся с войны, сватались к Клавдии, а она всем отказывала. Секретарша не могла смириться с тем, что на нее никто не обращает внимания, а у этой Клавки нет отбоя от женихов.

И зловредная Зина добилась своего. Дурная слава о Клавдии распространилась по всему селу. Теперь все называли ее просто Клавкой, считали ее девушкой легкого поведения. Она знала, что ее хотят очернить, но никому ничего доказывать не стала.

Так вот, эта «распутница» Клавка забрала детей-сирот к себе в дом, накормила, искупала и напрямик направилась в сельский Совет. Председатель, безногий Иван Андреевич, бывший фронтовик, смерив ее взглядом с ног до головы, удивленно спросил, с чем пожаловала.

– Скажите, дорогой председатель, – начала Клавдия, – мы русские или нет?

– Что за глупый вопрос? Мы истинно русские.

– А вот я сомневаюсь. Русские так не поступают.

– Как, в чем дело, не ходите кругом да около, объясните толком.

– Там, в промерзшем саманном домике с голоду и холоду умирают выселенные с Кавказа дети. Даже если их родители предатели, изменники Родины, они не при чем. Бог не простит нам, если беспомощные дети умрут на наших глазах. Кстати, они дети офицера-фронтовика. У них есть фотокарточка отца, на груди которого боевые награды.

Рассказ Клавдии задел председателя за живое. Они вместе пошли посмотреть домик, где жили ссыльные дети. Потом Клава повела Ивана Андреевича в свою лачугу, и там он увидел детей, которых она приютила. Спросив их фамилию, председатель был ошеломлен, хотя мало ли людей с одинаковыми фамилиями. Да, точно, это он! Иван Андреевич не верил своим глазам. С фотографии на него смотрел его комбат – гвардии капитан Заматов.

Председатель теперь оказывал Клавдии всяческую помощь. Дети аккуратно ходили в школу, хорошо учились. Он рассеял зловредные слухи о Клавдии, распускаемые недоброжелателями.

Через год после окончания войны в Сосновку приехал офицер-

балкарец в погонах майора, вся грудь в орденах. Иван Андреевич крепко обнял бывшего однополчанина и, не теряя ни минуты, повел его к Клавдии. Радость детей и отца не передать словами. Клавдия с трудом сдерживала слезы, предчувствуя скорое расставание с детьми, ставшими для нее родными.

Иван Андреевич подвел ее к Заматову и сказал: «Это наша фельдшерица Клавдия, она спасительница твоих детей, человек высшей пробы». Ибрагим встал перед ней на колени, нежно поцеловал ее руки, поблагодарил за спасение его детей. У Клавдии блеснули слезы, когда Заматов, взяв ее руку, проговорил: «Я буду помнить вас до последних дней жизни. Вы – олицетворение русской души».

Вскоре ей предстояла разлука с детьми, которых она полюбила всем своим существом. Она слышала много нелестных отзывов о кавказцах, об их невежестве и бескультурии. Но в лице Ибрагима Заматова она увидела совершенно противоположное. Этот красивый горец удивил ее своей вежливостью, тактичностью и глубоко уважительным отношением к женщине, в данном случае – к ней. Он называл ее по имени и отчеству – Клавдия Петровна.

Офицер Советской Армии Ибрагим Заматов еще состоял на военной службе. Отпуск кончился, и он должен был вернуться в свою часть. При мысли о том, что ее дети (она считала их своими) скоро ее оставят, Клавдию охватывал страх. Она ночами не могла спать, уткнувшись в подушку, беззвучно плакала. От женского взгляда не ускользнуло мужское обаяние Ибрагима. Она думала о нем, то ловила себя на мысли, что равнодушна к нему, то отбрасывала из головы эту мысль.

Заматов и сам оказался в трудном положении. Как быть с Клавдией Петровной? Разлучить ее с его детьми он не мог, она заменила им мать. К тому же – очаровательная женщина! Хороший человек! Не сразу они заметили, что к ним тайно подкралась любовь. Но дети!..

Когда Ибрагим заговорил о дне отъезда, дети в один голос заявили, что никуда не поедут без Клавдии. «Она наша русская мама, и мы ее не оставим!..»

Эти слова подняли Заматова на седьмое небо. Клавдия прижала к себе Валерия, Аминку и маленького Алима и у нее на глазах блеснули слезы...

Провожали их чуть ли не всем селом. Пожелали счастья и благополучия. Пришли учительница Нина Сергеевна и одноклассники Валерия. Супруга Ивана Андреевича Наталия Степановна от имени всех женщин Сосновки попросила у Клавдии Петровны прощения за то, что они, поверив сплетням ее недоброжелателей, плохо о ней думали. Поодаль от всех, не решаясь подойти ближе, стоял Вадим и махал рукой. Так он извинялся перед Валерием.

КРЕМНИСТЫЙ ПУТЬ

Венок строф

1

Восходит над юдолью краткой
высокий, как звезда, вопрос,
и застываешь над тетрадкой:
неужто, думаешь, дорос?
Был крохотен и малокровен –
неужто станешь с небом вровень?
Считал, что годы в сток сольют,
ан – окликает Абсолют?
А ведь казалось, весь ты взвешен
и найден лёгким, аки пух.
Соседкам улаждая слух,
свищи себе среди орешин:
там не пробьёшь ограды лбом,
где крылья сложены горбом.

2

Где крылья сложены горбом,
там и сюртук до подбородка,
и уморительным гербом
считаться может сковородка.
Там крыша к темени впритык,
но каждый к этому привык
и вызубрил два поворота,
чтоб остротой слыла острота.
Добиться места в банке шпрот –
вполне достойная задача,
но, удержав себя от плача
вплоть до улыбчивых широт,
шаг укрепляешь в яви шаткой
ошеломительной догадкой.

3

Ошеломительной догадкой
приходит мысль о временах,

спрессованных единой кладкой,
но обратимых, как во снах.
Минувшее настигнешь с тыла,
а всё, что будет, прежде было –
охота к перемене мест
творит бессчётный палимпсест:
во время перелёта птицы
пересекаются с собой,
все воплощения гурьбой
спешат на прежние страницы,
и рядом со стишком в альбом –
земля в сиянье голубом.

4

Земля в сиянье голубом,
увиденная словно с лунной
поверхности, где астроном,
воздав восторженности юной,
мир прозревает сквозь века:
как слиток, светится строка,
весома и неоспорима –
помета духа-пилигрима.
Неукротим свободный дух!
Парит, не скованный ничем, он –
не важно, ангел или демон,
лишь то значительно, что вслух
твердит о знании особом,
пронизан истины ознобом.

5

Пронизан истины ознобом
ток, исходящий от вершин,
и вряд ли сделается снобом
Кавказских гор приёмный сын –
тому порукою провалы
ущелий, сумрачные скалы,
чей неуступчивый гранит
от хворей душу охранит.
Раздор не дыбится распадом,

а прошлого затем не жаль,
что близью делается даль,
яд пересиливая ладом,
когда, влекомый вещим словом,
ты прикасаешься к основам

6

Ты прикасаешься к основам
мироустройства, к тем корням,
что грезят о цветенье новом
назло остывшим головням.
Не сыто данью увяданье,
но прерывается рыданье,
когда один безбрежный миг
на человеческий язык
перелагается (подстрочник –
всё окружающее нас,
а также скрытое от глаз).
Бывает, что, взглянув на росчерк,
душа самой себе видна,
поэта восприняв сполна.

7

Поэта восприняв сполна,
встань у окна многоэтажки:
прохожих вяжет пелена,
шаги их скованы и тяжки,
у всех морщины на челе:
Россия, говорят, во мгле...
Из мрака вырвался, однако,
обычный бумагомарака!
Припомнив слово «рококо»,
заёрзаешь, неловко ёжась, –
и вся звериная серьёзность
вмиг улетучится легко.
Стезя, поймёшь, всего одна –
до самых бездн, а не до дна.

8

До самых бездн, а не до дна
доводит ангельское пенье,
но эта музыка слышна
лишь там, где есть долготерпенье.
Умение молчать и ждать –
сродни науке побеждать:
пока сомненья не прижали,
в хрестоматийные скрижали

на раз вписав Бородино,
сурьмой из пафосных запасов
строк воспалённых не запачкав,
не сожалел об этом, но,
чтоб не хватал хомут за шею,
он рвался к саморазрушенью.

9

Он рвался к саморазрушенью!
Геронтологии в укор,
он, верный дерзкому решению,
и Агасферу нос утёр.
Запрудив жизненную силу,
дал фору и Мафусаилу –
не обвивая ствол, что вьюн,
он два столетия как юн.
Вдыхая тот же самый воздух,
такой же вижу быстрый блик –
и горделиво-скорбный лик
подозреваю в дымных звёздах:
остаток, так сказать, сухой
под мишурой и шелухой.

10

Под мишурой и шелухой,
способными отправить в аут,
заставив выдохнуть: «на кой?» –
беззвучно зёрна вызревают.
Извилист троп, но, несомненно,
изнанка – это не измена:
не умирают имена,
идущие тропой зерна.
В глобальном графике жестоком
порой случается зазор –
так влага карстовых озёр
вдруг устремляется к истокам.
Движений слабых под трухой
не различает лишь глухой.

11

Не различает лишь глухой
скользящей поступи мгновений.
(Приплясываний за сохой –
читай: взлететь поползновений –
не одобрял могучий граф,
в чём был, по-моему, не прав,
поскольку нет здесь параллели.)

Набрякли тучи, раздобрили,
и шелест праздного дождя
в листве блистающей всё длится,
пока шипящих вереница
не достигнется, подведя
к мошенническому решению:
Мишель рифмуется с мишенью.

12

Мишель рифмуется с мишенью?
Созвучие – не самоцель!
Зоил, подвергнув поношенью,
рекомендует вермишель,
но та настолько бесхребетна
что только «глок» или «беретта»
уравновесят это зло –
строфу к абсурду понесло,
что объяснимо подоплёкой
убийства из-за пустяка:
курок спустившая рука
была, по-видимому, лёгкой.
Пуускай резов ты, словно ртушь, –
не защитишь от пули грудь.

13

Не защитишь от пули грудь
ни ментиком, ни доломаном.
Вратъ о солдатике забудь –
весёлом, стойком, оловянном.
На первых, может быть, порах
ты уцелеешь, вертопрах,
но, продолжая жаждать бури,
пробоины дождёшься в шкуре.
В сплетениях слепящих молний
на землю влажную падёшь,
разгульный перекрыв галдёж –
тем ощутимей, чем безмолвной.

Уже назад не повернуть,
ступая на кремнистый путь.

14

Ступая на кремнистый путь,
не пой, товарищ, трали-вали:
кремниста ли, терниста суть –
заранее поймёшь едва ли.
Лобастый, словно лабрадор,
воздень из лабиринта взор
к одной из бусинок Центавра:
какая, право же, растрava –
нести бессмертия тавро!
Едва обвыкнешь в круговерти,
как, точкой выверенной смерти
утяжелив твоё перо,
паблисити лавровой грядкой
восходит над юдолью краткой.

15

Восходит над юдолью краткой,
где крылья сложены горбом,
ошеломительной догадкой
земля в сиянье голубом.
Пронизан истины ознобом,
ты прикасаешься к основам,
поэта восприняв сполна –
до самых бездн, а не до дна.
Он рвался к саморазрушенью!
Под мишурой и шелухой
не различает лишь глухой:
Мишель рифмуется с мишенью.
Не защитишь от пули грудь,
ступая на кремнистый путь.

12–19.07.2014

НАРОДНАЯ НЕ ТОЛЬКО ПО СТАТУСУ

В Кабардинском государственном драматическом театре имени Али Шогенцукова в спектакле по пьесе Зарины Кануковой, который поставил режиссер Мухамед Кубатиев, одну из ключевых ролей исполняет Людмила Шереметова. В ее случае «народная артистка» – не просто официальный статус. Талант этой актрисы ни у кого не вызывает сомнений. Любую – даже, на первый взгляд, незначительную роль ей удается сделать яркой, запоминающейся и по-настоящему глубокой.

Людмила Шереметова востребована и любима публикой, а ведь все могло сложиться иначе. В детстве она мечтала стать хирургом, но, к счастью для зрителей, ее отец решил: профессия, связанная с болью и человеческими страданиями, не самый лучший выбор для молоденькой девушки. Именно он посоветовал дочери поступать в театральное училище им. Щукина. Впрочем, предпосылки к этому были. В школе Людмила занималась в художественной самодеятельности, пела, читала стихи. Студентов для кабардинской студии отбирал лично Леонид Калиновский, который приехал в Нальчик вместе с проректором училища. Наметанным взглядом столичные гости сразу разглядели и оценили потенциал будущей актрисы. Девушка блестяще сдала экзамены и стала студенткой легендарной «Щуки». Учеба в Москве – особый этап в ее жизни. Личное общение со знаменитостями, столичные театры, пьянящая атмосфера причастности к тайнам искусства. . .

– Леонид Владимирович Калиновский относился к студентам, как к собственным детям, и «простых смертных» к нам не допускал. Мы выходили на сцену вместе с Михаилом Ульяновым. Учились у Этуша и Максаковой. Разумеется, все это стало для нас хорошей школой, – говорит актриса.

Ее дебютом стала роль старухи, у которой умерла дочь, оставив сиротами шестерых детей. Трагичный, по сути, этот образ потребовал глубокого осмысления и серьезного подхода.

– Работать было интересно, но очень непросто, – признается Людмила. – Не хватало опыта, да и мироощущение было совершенно другим. Сейчас мне понятна психология пожилого человека, а тогда приходилось создавать образ буквально на пустом месте.

Вскоре в одной из студенческих постановок Шереметова сыграла женщину, не обремененную комплексами. Все бы ничего, но, по сценарию, героиня курит. Пришлось во имя искусства глотать горький табачный дым.

– Курить меня учила наш педагог Марина Пантелеева. Однако я оказалась плохой ученицей. На просмотре все решили, что я держу сигарету неестественно, но за меня вступилась Марина Александровна. Она убедила преподавателей, что в этом нет моей вины. Просто на Кавказе девушки, как правило, не курят и понятия не имеют, как «правильно» держать сигарету. В

результате я получила свою первую пятерку по актерскому мастерству, – с улыбкой вспоминает актриса.

Кабардинская студия, в которой училась наша гостья, была универсальной – герой, героиня, комедийные актеры, инженерно-драматик. Людмилу готовили как характерную актрису. Такие роли играть особенно сложно: необходимо придумать образ, наделив его какими-то индивидуальными чертами. Как правило, своих персонажей Людмила Шереметова находит на улице.

– Работая в этом жанре, тратишь много энергии и сил, – признается актриса. По ее мнению, рассмешить зрителя гораздо сложнее, чем заставить плакать. Природная веселость и дар комедийного актера – совсем не одно и то же. Есть, например, немало людей искрометных, великолепно рассказывающих анекдоты, но стоит им выйти на сцену, и сразу видно: комедия – не их амплуа.

Более тридцати лет на сцене – внушительный срок. За это время сыграно немало ролей, все они одинаково любимы, и все же в репертуаре актрисы есть особенно запомнившиеся персонажи.

– Вернувшись из Москвы, я сыграла главную героиню в спектакле по роману Али Шогенцукова «Камбот и Ляца». Конечно, сейчас, спустя годы, я бы подошла к этой работе совсем по-другому. Первую характерную роль исполнила в пьесе Мишеля Фермо «Двери хлопают». Много играла в спектаклях по произведениям Бориса Утешева. И даже свою дочь назвала Адисой в честь героини трагедии «Тыргатао». Если все начать сначала, я снова выбрала бы эту профессию. Говорят, если актер тринадцать лет проработал в театре, жить без него он уже не сможет. Это как раз мой случай. Когда не занята в спектаклях, чувствую себя разбитой. Театр – мой родной дом, – говорит Людмила Шереметова.

Она давно не делит людей на хороших и плохих. И в каждом своем персонаже старается найти положительные черты.

– Говорят, образы по-настоящему злых людей мне не удаются. Чаще приходится играть сплетниц, мелких интриганок – это я могу, – смеется Людмила.

Семнадцать лет она прожила в браке с актером Валентином Камергоевым. У них двое детей. Дочь, несмотря на протесты матери, недавно решила всерьез заняться вокалом и уже записала несколько песен. Как правило, люди, посвятившие жизнь творчеству, не хотят, чтобы дети шли по их стопам. Учитывая, что культура сегодня оказалась на задворках, в этом нет ничего удивительного. Тем не менее, актриса не теряет надежды, что ситуация изменится.

– Хочется верить, что на культуру, наконец, обратят внимание, – говорит Людмила.

Сын Камергоева и Шереметовой порадовал родителей, выбрав профессию, не имеющую отношения к театру. Он повар, сейчас руководит двумя известными в городе ресторанами.

Кстати сказать, Людмила и сама любит готовить. У плиты, как и на сцене, она предпочитает импровизацию. Попробовав ее блюда, сын нередко испытывает профессиональную зависть. И этим, как говорится, все сказано.

Лера МУРАШОВА

ГРОЗОВОЙ ПРОСВЕТ

Грех уныния

На неуютной поднебесной тверди
день Рождества случается днём смерти.
Не легче остающимся, поверьте,
хоть говорят, что возлюбил Господь,
что призывает он к своим пределам
упорных духом и скорбящих телом
в пресветлый день. Но мне душой незрелой
греха уныния не побороть.

Уж двадцать с лишним лет прошло с той боли,
везде, где можно, выросли мозоли,
несёт меня, как перекасти-поле,
любое горе больше не беда.
Но раз в году приходит день печали
и размягчает сердце, как в начале,
когда, пронзая нежными лучами,
восходит Вифлеемская звезда.

За облачную лёгкой драпировкой
лампадою она мерцает робкой.
Уходят ввысь невидимую тропкой
страдалицы и мученики в ряд.
А праведников нет давно в помине.
В какой они неведомой пустыне?
Наверно, далеко, раз Бог отныне
молитв не слышит, что они творят.

Старый Новый год

Россия – дело тонкое. Не зря
восток и запад здесь перемешались.
Сто лет почти, как все мы – без царя,
слезам не верим, нас не взять на жалость.

Не все поймут изыск календаря:
два Новых года, это ли не шалость?
А нам – привычно. Спим пол-января,
сославшись на расейскую усталость.

Нам старый Новый год как низкий старт.
Запасы израсходовав петард,
дождёмся ли зимы? Уже не чаем.

Уехал Дед Мороз за край земли,
и Новый год средь луж мы провели,
но старый – снегопадом отмечаем!

Тайфуны с ласковыми именами

*Я для других служу громоотводом –
а первым делом, ясно, для тебя.*

Георгий Яропольский

Я – твоё личное землетрясение.

Александр Коковихин

Я – твоё личное землетрясение,
буря, тайфун, гроза.
Ну, загляни же в мои весенние
бешеные глаза!

мне для раскатов и молний нужен
громоотвод шальной!

Даже январской унылой стужей,
в тёмной глуши ночной

Я разойдусь, поднимусь цунами,
штормом средь бела дня –
чтоб не забыл ты, что было с нами,
чтоб не забыл меня.

...а ты менялся, словно Божий свет,
ты утекал сквозь пальцы, ускользя.
Мы любим то, чего на свете нет,
мы ловим отзвук памяти о рае.

Нам не сгубить любовью мотылька
трудней, чем обнаружить ключ Кастальский.
И снова непослушная рука
хватает крыльев спаренные пальцы.

И снова где-то падает звезда,
оплакивая бедного скитальца,
и остаются с нами навсегда
пыльцой блестящей тронутые пальцы.

Ах, почему

Лиле Дмитриевой

Ах, почему так невесома
субстанция любви – душа,

и почему нехороша
земная оболочка – сома?

Как в мире косном разгадать
порочное несовершенство?
Превыше вешнего блаженства
невидимая благодать.

Взошёл в заклётом средоточье,
предсмертьем в сердце уколол –
и жжёт божественный глагол,
и ждёт рождений многострочье.

Но чтобы люди услышали,
нужна цветная мишура –
испанки страстной веера,
духи и кружевные шали.

Как сладко вязок, страшно густ
прощальный поцелуй чужбины...
Слетает имя Черубины
в последний раз с холодных уст.

Империя

Россия нас поила с детства
имперским сладким молоком,
отведавшему это яство
страх испытаний незнаком.

Страны разъятое единство
мы чуем сердцем – не умом.
Отрезанное украинство,
воскреснешь ли в себе самом?

Фантомной отдаваясь болью,
шахтёрский вздыбился Донбасс.
Донецк, ты слышишь – мы с тобою!
Луганск, мы молимся за вас.

Мы вместе – вопреки границе.
Пусть Киев, к западу влеком,
готов навеки распротиться
с имперским – русским – языком,

но мы-то помним вкус и запах
того – из детства – молока,
и не отнимет хитрый запад
у нас родного языка.

Историю, победу, память –
империю – не отдадим!
И, триколор подняв, как парус,
плывёт в Россию остров Крым.

Одесская Хатынь

Бог обязательно воздаст,
отделит чистых от нечистых.
Европа, ты в который раз
растишь и пестуешь фашистов?

И – ни союзника вокруг,
лишь флот и армия за нами.
Ликуют настенки дмитрук
над почерневшими телами,

коктейли Молотова пьют,
как будто выдержанный брют,
ни в Бога, ни в чертей не верят.

И шабаш огненный летит,
и молча вслед ему глядит
Одессы обгоревший череп.

Колорадо

Я думала, что я – человек:
женщина, мать, жена, дочь.
Оказалось, это не так.
Я – зомбированный совок,
ватник и колорадский жук.

Меня так просто убрать:
одно нажатие пальцем
на спусковой крючок автомата –
и я стану куском мяса,
одна бутылка
коктейля Молотова –
и я стану горящим факелом.

Может быть, мне нарисовать
на себе мишень,
чтобы вам было легче убивать меня
за то, что я с вами не согласна?

Велосипедист

О мальчик, мчащийся во весь опор
на двух колёсах, спицами сверкая!
Сам Бог ведёт с тобою разговор
о том, что бесконечна жизнь мирская,
что будут вечны: скорость, ветер, дождь,
что лужи – до одной! – преодолимы.
Ты лишь даров от будущего ждёшь,
кентавром юным пролетая мимо.
Я, замерев, смотрю тебе вослед
и становлюсь моложе и счастливей.
А ты несёшься в грозовой просвет,
где молнии рождают гром и ливень.

Людмила КУМЫКОВА,
начальник отдела использования УЦДНИ АС КБР

Рецидивы неграмотности населения Кабардино-Балкарии в середине прошлого века

2014 год объявлен в нашей стране годом культуры. Вместе с этим в текущем году исполняется 90 лет общественной организации «Долой неграмотность» (ОДН), сыгравшей важную роль в приобщении огромных масс населения к грамоте и европейской культуре. Казалось, эта проблема решена окончательно и бесповоротно. Однако итоги ЕГЭ 2014 года по русскому языку показали, как быстро можно утратить позиции, которые еще вчера казались незыблемыми.

Правительство КБР в связи с этим призвало извлечь уроки и начать работу над ошибками, которые копились годами. Именно по этой причине мы решили сегодня обратиться к документам бывшего партийного архива о деятельности указанной организации.

По данным переписи, в 1897 году уровень грамотности кабардинцев составлял 3,4 %, балкарцев – 1,44 %. В период гражданской войны он снизился у кабардинцев – до 2,1 %, у балкарцев – до 0,9 %, что свидетельствуют о том, что в этот период многие образованные коренные жители эмигрировали. Эти факты ранее не хотели видеть.

В исследованиях о создании национальной письменности на Северном Кавказе основное внимание акцентировалось на прогрессивности реформ графики и замены арабского письма латинским, поступательности развития «социалистических национальных культур».

Лингвисты же в 1920-е годы, в отличие от политиков, оценивали реформы графики более сдержанно, а иногда подвергали сомнению ее целесообразность. Долгое время замалчивались ее отрицательные стороны, которые перекрывались успехами в ликвидации неграмотности и развитии школьного образования. В лучшем случае говорили о недостатках латинского алфавита, грамматики, бессистемности в этой работе и т. д.

Результаты в развитии образования страны, в том числе и Кабардино-Балкарии, относятся к безусловным успехам советской власти. Но обратим внимание и на возникшие в то время проблемы.

Арабицу заменили латиницей с целью создания письменности на родных языках для ликвидации неграмотности, чтобы облегчить работу новой системы образования, взаимопонимание новой власти с населением. Считалось, что введение латиницы оторвет население от «средневековой арабской культуры», повысит образовательный уровень и «разобьет стену между европейской и мусульманской культурой».

Борьба большевиков с мусульманским духовенством отразилась на смене графических основ, когда эксперименты проводились без связи с практикой, когда необходимо было убедить население в пользе новой графики, преодолеть сопротивление защитников арабицы, организовать новую систему образования, издавать новые учебники и переучивать учителей. Центру было важнее создать условия для понимания собственной

идеологии, а культурные потребности народов были второстепенными. Складывается практика, проявившаяся в 30-е годы, – неудачи и трудности списывать на врагов. Это сказалось на личной судьбе и тех, кто предупреждал об опасностях и последствиях данного пути.

В таких сложных условиях началась ликвидация неграмотности народов Кабардино-Балкарии. 19 июля 1920 года декретом Совнаркома РСФСР создается Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (ВЧК л/б), которая была подчинена Наркомпросу, а затем и секция по просвещению национальных меньшинств, в центре внимания которой сразу оказался Северный Кавказ. Секция провела конкурсы на подготовку букварей для национальных меньшинств (в том числе на кабардинском языке).

В начале 1921 года в составе Наркомпроса Горской АССР был создан Главполитпросвет, а в его составе – ЧК по ликвидации неграмотности. С учетом уровня развития культуры горских народов среди них выделили условно две группы. К первой отнесли Осетию и города Владикавказ и Грозный, в которых работу можно было вести по «общероссийскому типу». Во вторую группу входили Кабарда, Балкария, Карачай, Чечня и Ингушетия, чьи населения «не имели своей азбуки, не знали в большинстве русского языка», «с трудом ориентировались в текущих событиях».

В 1923 году зав. Кабардино-Балкарским облоно Хуранов совместно с Н. Яковлевым составил на латинице кабардинский алфавит и в 1925–1926 гг. началось издание на его основе букваря. В 1925–1926 гг. «на латинский алфавит перешли балкарцы, чеченцы, карачаевцы, адыгейцы», а в 1936 г. он был заменен кириллицей.

В декабре 1923 – январе 1924 гг. во Владикавказе на Общекавказской краевой конференции по ликвидации неграмотности была поставлена задача – ликвидировать неграмотность взрослых к 10-летию Октябрьской революции в основном силами общества «Долой неграмотность!». Обучать решили: в городах – с возраста от 18 до 35 лет, в деревнях – от 14 до 30 лет. Очевиден прагматизм власти, которую заботило обучение, в первую очередь, работоспособного и социально активного населения.

Представители автономий на конференции отмечали, что горская молодежь «грамоту усваивает очень легко». Но, «стремясь в вузы центра России, она не желает тратить время на изучение родного языка». Поэтому некоторые автономии, например, Кабардино-Балкарская, «ликвидирует неграмотность параллельно на родном и русском языках».

Особые трудности были связаны с обучением женщин-горянок. В 1928–1929 гг. в ликпунктах обучалось 3867 чел. (11% всех охваченных). Это позволило поднять грамотность кабардинок и балкарок только до 9,5 %¹.

«Перелом» в ликвидации неграмотности населения Кабардино-Балкарии наступил в 1931 г. 6 ноября 1931 г. Коллегия Наркомпроса РСФСР отметила, что в Кабардино-Балкарии «на основе латинского алфавита создана национальная письменность, изданы национальные учебники. К 14-й годовщине Октября завершается в основном ликвидация

1 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 283. Л. 143 об.

неграмотности населения активного возраста, с ежегодным охватом в среднем 50 тысяч человек, в том числе 23 тысяч женщин-горянок»¹. На северокавказском краевом совещании по национальному просвещению 25 августа 1932 г. Кабардино-Балкария отрапортовала, что в 1931 г. полностью обучили всех женщин².

Эти цифры трудно соотнести с фактическими данными о состоянии дел. Данные архивов противоречат победным реляциям об успехах в ликбезработе, публикуемым в тот период в газетах и журналах.

Так, в Кабардино-Балкарии в 1932 г. из 25560 неграмотных по плану реально обучалось 14284 чел., то есть 55,8 %. Из 43300 малограмотных по плану фактически обучалось 18737 чел., то есть 43,2 %. Но как сочетать эти «рапорты» с данными того же 1930 г., что неграмотность среди женщин достигала 80–95 %? А в 1931 г. их уже обучили полностью?

Уже сами формы работы – культпоходы с использованием «штурмовых» методов – говорят о явном неблагополучии, о формализме и завышении отчетных данных о проделанной работе. Отсюда и неточность учета населения и числа обученных. Ситуацией пользовались чиновники, добивающиеся похвалы вышестоящего начальства. Разнобой в статистике обученных грамоте наиболее очевиден в 1927–1930 гг. Реальные же успехи оказались скромнее, чем того ожидали руководители.

В январе 1934 г. председатель ОДН М. И. Калинин призвал всю общественность провести вновь культпоходы, чтобы дать трудящимся образование в объеме двух классов начальной школы. В Кабардино-Балкарии в этот период насчитывалось более 25 тыс. малограмотных. В 1938–1939 гг. было обучено 50 тыс. неграмотных и малограмотных.³

В марте 1939 г. XVIII съезд ВКП (б) заявил о полной победе социализма в СССР. Он также выдвинул тезисы о завершении культурной революции, введении всеобуча на языках национальностей СССР, ликвидации в основном неграмотности населения в возрасте до 50 лет.

В декабре 1940 г. газета «Социалистическая Кабардино-Балкария», в свою очередь, подтвердила, что грамотность населения республики достигла 96,7%⁴

Великая Отечественная война выявила все издержки предвоенной работы по ликвидации неграмотности населения и еще более усугубила положение в этой сфере, так как масса детей войны была вынуждена работать вместе со взрослыми, а не сидеть за школьной скамьей.

Если не учитывать режим официального «табу» вокруг рецидива неграмотности в послевоенные годы, то можно заметить, что этот процесс во многом повторил, за редким исключением, весь внешний рисунок довоенной практики культпоходов. Замалчивание обнажившихся старых проблем в данном случае объясняется тем, что в 1957 г. в стране торжественно отмечался 400-летний юбилей присоединения Кабарды к России.

1 Там же. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2116. Л. 83.

2 Там же. Л. 66.

3 Хутуев Х. И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1984. С. 33.

4 Там же.

В 1959 г. на XXI съезде КПСС было заявлено о том, что социализм в СССР одержал полную и окончательную победу, что советская страна вступает в период развёрнутого строительства коммунизма, дальнейшего укрепления экономической мощи СССР и более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей народа.

Программа партии, принятая XXII съездом КПСС, сформулировала моральный кодекс строителя коммунизма, задачи в сфере образования, науки и культуры. Программа поставила задачу осуществить всеобщее обязательное среднее образование, дальнейшее развитие высшего и среднего специального образования, призванного готовить высококвалифицированных специалистов, обладающих широким теоретическим и политическим кругозором.

Таким образом, предание огласке якобы решенной окончательно проблемы ликвидации неграмотности могло стать диссонансом на фоне пафосных общественно-политических событий конца 50-х – начала 60-х годов. Как показывают нижеприведенные документы, проблему решали старыми методами, но без «боя барабанов».

О том, насколько обострилась эта ситуация в Российской Федерации, свидетельствует совместное Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 27 августа 1962 г. «О завершении ликвидации неграмотности в Российской Федерации» (документ № 9).

Как показывает документ № 4, в четырех автономных республиках и одной области Российской Федерации выявлено наибольшее число неграмотных, в том числе в Кабардино-Балкарской АССР.

Как и в предвоенные пятилетки, основным рычагом проведения мероприятий по ликбезу становились общественные организации – партия, комсомол, профсоюзы (документы №№ 2, 6, 12)

Проблема ликвидации неграмотности в послевоенные годы имело ярко выраженное женское лицо: в г. Нальчике 85% женщин было неграмотными, а в целом по республике – 80%. (документы №№ 5, 6.). В этих условиях становился призрачным тезис об установлении фактического равноправия женщин с мужчинами.

Весьма показательным является документ № 8 – сведения из письма начальника статуправления КБАССР секретарю Кабардино-Балкарского обкома КПСС от 25 октября 1960 г., в котором приводятся данные о неграмотных в возрасте старше 50 лет.

Представители старшего поколения знают причину существования такой категории неграмотных спустя 40 лет советской власти – это прямые издержки классового подхода в период проведения культпоходов 1920-1930-х годов, когда любой человек, отнесенный к категории «врагов народа», «лишенцев», «бывших» и членов их семей, лишался доступа к образованию.

Впрочем, мы предоставляем читателям возможность самим ознакомиться с документами и прикоснуться к ранее не освещавшимся страницам в истории старшего поколения. А исследователи могут по-новому посмотреть и оценить казалось бы решенную проблему, которая совсем недавно излагалась в ином ключе.

№ 1**Приказ министра просвещения Кабардино-Балкарской АССР о ликвидации неграмотности среди населения республики.****22 февраля 1958 г.**

По данным органов народного образования в республике неграмотность в основном ликвидирована, но всё же работа остается еще незавершенной. В ряде районов отпускаемые для этой цели средства не осваиваются.

Бюро Обкома КПСС и Совет Министров указанным постановлением обязали райгорисполкомы рассмотреть вопрос о полной ликвидации неграмотности среди населения и принять необходимые меры к завершению этой работы до начала Всесоюзной переписи населения в 1951 г.:

– обеспечить в установленной срок полный учет неграмотного населения в возрасте от 16 до 50 лет, возложив эту работу на поселковые и сельские советы трудящихся.

Заведующим райгор ОНО:

1. Обеспечить активное участие учителей школ и работников отделов народного образования в работе по выявлению неграмотных в возрасте от 16 до 50 лет;

2. Организовать обучение... неграмотных и завершить эту работу в течение 1958 г.; закрепить за каждой школой неграмотных, проживающих в микрорайоне данной школы; установить связь с районными (городскими) военными комиссариатами и при их помощи организовать обучение неграмотных допризывников и допризывников, не имеющих образования за начальную школу, а также обучение русскому языку.

3. Привлечь к обучению неграмотных учителей школ, работников культпросветучреждений, комсомольцев и членов профсоюзов, имеющих соответствующую подготовку.

4. Выплачивать... лицам, обучавшим неграмотных, за каждого неграмотного... после соответствующей проверки качества обучения – 100 руб. из средств по бюджету.

5. Обеспечить бесплатно каждого неграмотного букварем и школьно-письменными принадлежностями за счет местного бюджета и средств кооперативных и профсоюзных организаций.

6. Директорам школ использовать для обучения неграмотных помещения школ во внеурочное время.

7. Обязать:

а) директоров школ организовать проверку знаний учащихся, окончивших занятия... по программам... обучения неграмотных, направляя их в начальные классы рабочей и сельской молодежи для продолжения образования...

б) институт усовершенствования учителей, рай/гор/педкабинеты и директоров школ оказывать необходимую помощь учителям и общественникам, занимающимся обучением неграмотных.

№ 2

Справка секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ секретарю ЦК ВЛКСМ об участии комсомольских организаций республики в ликвидации малограмотности среди молодежи.

27 ноября 1958 г.

Совместно с органами народного образования проведен подворный обход в каждом населенном пункте с целью выявления малограмотного населения в возрасте от 16 до 50 лет. Со всеми комсомольцами и учителями... проведены семинары

...по состоянию на 12 февраля 1958 г. выявлено 173 молодых неграмотных и 512 малограмотных (всего 733 неграмотных и 1867 малограмотных).

В связи с завершением переселения балкарского населения в республику было дополнительно выявлено 120 молодых неграмотных и 210 малограмотных.

На ликвидацию малограмотности молодежи было направлено 885 комсомольцев, учителей, врачей и специалистов с/х. К 29 октября 1958 г. малограмотность и неграмотность среди молодежи была ликвидирована. Обучено 293 неграмотных и 722 малограмотных.

К 1 января 1958 года в республике намечается закончить обучение грамоте всех неграмотных граждан.

№ 3

Из постановления заседания бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС о ходе работы по ликвидации неграмотности среди населения.

30 января 1959 г.

...в ряде районов республики неудовлетворительно проводится обучение неграмотных и малограмотных. На 25 января 1959 г. из 2726 неграмотных обучено 2249 чел.

Особенно плохо занимаются этим вопросом парторганизации, органы народного образования Зольского, Прохладненского, Урожайненского, Терского районов и г. Нальчика.

№ 4

Из постановления заседания бюро Нальчикского горкома КПСС о ходе работы по ликвидации неграмотности среди населения г. Нальчика.

9 февраля 1959 г.

...в городе медленно проводится работа по ликвидации неграмотности среди населения. Из 196 граждан, подлежащих обучению, по состоянию на 1 января 1959 г. обучено 143 человека и продолжают обучение 41 человек.

В сельских школах Вольного Аула, Белой речки и Хасаньи из 78 неграмотных обучено только 49.

Обязать городской отдел народного образования и отдел пропаганды и агитации горкома КПСС организовать дополнительную работу по выявлению неграмотных в сс. Вольного Аула, Белой речки и Хасаньи.

Отделу пропаганды и агитации горкома КПСС систематически контролировать ход обучения неграмотных.

№ 5

Из постановления заседания бюро Нальчикского горкома КПСС о ходе ликвидации неграмотности среди взрослого населения города. 7 августа 1959 г.

...работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения в городе ведется неудовлетворительно. Учет неграмотного населения организован плохо, вследствие чего многие неграмотные не были выявлены.

По данным горно, на начало 1959 г. в городе насчитывалось 44 неграмотных, а по итогам переписи населения в 1959 г. их оказалось 1195 чел., в том числе по г. Нальчику – 879 чел., по Вольному аулу – 249, по сел. Хасанья – 39, по Белой речке – 28 чел.

Из общего количества неграмотных женщины составляют 85%.

№ 6

Из постановления бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС о ходе ликвидации неграмотности среди взрослого населения республики. 10 июля 1959 г.

Ликвидация неграмотности взрослого населения республики не завершена. Горком, райкомы КПСС, горрайисполкомы не придали должного значения этому мероприятию. Учёт неграмотного населения был проведен формально.

На начало 1952 г. в республике насчитывалось 2726 неграмотных, а по итогам переписи населения в 1959 г. их оказалось – 5273 чел. Из всех неграмотных женщины составляют 80%.

Наибольшее число неграмотных выявлено в Урванском районе – 909 чел. 2,9% общей численности населения района, в Зольском – 689 чел. (2,8%), Майском – 407 чел. (1%), Эльбрусском – 638 чел. (1,7%).

В Прималкинском, Советском, Зольском районах имеются факты использования средств на ликвидацию неграмотности не по назначению. Министерство просвещения крайне недостаточно руководило ходом ликвидации неграмотности, не было методической помощи учителям, недостаточно обеспечило учебниками, пособиями.

Бюро обкома КПСС постановляет:

– Обратить внимание горкома, райкомов КПСС и райисполкомов на выполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 января 1958 года «О ликвидации неграмотности среди населения».

– Обязать Нальчикский горком, райкомы КПСС, горрайисполкомы, Министерство просвещения:

– рассмотреть вопрос о завершении ликвидации неграмотности взрослого населения в течение 1959 и 1960 гг.;

– установить строгий контроль за ходом ликвидации неграмотности среди населения со стороны партийных, советских, комсомольских, профсоюзных организаций и ОНО;

– горкомам, райкомам КПСС доложить обкому КПСС о ходе выполнения настоящего постановления 1 января и 1 июня 1960 г.

№ 7

Справка секретаря Зольского райкома КПСС первому секретарю обкома КПСС Т. К. Мальбахову о состоянии ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения Зольского района.

16 марта 1960 г.

В период Всесоюзной переписи населения в 1959 г. в районе выявлено 475 неграмотных и 321 малограмотных в возрасте до 50 лет, в основном в Сармаковском, Малкинском, Каменноостковском сельских советах.

Бюро райкома партии рекомендовало для ликвидации неграмотности и малограмотности населения: организацию при школах групп взрослых и индивидуальное обучение. Преимущественно используется индивидуальное обучение. Из 475 неграмотных в 1959 г. обучено 110 чел.

В январе-феврале месяцах текущего года обучены... 25 неграмотных. Сейчас в районе насчитывается 340 неграмотных. Все они закреплены за... учителями, активистами из числа коммунистов и комсомольцев.

В 1959 г. обучено 63 малограмотных из 321 и обучаются 40 малограмотных допризывников.

Обучением неграмотных и малограмотных занимаются 120 учителей. Вопрос обсудили на совещаниях директоров школ и первичных партийных, профсоюзных и комсомольских организаций.

Работа Сармаковской средней школы по ликвидации неграмотности обсуждена в Министерстве просвещения республики.

Данный вопрос был обсужден на партийных и профсоюзных собраниях школ. Отдел пропаганды и агитации с райОНО проверили школы районов. Периодически комиссией проводится проверка знаний обученных.

Однако в работе имеются факты формализма. Обучение неграмотных и малограмотных возложена в основном на учителей. Партийные и комсомольские организации в должной мере не привлекают к участию в этой работе грамотных коммунистов и комсомольцев.

Принимаются все меры к тому, чтобы к 1 мая завершить обучение неграмотных в возрасте до 50 лет и малограмотных допризывников.

№ 8

Из письма начальника Статуправления КБАССР Г. Фомина секретарю Кабардино-Балкарского обкома КПСС.

25 октября 1960 г.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. в КБАССР учтено 41535 неграмотных. Из них 6206 неграмотных в возрасте от 9 до 49 лет включительно (подлежат обучению) и 35329 чел. в возрасте старше 50 лет.

По сравнению с 1939 г. число неграмотных в республике сократилось в 5,6 раза. Из общего количества неграмотных в 1959 г. женщины составляют 79,4%, в том числе в городах 83,6%.

Из 6206 неграмотных – 17% составляют лица, не умеющие ни читать, ни писать по болезни (умственная отсталость, слепые, глухонемые и т. д.)

Наибольшее число неграмотных выявлено в сельсоветах Нальчикского горисполкома – 315 чел. или 3,1% общей численности населения, в Урванском районе – 859 чел. (2,8%), Зольском – 565 чел. (1,9%), Майском –

396 чел. (1,7%), Эльбрусском – 597 чел. (1,6%), Чегемском – 464 чел. (1,5%).

В 4 автономных республиках и 1 области Российской Федерации выявлено наибольшее число неграмотных, в том числе и Кабардино-Балкарской АССР.

№ 9

Из постановления бюро обкома КПСС и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР о завершении ликвидации неграмотности. 25 сентября 1962 г.

Из 6206 неграмотных обучено лишь 2906, или 47%. В настоящее время обучением охвачено только 455 чел. Во многих районах работа по ликвидации неграмотности... по существу прекращена.

В Прохладненском районе из 614 неграмотных обучено лишь 172 чел., в Эльбрусском районе из 597 чел. обучено только 189. В г. Нальчике из 1236 неграмотных обучено только 224 чел. Аналогичные недостатки имеют место в Лескенском, Майском, Чегемском и др. районах. В течение последних лет не осваиваются средства на ликвидацию неграмотности в Прохладненском, Советском и Урванском районах.

Недопустимым является неграмотность среди подростков, что свидетельствует о серьёзных недостатках всеобщего обучения детей. Многие партийные и советские органы не понимают значение ликвидации неграмотности.

Во исполнение постановления Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 27 августа 1962 г. «О завершении ликвидации неграмотности в Российской Федерации» бюро обкома КПСС и Совет Министров постановляют:

Обязать райкомы, горкомы КПСС, райисполкомы принять меры к завершению ликвидации неграмотности в ближайшие 2–3 года.

Совету народного хозяйства, министерствам и ведомствам республики обеспечить... учет неграмотных... в возрасте от 16 до 49 лет; разработать планы обучения грамоте к 1 июля 1965 г.

Министерству просвещения КБАССР усилить работу по ликвидации неграмотности в течение 2–3 лет. В срок до 15 октября 1962 г. выявить неграмотных подростков до 16 лет и определить формы их обучения в школах для переростков.

Обеспечить каждого обучающегося учебниками и организовать систематический контроль за ликвидацией неграмотности на местах.

Минпросу и Госплану с 1963 г. запланировать расширение сети 3–4 классов вечерних (сменных) средних общеобразовательных школ.

№ 10

Информация секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС в бюро ЦК КПСС по РСФСР о завершении ликвидации неграмотности. 5 июня 1963 г.

...проведен учет неграмотных взрослого населения и их закрепление за учителями и другими лицами из числа местной интеллигенции и учащимися старших классов школ республики.

По состоянию на 1 июня 1963 г. из 1570 неграмотных обучено 638. В настоящее время охвачены дальнейшим обучением 932 неграмотных.

№ 11

Из постановления бюро обкома КПСС о состоянии работы по завершению ликвидации неграмотности среди населения республики 25 июля 1963 г.

В большинстве городов и районов запущен учет неграмотных и малограмотных (Баксанском районе, в гг. Тырныаузе и Докшукино).

На предприятиях, колхозах и совхозах не созданы условия для обучения неграмотных и малограмотных рабочих и колхозников, нет планов завершения ликвидации неграмотности.

К обучению трудящихся не привлекается инженерно-технические работники, специалисты сельского хозяйства, врачи, студенты и учащиеся.

В числе молодежи призывного возраста 100 неграмотных и малограмотных, 2992 допризывника окончили только 4–6 классов.

Мало уделяется внимания повышению общеобразовательной подготовки коммунистов и комсомольцев.

Низкий уровень образования и культуры части населения республики является одной из причин роста правонарушений. В числе отбывающих сроки наказания в... КБАССР более 120 неграмотных и малограмотных.

В школах республики не выполняется Закон о всеобуче. В 1962–63 уч. годы из I–VIII классов 395 учащихся перестали ходить в школу. Имеются неграмотные и малограмотные подростки.

№ 12

Из Постановления Президиума обкома профсоюза рабочих пищевой промышленности об участии профорганизаций КБАССР в ликвидации неграмотности и малограмотности населения в 1963–64 уч. году. 20 сентября 1963 г.

За 1962–63 уч. год обучено 978 неграмотных и 1286 малограмотных. Но профорганизации еще недостаточно уделяют внимания этому участку работы.

В целях ликвидации неграмотности и малограмотности населения Президиум обкома профсоюза постановляет:

Всем ФЗМК учесть на каждом предприятии неграмотных и малограмотных и организовать их обучение.

Установить систематический контроль над организацией занятий с неграмотными и малограмотными, создав все условия для учебы.

ФЗМК представить в обком профсоюза информацию о ликвидации неграмотности и малограмотности к 1 декабря 1963 г. и к 1 июня 1964 г.

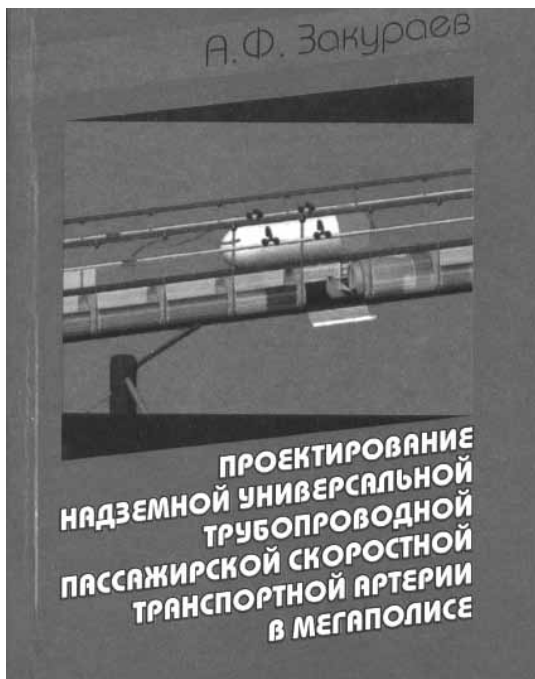
А. Ф. Закураев

Монография посвящена проблемам развития теории и проектирования надземного трубопроводного транспорта в мегаполисе и примыкает к ранее изданным монографиям. Рассмотрено место и роль надземного трубопроводного пассажирского транспорта как нового вида городских транспортных артерий в системе городского хозяйства мегаполисного типа.

Изучение проблем ведется комплексно с использованием метода системного анализа «население-город-транспорт»: рассмотрены основные понятия теории городских массовых пассажирских перевозок, система организации надземного городского пассажирского транспорта.

На основе анализа, опыта развития транспорта в мегаполисе, проектирования альтернативных транспортных систем за рубежом предлагается основное направление совершенствования управления и координации единым транспортным комплексом мегаполиса. Определены основные требования по моделированию процессов проектирования надземной универсальной пассажирской трубопроводной транспортной артерии, выбору критериев оптимальности трассирования с помощью ЭВМ, информационному, техническому и программному обеспечению таких систем; расчетам трубопроводов на ЭВМ, теории массового обслуживания, кинематике движения транспортных пассажирских капсул, методам расчета трубопровода и опор, а также дано заключительное инженерное решение, определены организационно-технические мероприятия для проектирования надземной универсальной пассажирской скоростной транспортной артерии в мегаполисе.

Монография рассчитана на научных

А.В. Рябков, В.А.Иванов, А.Ф. Закураев

**РАЗРАБОТКА НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ
УКЛАДКИ ТРУБОПРОВОДОВ
НА КОМПОЗИТНЫХ ПОНТОННЫХ МОДУЛЯХ
В УСЛОВИЯХ СИБИРИ И КРАЙНЕГО СЕВЕРА**

Монография

работников, инженеров-конструкторов, занимающихся проблемами проектирования альтернативных транспортных систем в мегаполисе.

В монографии рассмотрены исследования свойств болот; материалы, применяемые в понтонных модулях; основные математические методы для расчета конструкций понтона и технологических систем укладки трубопроводов; положения по расчету и конструированию модульных понтонных блоков; оборудование для укладки трубопроводов; методы расчета устойчивости технологической системы; система автоматизации укладки трубопроводов; изгото-

вление и монтаж нежесткой дорожной одежды, ремонт и обслуживание; транспортировка.

Все теоретические, методологические и расчетные проблемы представлены в комплексном и системном изложении.

В номере:

<i>Салих Гуртуев. Горенье. Стихи</i>	2
Он был душой в родном краю. <i>Репортаж</i>	3
<i>Адам Гутов. Талант и труд. Статья</i>	9
<i>Светлана Алхасова. Своя песня Бориса Кагермазова. Статья</i>	15
<i>Анатолий Парпара. Заметки. Думая о Лермонтове. Эссе</i>	20
<i>Мухадин Огузов. Стихи</i>	35
<i>Юзейир Жулабов. Без вины виноватые. Главы из книги</i>	39
<i>Сватоплук Чех. Черкес. Поэма</i>	62
<i>Кирилл Ладутько. Единственный лидер – русский язык... Интервью</i>	69
<i>Мухаб Бжеников. Люблю России честь. Статья</i>	73
<i>Фатима Кучинаева-Казакова. Рассказы</i>	76
<i>Лилия Кибиева. Утренняя звезда. Рассказ</i>	86
<i>Зарема Ашинова. Герои Кавказской войны 1763–1864 гг. Статья</i>	98
<i>Азрет Тепеев. Народный мститель Омар Батырбиев. Очерк</i>	103
<i>Султан Пишибиев. Защитник Отечества силен патриотизмом и современным оружием. Статья</i>	108
<i>Хасан Тхазеплов. Ибрагим Гадиев. Стихи</i>	110
<i>Салих Гуртуев. Тепло человечности не остывает. Очерк</i>	111
<i>Батыр ас Аланский. Дорога. Главы из повести</i>	115
<i>Кадир Шокуев. «Сущностью слов возрождаясь...» Статья</i>	128
<i>Зинаида Мальбахова. Формируя просвещенную личность. Статья</i>	132
<i>Алий Кульбаев. Фельдшерница Клавдия. Рассказ</i>	135
<i>Георгий Яропольский. Кремнистый путь. Стихи</i>	138
<i>Эдуард Битиров. Народная не только по статусу. Очерк</i>	141
<i>Лера Мурашова. Грозовой просвет. Стихи</i>	143
<i>Людмила Кумыкова. Рецедивы неграмотности населения Кабардино-Балкарии в середине прошлого века. Статья</i>	147
<i>Книжные новинки. А. Ф. Закураев</i>	157

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

Фотографии:
А. Елканов, Ж. Кандорова, Э. Караева

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
Управление Роскомнадзора по КБР
ПИ № ТУ 0700092 от 18.12.13 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: Л. М. Батит
Дизайн первой страницы обложки Юрия Сабанчиева

Подписано в печать 29.11.14. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 10.

Тираж 2082 экз. Заказ № 226.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Отпечатано ООО «Тетраграф».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
